Разговоры с мертвыми. Рассказы приходских священников

Художественная литература 2026

Разговоры с мертвыми. Рассказы приходских священников

Люди порой сталкиваются с такими таинственными явлениями, которые не могут объяснить. Авторы этой книги — православные священники, и они рассказывают о чудесах, связанных с гостями из иного мира.

Главная задача этой необычной книги — свидетельствовать об истине бытия Божия, о Творце видимого мира и не видимого, Творце бесплотных сил, из которых одни — светлые ангелы, а другие — лукавые демоны.

Во всех этих событиях, несомненно, присутствует Промысл Божий, который не оставляет человека на протяжении всей его жизни.

Материалом для книги послужили рассказы приходских священников, которые публиковались в XIX–XX веках в российских журналах «Русское слово», «Странник», «Душеполезное чтение», «Троицкий листок» и других источниках, в том числе в журнале «Церковные ведомости», издававшемся Святейшим Синодом.

Рассказ странника

Однажды ко мне на ночлег попросился старичок-странник:

— Батюшка, я ходил в Киев помолиться святым угодникам Божиим. Прими меня на одну ночь, ради Христа!

Я не смог ему отказать и пригласил в дом. Странник поблагодарил, снял котомку и устало сел около печки. После горячего чая он повеселел, и мы разговорились.

— Вот уже десять лет, как я похоронил жену, — рассказывал он, — детей у меня нет, и все эти годы паломничаю по разным святым местам: был в Иерусалиме, в Троице-Сергиевой лавре, на Святой горе Афон, а теперь возвращаюсь из Киева. Да, батюшка, мне только и осталось ходить по обителям. Родных у меня нет, работать уже не в силах.

— Но, друг мой, — сказал я ему, — чтобы ходить по святым местам, нужны деньги, прокормить себя в дороге, сколько других расходов…

— Бог не без милости, а мир не без добрых людей. Господь велел, и люди принимают нас, странников. Вот и вы не отринули меня, грешного.

Наша беседа затянулась далеко за полночь. Утром я служил литургию и позвал его с собой в храм. После службы он пообедал у меня и стал собираться в путь. Когда он брал у меня благословение, я заметил у него на руке следы от затянувшихся ран.

— Что это такое? — спросил я.

— Батюшка, я долго болел, не знал, как вылечиться, но Господь исцелил меня по молитвам Своих угодников.

Эта болезнь и заставила меня, грешного, ходить по святым местам, потому что я тогда забыл

Господа Бога и предался миру и его искушениям.

Лет десять тому назад у меня умерла жена. На сороковой день я собрался помянуть покойницу. Накануне сходил на базар в соседнее село, закупил всё необходимое для поминок. В сороковой день попросил священника отслужить литургию за упокой новопреставленной и собрал народ на поминки.

Утром, как ни старался, не мог подняться с постели: не было сил. Меня осмотрел доктор, но его лечение не помогло, я пролежал неделю без движения и тут наконец вспомнил про Господа! Приглашённый мной священник отслужил молебен Пресвятой Богородице, Заступнице нашей, и святителю Николаю.

После молебна к нам домой попросился на ночлег один старец-странник. Когда он увидел меня, то сказал:

«Видно, за грехи наказал тебя Господь. Но Он милостив, молись Ему! У меня есть масло от мощей киевских святых, помажь им больные места».

Около полуночи, когда все спали, я разбудил своего племянника и попросил помазать мне маслицем больные места. Он выполнил мою просьбу, и вскоре я заснул. Утром мне сказали, что странник недавно ушёл. Я велел племяннику догнать его и спросить, нет ли у него ещё масла от киевских святынь. Старец не вернулся, но передал:

«Если Господь поднимет его с постели, то пусть сходит в Киев, там получит полное исцеление».

На следующий день я опять помазал освящённым маслицем больные места и смог уже вставать и понемногу ходить, а через три дня был совершенно здоров.

«Слава Тебе, Господи, — подумал я, — завтра позову священника, он отслужит молебен, а весной, Бог даст, пойду в Киев помолиться святым угодникам и поблагодарить их за исцеление!».

Но Господь всё устроил по-другому. Этой же ночью мне опять стало плохо. Тогда я понял, что нельзя откладывать паломничество до весны. Нет, как только поправлюсь, сразу же пойду! И милосердный Господь благословил моё сердечное желание.

Прошло два дня, и я выздоровел. Собрав кое-что в дорогу, я простился с родными, взял посох и пошёл с надеждой на Господа Бога. По пути в Киев заходил в Воронеж и Задонск, наконец к ноябрю дошёл до Киева.

Ах, батюшка, как там хорошо! Сколько там почивает мощей святителей, праведных, преподобных! Сердце радуется, душа так и хочет улететь в горний мир. Прожил там недели две — и, слава Богу, от моей болезни остались только следы.

Три года тому назад умер мой племянник. Я продал свой дом и теперь странствую по святым местам.

Бунт

Это случилось на пятой неделе Великого поста. В сельском храме готовились к великому празднику Воскресения Христова. Прихожанку храма, благочестивую старушку, попросили почистить церковную утварь и образа. После литургии батюшка вместе со старостой принесли

к ней домой икону святой великомученицы Параскевы в серебряной ризе, которая сильно потемнела от времени.

На следующий день мужики вышли из храма и стали возмущаться:

— Как батюшка посмел вынести икону из церкви, не спросив об этом у прихожан?!

Решили организовать собрание общины и пригласить туда батюшку. Когда он пришёл и выслушал обвинения, то попытался их убедить, что старушка надёжная, что она подготовит икону к великому празднику Пасхи и завтра он сам привезёт образ. Слова священника не успокоили прихожан, они стали кричать, что икона пропадёт, что в церковь привезут другую, уже не в серебряной ризе, что батюшка, скорее всего, подкупил старуху… Словом, надо было срочно привезти икону, чтобы успокоить толпу.

Приказав заложить сани, священник с церковным старостой поехали к старушке. По дороге они проезжали мимо соседней деревни. Её жители уже слышали о мнимой краже иконы, и не было избы, из которой не сыпались бы на бедные головы священника и старосты самые обидные и непристойные ругательства.

Приняв от старушки вычищенный образ и вернувшись в село, священник потребовал у сторожа ключ от церкви, чтобы поставить икону на место. Но тот ответил, что ключ у него отобрали селяне. В это время к ним подошли вооружённые дубинами мужики. Они дерзко сказали батюшке:

— Мы караульные, в храм тебя не пустим! Завтра днём посмотрим на икону! Если та самая, то хорошо, а если другая, мы с тобой разделаемся!

Сколько ни убеждал их священник, но вынужден был отнести икону к себе домой и ждать следующего дня. Лишь только он успел затеплить лампаду перед святым образом, как к нему постучал мужик и позвал его к умирающей старухе. Для того чтобы батюшка мог взять Святые Дары, караульные открыли церковь и проводили его до алтаря и обратно.

На следующий день, на рассвете, сельский староста вновь пришёл к священнику, объявив, что прихожане собрались и требуют его к себе. На этот раз толпа не давала батюшке сказать ни слова. Больше всех кричал один старик, отец сельского старосты.

Священник обратился к нему:

— Побойся Бога! Зачем ты, старый человек, внушаешь молодёжи такие мысли? Ведь грешно, одумайся! Тебе надо их вразумить, а ты кричишь громче всех! Бог может наказать тебя за это!

Но старик продолжал обвинять батюшку в воровстве и вдруг упал на землю, разбитый параличом. Все затихли.

— Его наказал Господь, пойдёмте скорее за иконой, помолимся святой Параскеве! — пронеслось в толпе.

Долгое время старик был без сознания. А притихшие прихожане служили молебны о его здравии и просили Господа о прощении…

Разбойник вразумил

В небольшом селе, расположенном на берегу живописной реки, праздновали день Пресвятой Троицы. Из калитки вышел опрятно одетый старичок, белый как лунь, с ласковым лицом и добрыми улыбающимися глазами. Подростки, увидев его, с радостными криками побежали к нему:

— Здравствуй, дедушка Егор! Расскажи что-нибудь, расскажи!

Этот старик был отставным унтер-офицером, человеком начитанным, благочестивым и немало видевшим на своём веку. Присев на завалинку, дедушка Егор подождал, пока все расположились рядом, и начал свой рассказ:

— Уж более сорока лет прошло с тех пор, как мне стал особенно памятным праздник Святой Троицы. Мне тогда было лет двадцать пять, я ещё не вступил в полк и работал приказчиком. Мой товарищ, тоже приказчик, Пётр Иванович, был сыном купца, в десять лет остался круглым сиротой и жил у своей тётки, помещицы, женщины кроткой и благочестивой. Пётр Иванович был тихим, скромным и мог отдать нищему последнюю копейку.

Но человек не без греха, и Пётр Иванович тоже имел свои странности. Он почему-то не любил ходить в церковь. Я говорил ему:

— Пётр, почему ты в церковь редко ходишь? Хоть бы к обедне сходил!

Он улыбнётся, бывало, и скажет:

— Всё равно, где молиться: дома или в церкви, Бог-то один! Так что я могу и дома помолиться!

Однажды накануне праздника святых апостолов Петра и Павла он пошёл в поле. Солнце тихо садилось за лесом, вечер был чудесный, ничто не предвещало ненастья. Когда Пётр Иванович подошёл к полю, погода резко изменилась: подул сильный ветер, в небе появилась чёрная грозовая туча. Вскоре хлынул дождь, засверкала молния. Он сошёл с грязной дороги на траву и остановился. В этот момент сверкнула молния и ударила в землю в двух шагах от него. Если бы Пётр Иванович не сошёл с дороги, то молния попала бы в него.

В другой раз, на праздник Воздвижения Креста Господня, он вместе со сторожем пошёл в лесную сторожку. Пётр Иванович послал сторожа на чердак, а сам ждал его в сенях. Вдруг какая-то сила подтолкнула его в горницу. Как только Пётр Иванович вошёл и закрыл за собой дверь, в сенях послышался страшный грохот.

Когда он открыл дверь, то не поверил своим глазам: потолок в сенях обвалился. Оказывается, сторож, когда стал слезать с чердака, облокотился на перекладину, поддерживающую потолок. Перекладина была гнилой, она и обрушилась. Петра Ивановича задавило бы, если бы он остался в сенях.

В его жизни были и другие случаи чудесной помощи Божией, но он не вразумлялся и по-прежнему не ходил в храм. Я надеялся только на то, что Сам Господь обратит его на путь истинный и заставит ходить в церковь!

Накануне праздника Пресвятой Троицы Пётр Иванович поехал в город, чтобы переложить свои деньги из городского банка в губернский. Он был очень трудолюбивый человек, а деньги копил на чёрный день. После того как он взял деньги из банка, Пётр Иванович решил отвезти их

сначала домой. В городе его стали отговаривать знакомые:

— Куда ты поедешь, ведь завтра большой праздник! Сходил бы ты в церковь, помолился, а завтра после обеда и поехал бы, ведь тебе некуда спешить! А теперь ехать опасно: вечер, да и гроза собирается.

Но Пётр Иванович не послушался.

Как только он двинулся в путь, в храме зазвонил колокол ко всенощной. Но он всё равно не стал заезжать в храм. Вскоре стал накрапывать дождик, постепенно превратившийся в ливень. Когда Пётр Иванович въехал в лес, то подумал: «Уже половину пути проехал, скоро и до дома доберусь!» С этими мыслями он продолжал путь. Вдруг кто-то схватил его лошадь за узду и закричал:

— Стой!

Хотя Пётр Иванович был не из робкого десятка, он сильно испугался. На него набросились несколько человек, ударили по голове и стащили с телеги…

Когда он очнулся, увидел, что уже наступило утро. Он лежал на земле, раздетый, лошади рядом не было. От слабости Пётр Иванович не мог даже пошевелиться. Тогда он обратился к Богу с молитвой:

— Господи! Я очень грешен перед Тобой, я не ходил в Твой храм! Прости меня, помоги мне, не дай мне умереть без покаяния! Обещаю, что буду ходить в церковь!

После этого он потерял сознание, а очнулся уже у меня в доме. Случилось это так. В тот день после литургии я должен был ехать в город по делам. Когда я проезжал по лесу, услышал чьи-то стоны. Вижу, кто-то лежит. Я перекрестился, слёз с телеги и подошёл поближе. Как же я удивился, увидев перед собой Петра Ивановича! Он, бедный, был весь в крови и без сознания… Я кое-как взвалил его на телегу и привёз к себе домой.

Через день он пришёл в себя.

Болел Пётр Иванович полгода. Хозяин его уволил, и он остался без куска хлеба. Во время болезни он ни разу не возроптал на Господа Бога, всё время молился и говорил:

— Я этого достоин. Слава Тебе, Господи!

Когда ему стало лучше, он решил искать себе работу, но я его не пустил:

— Куда ты пойдёшь? Ты ещё не совсем здоров. Слава Богу, еда кое-какая есть, нам с тобой хватит, прокормимся. А то у меня родные умерли, теперь и ты уйдёшь. Ни за что не пущу!

Так и остался Пётр Иванович у меня жить. Он стал часто ходить в церковь, много молился, за всё благодарил Господа.

Незаметно прошёл год, опять наступил праздник Пресвятой Троицы. В этот день Пётр Иванович долго на коленях молился в храме. Когда он пришёл домой, я спросил:

— О чём ты так усердно молился?

— Я просил, чтобы Господь пристроил меня куда-нибудь. Не могу же я даром есть твой хлеб! — И заплакал.

А я сказал:

— Да что ты, Бог с тобой! Кто тебя попрекает хлебом? Бог милостив, не оставит.

Только я произнёс эти слова, как принесли бандероль и письмо на имя Петра Ивановича. Что такое, думаю, ведь он никогда не получал писем.

А он мне говорит:

— Это тебе, наверное, прислали, а по ошибке моё имя написали.

Я взял письмо, стал читать и не поверил своим глазам. Это письмо прислал тот, кто ограбил Петра Ивановича под Троицын день и по чьей вине он остался без куска хлеба! Вы, может быть, спросите, кто был этот человек? Этого я не знаю, он ничего о себе не сообщил.

Этот недобрый человек писал, что хотел украденные деньги припрятать на чёрный день. Но совесть не давала ему покоя, с каждым днём ему становилось всё тяжелее. Наконец он решил вернуть деньги.

Я молча протянул письмо Петру Ивановичу. Прочитав его, он заплакал, опустился на колени перед образом Спасителя и стал молиться.

И я тоже не мог сдержать слёз.

Раскаяние раскольника

Вот что рассказал мне крестьянин, прихожанин нашего храма:

— Я, батюшка, в молодости был в расколе вместе со своей семьёй. Но милосердный Господь, Который не хочет смерти грешника, вразумил меня, окаянного.

Мой отец завещал отвезти его тело после смерти в деревню Лисенки, где была секта беспоповцев. И там после отпевания раскольническим попом, то есть старой девой, похоронить его в лесу, где обычно хоронят раскольников.

Когда отец умер, я, выполняя отцовское завещание, повёз его тело в Лисенки. Тогда мы, раскольники, боялись православных: если бы они узнали о захоронении в лесу, то должны были сообщить об этом властям, к нам приехал бы полицейский, а там следствие… Поэтому я поехал глухой ночью. До Лисенок надо было ехать лесом. Поездка с мертвецом, ночь, крик сов — всё это привело меня в сильное уныние. Но я продолжал ехать, думая, что делаю доброе, святое дело — исполняю завет отца. Но тут-то и случилась страшная история. Наверное, Господь сжалился над Своим погибающим созданием, захотел меня, окаянного, вернуть в лоно Матери — Святой Православной Церкви, от которой отошёл мой отец и меня увлёк на погибель. Проехав половину пути, я случайно обернулся и увидел, что мой покойный батюшка лежит на дороге!

«Что за чудо, — подумал я. — Телега ехала тихо. Я услышал, если бы тело упало на дорогу!»

Тем не менее тело покойного лежало на земле, а пустой гроб стоял, накрытый крышкой!

Будто невидимая сила выхватила тело моего несчастного отца, умершего без церковного покаяния, и повергла его на землю. У меня даже волосы на голове зашевелились и прошиб озноб. Даже сейчас мне страшно вспоминать об этом… Я положил тело в гроб, а крышку

привязал верёвкой. И что же? Через некоторое время тело опять было на земле! Так повторялось три раза.

И враг-то, батюшка, помрачил меня, окаянного! Мне надо было вернуться назад, а я всё ехал, как одержимый, вперёд, боясь, что надо мной будут смеяться мои же собратья-раскольники.

Не помню, как я доехал до Лисенок, потом похоронил отца, по обычаю раскольников, в лесной глуши.

Этот страшный случай так на меня подействовал, что я вскоре оставил раскол и присоединился к Православной Церкви, а вместе со мной в Православие перешло и моё семейство.

С тех пор, батюшка, опротивели мне раскольники, я избегаю бесед с ними, как смертоносной заразы. Так вразумил меня Господь.

Скованный цепями

Недавно я услышал поразительный рассказ. В одном приходе после смерти настоятеля его место занял новый батюшка. Через несколько дней он тоже отошёл ко Господу. Его место занял другой священник. Но с ним случилось то же самое — он вскоре умер! Таким образом, приход в течение месяца лишился двух новых священников.

Духовное начальство нашло нового кандидата на освободившееся место, им оказался молодой священник. Его первая служба в храме приходилась на праздничный день.

Войдя в алтарь, батюшка неожиданно увидел недалеко от святого престола незнакомого священника, в полном облачении, но скованного по рукам и ногам тяжёлыми железными цепями. Недоумевая, что всё это значит, батюшка, однако, не потерял присутствия духа. Помня, зачем пришёл в храм, он начал обычное священнодействие с проскомидии, а после прочтения третьего и шестого часов совершил всю Божественную литургию, не обращая внимания на постороннего священника, который после окончания службы стал невидим.

Тогда иерей понял, что тот скованный священник пришёл из загробного мира. Но что это значило и почему он стоял именно в алтаре, а не в другом месте, этого он не мог понять. Незнакомый узник во время службы не произнёс ни одного слова, только поднимал скованные цепями руки, указывая на одно место в алтаре, недалеко от престола.

То же самое повторилось и на следующей службе. Новый батюшка взглянул на то место, куда указывал призрак. Присмотревшись, он заметил лежавший на полу, около стены, небольшой ветхий мешок. Он поднял его, развязал и нашёл там множество записок о здравии и об упокоении, какие обычно подают священнику для поминовения на проскомидии.

Тут иерей понял, что эти записки остались непрочитанными умершим настоятелем храма, который явился к нему из загробного мира. Тогда он помянул на проскомидии имена всех, кто был в тех записках. И тут же увидел, как помог умершему священнику. Едва он закончил чтение этих записок, как тяжёлые железные цепи, которыми был скован загробный узник, с лязгом рухнули на землю.

А бывший настоятель подошёл к батюшке, не говоря ни слова, упал перед ним на колени и поклонился. После этого он снова стал невидим.

Служба отечеству

Как-то меня пригласили на освящение квартиры одного чиновника. Быстро одевшись, я вышел на улицу, где меня поджидал слуга этого господина, крепкий солдат. Пока мы шли, я спросил его, давно ли он на службе.

— Я уже, батюшка, второй год в отставке.

— А сколько лет ты служил?

— Двадцать пять.

Я удивился. Он был так моложав, что ему нельзя было дать больше тридцати лет.

— Наверное, служба-то была лёгкой, без особых трудов?

— Не знаю, что сказать на это, батюшка. Может ли у солдата быть лёгкая служба? На труд солдат и присягает! Вот я, например, прослужил двадцать пять лет, и всё на Кавказе. Сколько за это время мне пришлось вытерпеть! Да сколько я прошагал, вернее, пополз по горам Кавказа! И в Дагестане был, и в Чечне, да мало ли! К первым кавказским удальцам, может быть, и не принадлежал, но и не отставал от них.

— Как же ты смог так хорошо сохранить своё здоровье? — спросил я.

— Это, батюшка, из-за особенной ко мне милости Божией. Поэтому, думаю, и на военную службу попал.

— Да разве ты смотришь на военную службу как на особенную милость Божию к человеку? — удивлённо спросил я.

— Конечно, батюшка!

— Почему?

— А потому, что из-за военной службы я и свет Божий вижу, и счастлив в семейной жизни.

— Как же это? — спросил я.

— Я родился в селе, — начал он. — Мой отец был крестьянином, из трех его сыновей я самый старший. На шестнадцатом году моей жизни Господу было угодно испытать меня: я стал терять зрение. Так как я был помощником отца, моя болезнь сильно его печалила. Несмотря на свою бедность, он отдавал на моё лечение последнюю трудовую копейку, но ни домашние средства, ни лекарства не помогали.

Обращались мы с молитвой и к Господу, и к Матери Божией, и к святым угодникам, но и здесь не сподобились милости. Через какое-то время моя болезнь усилилась, и наконец я полностью ослеп. Это случилось ровно через два года с начала моей болезни. Совершенно потеряв зрение, я стал ходить ощупью и часто спотыкался. Тяжело мне было тогда, передо мной была постоянная, нескончаемая ночь. Не легче было и моим дорогим родителям.

Однажды, когда я был в доме один, вошёл отец. Положив руку мне на плечо, он сел рядом и задумался. Долго длилось его молчание. Наконец я не выдержал.

— Батюшка, — сказал я, — ты всё горюешь обо мне? Зачем? Я ослеп, потому что так угодно Богу. Что же, батюшка, ты хотел мне сказать, — спросил я его, — скажи откровенно!

— Эх, Андрюша, разве я могу сказать тебе что-то радостное? Думаю, что тебе надо идти к слепым и учиться у них просить подаяние Христа ради. Хоть чем-нибудь тогда поможешь нам, да и сам не будешь голодать!

И тогда я понял всю тяжесть моего положения и крайнюю бедность, из-за которой страдал мой отец. Вместо ответа я заплакал.

Батюшка, как умел, стал утешать меня.

— Не ты, — сказал он, — первый и не ты последний, Андрюша, дитятко моё! Наверное, так угодно Богу, чтобы слепые кормились Его именем. И просят-то они во имя Божие…

— Правда-то правда, — в волнении заметил я, — слепые просят подаяние во имя Божие, но многие ли из них живут по-христиански? Батюшка, я и сам думал об этом, зная вашу нужду, но никак не мог переломить себя! Лучше я день и ночь буду работать, жернова передвигать и голодом себя морить, но не пойду по окошкам, не стану таскаться по базарам и ярмаркам!

После такого решительного отказа мой отец больше не настаивал и не напоминал мне о подаянии.

В начале октября батюшка пришёл с улицы и, обратившись к матери, со вздохом сказал:

— Много у нас будет слёз на селе.

— Почему? — спросила мать.

— Да объявили набор в армию.

— Большой?

— Да не малый!

Потом батюшка внезапно спросил меня:

— А что, Андрюша, если бы Бог вернул тебе зрение, пошёл бы ты в солдаты? Стал бы служить за братьев?

— С величайшей радостью! — ответил я. — Лучше служить государю и Отечеству, чем с сумой ходить и даром есть чужой хлеб. Если бы Господь вернул мне зрение, я ушёл бы в этот же набор!

— Если бы Господь умилосердился на твоё обещание, я бы с радостью благословил тебя!

— И я! — добавила мать.

На этом вечер и закончился. Утром я встал рано, умылся и, позабыв о вчерашнем разговоре, стал молиться. И, о радость! Я вдруг стал видеть!

— Батюшка, матушка! — закричал я. — Молитесь вместе со мной! Встаньте на колени перед Господом! Кажется, Он сжалился надо мной!

Отец и мать бросились на колени перед образами:

— Господи, помилуй! Господи, спаси!

Через неделю я был совершенно здоров, а в начале ноября уже стал солдатом. Прошло двадцать пять лет моей службы, и у меня ни разу не болели глаза. А где я только не бывал, под какими ветрами, в каких сырых местах, какой переносил зной! Сейчас я женат, в отставке, и могу честным трудом кормить свою семью.

После этого, батюшка, я смотрю на военную службу как на милость Божию ко мне! Видно, батюшка, служба православному государю приятна Господу!

Весточка с благодатного Афона

В 1863 году из русского монастыря на Афоне в Россию была привезена хранящаяся там святыня — крест с частью Животворящего древа, камень от Живоносного Гроба Господня, частички мощей святого великомученика и целителя Пантелеймона и многих других угодников Божиих.

Во время пребывания афонской святыни в московском Богоявленском монастыре было записано и засвидетельствовано много случаев благодатных исцелений. Вот некоторые из них.

В сентябре 1867 года в Богоявленский монастырь была привезена больная Дарья Ивановна Колоколова. В течение одиннадцати лет у неё не ходили ноги, и она ползала на коленях.

Находившийся при святыне иеромонах и один из богомольцев приподняли больную и приложили к святыне. Как только они это сделали, она ощутила крепость в ногах, встала, простояла всю Литургию и с тех пор ходит самостоятельно.

Дочь отставного полковника Егора Ивановича Боголепова, Клавдия Егоровна, в продолжение четырнадцати лет страдала опухолью шеи, а после Великого поста из-за простуды её болезнь усилилась. Медицинские средства не помогали.

Она прибегла к помощи единого Всемогущего Врача душ и телес и, придя к афонской святыне, помолилась перед ней с усердием.

Вернувшись домой, Клавдия помазала больное место маслом от святых мощей и сразу почувствовала, что её опухоль стала уменьшаться. В тот же день, к вечеру, опухоль полностью исчезла.

Маменька, я выздоровел!

Однажды в августе я со своими сыновьями, Олегом и Аркадием, пошёл на огород, чтобы проверить, кто ворует овощи. В полночь Олег вдруг вскочил и стал бегать около стогов сена, будто кого-то ловил.

Я спросил:

— Олег, что ты делаешь?

А он в ответ:

— Папа, разбуди, пожалуйста, Аркашу, мы с ним поймает эту кошку и убьём: она бросилась на

меня со стога, разбудила и сильно ударила в грудь!

Я разбудил Аркашу и попросил его помочь Олегу. Аркадий подумал, что его брат ловит какую-то птицу, и спросил:

— Где она?

— Вот, лови её!

— Да тут никого нет!

— Ну как же нет? Ты что, не видишь? Вон кошка бегает!

Я не мог понять, что происходит. Чтобы дети не поругались, я велел им лечь спать. Аркадий скоро заснул, а Олег охал во сне. Ранним утром мы вернулись домой. От боли в груди мальчик еле дошёл до дома. Кроме того, у него стали болеть ноги и спина, начались судороги. Олег очень страдал и скоро превратился из здорового, крепкого ребёнка в скрюченного калеку.

Через неделю мы повезли его в город к известному доктору. После осмотра он сказал:

— Зачем вы привезли его? Медицина здесь бессильна! Если мальчик таким родился, ничего сделать нельзя!

— Помилуйте, доктор, — сказала моя жена, — мы пришли к вам как к лучшему врачу, помогите! Он не родился таким, его за неделю изменила неизвестная болезнь!

Тогда врач сказал нам:

— Медицина здесь бессильна! — И развёл руками.

Мы вернулись домой. Олегу стало хуже, он с трудом дышал, начал бредить. Из-за нестерпимой боли мальчик молил о смерти. Все были в отчаянии, не знали, чем помочь.

Старушка-соседка, вдова священника, выслушав рассказ моей жены о болезни сына, сказала:

— Отслужите молебен Божией Матери у Её иконы «Троеручица» и предоставьте его воле Божией!

С рассветом я и дети взяли Олега на руки, отнесли в церковь и положили его перед святой иконой. Мы отслужили водосвятный молебен с акафистом перед иконой Божией Матери, батюшка окропил его и прочитал над ним Евангелие, потом дал ему попить святой воды. После этого Олег, хотя и с трудом, уже самостоятельно мог дойти до дома, где его положили на постель, и он скоро заснул.

Во сне больной часто вздыхал и плакал. На следующий день, вскочив с постели, он прибежал к матери и радостно закричал:

— Маменька, не плачь обо мне, я выздоровел!

Бесноватая

Вера, прихожанка нашего храма, угрюмая, сварливая женщина, громко кричала на детишек соседа. Я не стал при всех стыдить её и отложил разговор на завтра.

В ту же ночь её муж постучал ко мне в дверь. Он сказал, что жене очень плохо, и позвал меня к ней. Я пошёл к ним с требником и епитрахилью. Там собралась толпа народа, а бесноватая, в одной рубашке, с растрёпанными волосами, сидела на печи, зверски смотрела на меня и стала плеваться, потом горько заплакала, приговаривая:

— Головушка моя бедная, зачем он пришёл?

Четверо сильных мужчин едва стащили её с печи и подвели ко мне. Вера же по-всякому ругала меня, пыталась вырваться и броситься на меня. Несмотря на это, я, накрыв её епитрахилью, стал читать молитвы об изгнании злых духов и на каждой молитве спрашивал:

— Выйдешь ли ты?

— Нет, не выйду, — был ответ, — мне тут хорошо!

— Побойся Бога, выйди!

Но бес не оставлял страдалицу. Наконец мне надо было идти к утрене, и я велел отнести её в храм. Когда собрался народ, я велел всем встать на колени и молиться Богу об избавлении Веры от беса, а сам опять стал читать молитвы и Евангелие. Тогда бес голосом Веры громко закричал:

— Ох, тошно, тошно мне!

Вера заплакала, приговаривая:

— Боюсь, боюсь, боюсь! Тошно, тошно мне, выйду, выйду, не мучь меня!

Всё это время я не переставал читать. Потом Вера зарыдала и упала в обморок. Так прошло с четверть часа. Я окропил её святой водой, и она пришла в себя, потом дал ей попить воды, и она смогла перекреститься, встала и попросила отслужить благодарственный молебен. Теперь Вера здорова.

Крест и святая вода

В нашем селе жили два брата. Они были женаты, имели детей. К сожалению, их супруги часто ссорились. Однажды жена младшего брата выстирала бельё и развесила его на изгороди своего дома.

Часа через два после этого, снимая его, она увидела, что на её ситцевой рубашке вырезана небольшая часть ткани на груди, около сердца. Она подумала, что её сноха сделала ей порчу, потому что они часто ссорились. После этого она почувствовала нестерпимую боль в груди.

С этого момента всю ночь она не давала покоя ни мужу, ни детям. Она кричала, бесновалась, просила нож или верёвку, чтобы погубить себя и других. Её супруг был вынужден позвать меня.

Лишь только я вошёл с крестом и требником в дом, она затряслась, побелела как снег и смотрела на меня исподлобья, будто зверь.

— Что с тобой, Авдотья? — спросил я.

— А тебе что за дело? — грубо ответила она.

Я велел подвести её ко мне. После этого стал читать молитвы и Евангелие, осенил её крестом. Болящая стала плеваться, трястись, то бледнела, то краснела… После чтения молитв я окропил её святой водой, заставил перекреститься, дал ей выпить святой воды и спросил:

— Легче ли тебе?

Она поклонилась мне в ноги и сказала:

— Спасибо вам, батюшка, я теперь здорова, только кости очень болят…

Молитва исцелит болящего

У прихожанина нашего храма Ивана заболела правая рука. На четвёртый день болезни заболела правая рука и у его жены. Это было в мае, в начале полевых работ. Сначала они не обратили внимания на болезнь, но она с каждым днём усиливалась, и они обратились к врачу. Однако болезнь не поддавалась лечению, и они потеряли трудоспособность на три месяца.

Услышав о болезни Ивана и его жены, я зашёл к ним и постарался утешить, убеждал уповать на милосердие Божие и советовал им пособороваться.

Они согласились собороваться, и я с двумя священниками пришёл к ним в назначенный день. Надо было видеть, с какой верой, усердием и горячими слезами молились измученные страдальцы и их малолетние дети. И не напрасна была их слёзная молитва.

На следующий день меня пригласили отслужить благодарственный молебен, потому что оба супруга почувствовали себя гораздо лучше, а через несколько дней полностью выздоровели.

Так сбылись слова Божии: *Молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь*[1].

Клятва

В селе Боголюбове, где я служу в храме, недавно произошло такое событие. Некая Анна Ромас похитила деньги у проживающего в её доме поселенца, Игната Ковалёва. Это случилось в Великий четверг.

Естественно, начались расспросы, упрёки, ссоры. Наконец решили прибегнуть к клятве, как это принято у крестьян. Достав святую икону из киота и положив её на голову, сначала поклялся Игнат, что у него были спрятаны под подушкой деньги. Потом таким же образом поклялась и Анна:

— Дай, Господи, чтобы я потеряла голову, если я взяла эти деньги!

Наконец поклялся и сын Анны, Тихон, что он не видел, брала ли его мать что-нибудь чужое. Этим дело закончилось, и о пропавших деньгах уже не вспоминали. Но не закончилось оно на Суде Божием, ведь Господь сказал, что всякий, клянущийся ложно, будет истреблён.

Анна Ромас принесла ложную клятву своей головой в четверг на Страстной седмице, а в субботу перед Пасхой её нашли убитой. И действительно, Анна потеряла голову, потому что она была объедена свиньями и сильно обезображена.

Дом, в котором жила покойница, опустел, её муж, сын и квартирант Игнат Ковалёв были арестованы.

Скупая нищенка

В нашем городе жила бедная девица Марина. Её приютила одна благочестивая солдатская вдова. Несмотря на тесноту, она с радостью приняла Марину под свой кров.

Девица просила милостыню во имя Христа в течение десяти лет. Каждый день, с раннего утра до глубокой ночи, она бродила из дома в дом и через некоторое время надоела жителям города.

Одни из них даже стали отказывать ей в подаянии. Другие, завидя её, запирали двери, а она ругалась, стоя перед окнами. Тех, которые подавали мало, Марина называла скупыми, она часто была недовольна подаянием.

Между тем её добрая и набожная хозяйка не только не тяготилась присутствием Марины, а радовалась, что Господь помогает ей трудами нищей доставать пропитание. А Марина, пользуясь добротой своей хозяйки, продавала белый хлеб, который ей подавали, нуждающимся горожанам и копила деньги. Из серого хлеба она сушила сухари, которые тайно складывала в чулане. Ключ от него Марина постоянно носила с собой.

Часто по субботам она ходила в городскую баню. Там Марина потихоньку воровала: у кого-то брала кусочек мыла, у кого-то — ковшик. Многие знали о её поступках и просили, чтобы её совсем не пускали в баню.

Так влачила свою жизнь мнимо бедствующая Марина. С каждым годом увеличивалось её богатство, и безумная Марина, любуясь им, подобно евангельскому богачу, уже готова была в восторге сказать: *Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись*[2], но Господь призвал её на сорок втором году жизни.

Как обычно, Марина отправилась в баню, но в тот день не вернулась домой. Утомлённая долгим ожиданием хозяйка отправилась её искать. Какой же ужас объял её, когда, войдя в баню, она нашла несчастную Марину, распростёртую на полу, обнажённую, без малейших признаков жизни, с веником в руках, как будто бы она замахивалась им на кого-то.

О смерти нищей немедленно заявили в полицию. На следующий день было решено предать её тело земле без христианского погребения, так как при осмотре квартиры, где жила Марина, в чулане обнаружили сундук, набитый дорогими тканями и множеством серебряных монет. Другие сундуки были наполнены мукой и сухарями, превратившимися в пыль.

Было решено накопленные ею деньги раздать народу и прогулять их в кабаке…

Вражье наваждение

Прошлым летом в нашем сельском приходе произошёл такой случай. Молодой крестьянин Григорий вместе со своим отцом молотил рожь. Работа шла споро, но на Григория с утра напала непонятная тоска, которая мучила его до самого вечера. Закончив работу, он должен был пойти в поле к матери и бабушке, чтобы помочь им сложить снопы.

Отец остался у овина заканчивать свою работу, а сын пошёл в поле. Дойдя до амбара, он сел на телегу, на которой возят сено, и решил немного отдохнуть. Вдруг к Григорию подошёл односельчанин, его товарищ, и позвал в лес за орехами. Он согласился, и они пошли к близлежащему лесу. Но на опушке у Григория закружилась голова, и они присели на траву отдохнуть. Через некоторое время они снова пошли вперёд, и вдруг перед ними встал стеной

непроходимый лес. Григорий очень удивился, потому что в наших краях растёт лишь кустарник.

Они вошли в этот лес и заблудились. Так они блуждали всю ночь, а утром подошли к какой-то неизвестной широкой реке, на берегу которой стояла лодка. Они сели в неё и переплыли на другую сторону. И там был такой же дремучий лес, они долго ходили, потом снова вернулись к той же реке и переправились обратно. Через какое-то время они опять пришли на то же место около реки.

Тут сосед спросил у Григория:

— А на тебе есть крест?

После этого вопроса Григорий вдруг подумал, что он ходит не со своим товарищем, а со злым духом. Смутившись, он ответил ему:

— Нет!

Григорий пришёл в себя в тот момент, когда о нём в храме служили молебен. Это случилось в десять часов утра, когда его мать пришла ко мне и сказала, что у них пропал сын, что и вчера и сегодня его искали, но нигде не могли найти, и просила отслужить молебен. Я сразу отправился в церковь и совершил молебен об избавлении от нечистых духов.

Между тем Григорий, очнувшись от бесовского наваждения, хотя и понял, кто его спутник, всё же был не в силах отойти от него. Наступила следующая ночь, а они всё ходили по этому странному лесу. По пути им попался сарай с сеном. Здесь вожатый сказал Григорию:

— Нужно немного отдохнуть.

Юноша от сильной усталости не обратил внимания на своё опасное положение и заснул. Он не знал, сколько времени прошло во сне. Только вожатый разбудил его и сказал:

— Пора собираться в дорогу!

Они вышли из сарая и продолжали странствовать по лесу. Стало светать, наступило 19 августа — день Преображения Господня. Вскоре Григорий услышал, как где-то ударили в колокол, и перекрестился. При этом лес в одно мгновение пропал, и он увидел своё родное село. Но с исчезновением леса не исчез его опасный вожатый, только после того, как Григорий перекрестился, он оглянулся, злобно посмотрел на него и продолжал идти вперёд, как бы насильно увлекая за собой юношу. Скоро они подошли к речке, протекающей за их селом. Здесь враг остановил его и сказал:

— Ты ступай домой, а я пойду своей дорогой. — И он исчез.

Григорий вошёл в свой дом. Он был так измучен долгой ходьбой, что, ничего не говоря и ни с кем не поздоровавшись, упал на кровать и до самого вечера был не в силах разговаривать. Вечером, немного придя в себя, он рассказал родителям обо всём, что с ним произошло.

В воскресенье Григорий пришёл в церковь. Он исповедался, приобщился Святых Таин и со слезами благодарил Господа за избавление от вражьего наваждения.

Исцеление страждущего

Как-то ко мне обратился прихожанин нашего храма Пётр и сказал, что с его братом Иваном произошло что-то недоброе, и просил меня помочь. Не зная, в чём дело, я подумал, что несчастный заболел, поэтому спросил у Петра, чем болен его брат. Он ответил:

— Думаю, что он сошёл с ума.

Я немедленно отправился к несчастному. Сначала зашёл в церковь и взял с собой крест, Евангелие и епитрахиль. Доро́гой спросил у Петра, что конкретно случилось с братом. Он ответил:

— Два дня он ничего не ест, о чём-то сокрушается, всё время сидит у окна и, глядя на улицу, с кем-то разговаривает. Если кто-нибудь начинает говорить с ним о чём-нибудь святом, он пытается броситься на него, так что несколько человек едва могут его удержать.

Когда мы вошли в дом больного, он спал. Чтобы не разбудить его, мы сели на лавку и стали шёпотом разговаривать. Я вспомнил случай из жизни одного из наших прихожан, произошедший несколько лет назад, и сказал:

— Наверное, с Иваном произошло то же самое!

Я сказал это шёпотом, так что несчастный, лежавший в другом конце комнаты, не мог меня услышать. Но лишь только я произнёс эти слова, как он закричал:

— Зачем ты вспомнил его?

Мрачное выражение его лица и грубый голос напугали меня.

— Батюшка, он не может смотреть на эту икону святителя и чудотворца Николая! Он ругает того, кто берёт её в руки, — обратился ко мне отец Ивана.

Тогда я понял, что, скорее всего, несчастный одержим злым духом. Поэтому я стал молиться Господу Богу и святителю Николаю и просить у них помощи. Все, кто находился в комнате, присоединились к моей молитве. Затем я подошёл к одержимому и спросил:

— Что с тобой случилось?

— Ничего не случилось! — ответил он злобно, а сам продолжал с кем-то разговаривать.

И на все мои вопросы отвечал:

— Отстаньте от меня!

Тогда я взял чашу со святой водой и подошёл к постели страдальца. Лишь только я приблизился к нему, он мгновенно отвернулся лицом к стене, и я никак не мог дать ему выпить святой воды. Я попросил близких Ивана, чтобы они повернули его лицом ко мне. Удивительное дело — пять человек едва смогли с ним справиться! На мои слова, что святая вода принесёт ему пользу, Иван сказал:

— Это не вода, а яд!

После долгих уговоров он наконец согласился выпить немного воды. И — чудное дело! — едва

он сделал глоток, как его стало рвать. Он воскликнул:

— Зачем вы дали мне яд?

Я опять дал ему святой воды, и его опять вырвало. Но куда при этом делась его нечеловеческая сила? Тот, которого недавно едва могли удержать пять человек, до того ослаб, что я один легко мог держать его, когда он пытался уклониться в сторону. Вот как действует святая вода, хранившаяся в церкви с праздника Крещения Господня!

Вскоре Иван пришёл в себя и стал разумно говорить. Но, предположив, что злой дух ещё не совсем оставил несчастного, я спросил его:

— Что с тобой случилось?

Слёзы навернулись на его глаза, и он ответил:

— Ох, батюшка, я грешный человек, опутали меня грехи!

— Что ты чувствуешь? — спросил я.

— Чувствую, будто тяжёлый камень лежит во мне!

Тогда я дал ему в третий раз святой воды, и его опять вырвало, а затем он потерял сознание. Теперь мы все убедились, что несчастного мучает злой дух. Отойдя от него, я помолился перед иконой святителя Николая и достал её из киота. Вдруг Иван, лежавший без чувств, подскочил и закричал:

— Зачем ты берёшь её?

Но я положил ему на голову святую икону, и он сразу упал на пол. Пока я держал на его голове икону, он лежал, едва дыша. Наконец он стал приходить в сознание, а когда полностью очнулся, я велел ему встать и поцеловать образ. Но прошло немного времени, и он снова начал кричать и метаться. Всех нас объял страх, мы стали со слезами просить Господа, чтобы Он помиловал несчастного.

Наконец Иван пришёл в себя. Тогда я попросил его прочитать молитву Животворящему Кресту. Он согласился, но было видно, что ему что-то мешало молиться. Заметив это, я сказал ему:

— Повторяй за мной!

Он кивнул. Я начал молитву, и он повторял. Но когда я сказал: «Яко исчезает дым, да исчезнут», он вдруг вскочил и жутким голосом закричал:

— Не исчезну!

Эти слова потрясли нас, и мы усилили молитвы, прося у Господа помощи. Я несколько раз повторял: «Да исчезнут», и он каждый раз кричал:

— Не исчезну!

После этого я взял Святое Евангелие. Крики страдальца были ужасными, он кидался в разные стороны. Однако вскоре он пришёл в сознание. Я велел ему встать, подошёл к нему с Евангелием и, положив его на голову, начал читать 8 главу от Луки, с 26 стиха. В этот момент

он упал на пол и лежал без сознания. Я продолжал чтение. Через какое-то время он очнулся и встал совершенно здоровый. Поцеловав святое Евангелие, страдалец выпил святой воды и попросил дать ему что-нибудь поесть.

Вы можете себе представить, какова была наша радость! Мы решили сразу пойти в храм и отслужить молебен Господу Богу и святителю Николаю.

Во время службы Иван стоял у клироса и молился вместе со всеми. Когда я начал читать Евангелие, он подошёл ко мне и наклонил голову. Молебен закончился. Я спросил его:

— Как ты себя чувствуешь?

— Слава Богу, я здоров!

Благодать врачующая

Оказавшись в Коломне по делам службы, я поселился в доме одной набожной старушки. Вот какой замечательный случай она мне рассказала:

— Мой свёкор дожил до глубокой старости. Он всю жизнь собирал травы и лечил людей. Характер у него был замкнутый, к своему духовному отцу, к сожалению, он приезжал редко, раз в три-четыре года. И вот за две недели до смерти он стал жаловаться на боль в груди, которая каждый день усиливалась. Я посоветовала ему позвать священника, и свёкор с радостью согласился.

Батюшка не замедлил со своим приездом, и больной, как только увидел его, встал с постели, упал к его ногам и со слезами сказал:

— Я великий грешник, батюшка, и сильно прогневал Господа, потому что уже четыре года не был у исповеди. Теперь совесть обличает меня. Что мне надо сделать, чтобы Господь простил мои согрешения?

Священник сказал, что ему надо чистосердечно раскаяться во всех грехах и причаститься Святых Таин. Больной согласился и сподобился причаститься. Но его душа была неспокойна, и он спросил батюшку, что можно ещё сделать, чтобы ему спокойно умереть. Отец Николай ответил, что надо собороваться, и больной с радостью согласился. Во время совершения Таинства он молился со слезами.

На следующий день, около полуночи, когда свёкор заснул, он увидел страшное видение. Комната, где он лежал, наполнилась множеством нечистых духов со страшными чёрными лицами, с рогами на головах и с острыми когтями. Они стали плясать, толкаться и с визгом бегали вокруг постели.

— Идите к нему! — сказал один из них, самый страшный.

Но другие ответили:

— Нельзя! Видишь, он весь в крестах!

Закрыв лица руками, они неоднократно пытались подойти к больному, но с громким визгом отбегали назад, говоря, что от крестов идёт сильный жар.

«Не в состоянии вынести страшного видения, — говорил свёкор, — я дрожал всем телом. Потом

я вдруг увидел около себя прекрасного юношу в белом одеянии, с мечом в правой руке, которым он отгонял от моей постели нечистых духов».

Ободрённый этим видением, больной собрался с духом, прочитал молитву «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» и оградил себя крестным знамением. Тотчас страшное видение исчезло. Пробудившись от сна, свёкор подробно рассказал обо всём домашним. Он почувствовал сильную слабость, позвал детей, благословил их и на прощание сказал:

«Молитесь обо мне, грешном, Господу Богу, чтобы Он простил мне все согрешения».

И мирно скончался.

Видение ангела

Этот случай произошёл в семье моих близких друзей. Их дочка, пятилетняя Верочка, удостоилась явления Ангела. Это был чудесный, добрый ребёнок, искренне верующий в Бога. Она никогда не сердилась, не жаловалась ни на кого, все обиды переносила благодушно. И этому ребёнку Господь даровал увидеть Ангела-Хранителя и в его явлении предощутить близкий исход своей жизни.

После вечернего чая семейство малютки разошлось по своим комнатам. Дитя осталось в столовой со своей бабушкой. Вдруг Верочка сказала:

— Бабушка, бабушка, смотри, Ангел!

Когда испуганная старушка оглянулась, на лице Веры был написан восторг, а из глаз тихо лились слёзы. Она повторила:

— Разве ты не видишь его?

Девочку отвели в спальню матери. Бабушка сказала:

— Ну вот, мой друг, здесь Ангела уже нет!

— Нет, бабушка, — возразила девочка, — он здесь, вот встал у образов, смотрит на меня и улыбается.

Тогда старушка спросила:

— Какой же он?

Девочка тихо ответила:

— Точно такой, как в нашей церкви, на северных дверях. И одежда такая же.

Некоторое время после этих слов все молчали. Потом девочка вздохнула, потёрла глазки и произнесла:

— Теперь его нет, он исчез…

Ровно через год, в тот же день и час, в той же комнате, где ей улыбался Ангел, Верочка, этот земной ангел, после краткой болезни предала свой дух в руки Бога.

Что сказать о её кончине? Да подаст нам всем Господь подобный христианский переход в

вечность. С начала своей болезни она всё время молилась. Она повторяла «Символ веры» и молитву Господню, сама попросила причаститься, с благоговением приняла Святые Тайны, попрощалась со всеми, попросила у всех прощения, сказала, чтобы о ней не плакали, и покинула землю и своё безутешное семейство.

Ровно за неделю до смерти, будучи ещё совсем здоровой, малютка рано проснулась, села в кроватке и устремила свой взгляд на иконы, висевшие напротив её постельки. В это время к ней подошёл отец, чтобы её поцеловать.

— Папа, — радостно сказала она, — ты видишь Ангела около икон?

Поражённый отец, не ответив, тихо вышел из комнаты. Тогда бабушка подошла к ней и сказала, что это ей кажется, потому что Ангел — бестелесный дух и его никто не может видеть. В ответ на это малютка только улыбнулась, махнула ручкой и замолчала.

Накануне болезни её отец должен был ненадолго уехать из дома. Малютка, всегда кроткая, никогда не позволявшая себе восставать против распоряжений старших, вдруг со слезами стала просить отца не ездить и остаться. Это всех очень удивило.

Видя безуспешность просьб, она замолчала, а через полчаса обратилась к бабушке:

— А рассказать вам что-то?

Когда бабушка спросила:

— Что же ты хочешь сказать?

Малютка, наклонившись к ней, тихо сказала:

— А то, что я скоро умру!

На это бабушка возразила:

— Ты опять огорчаешь нас такими словами, а обещала не говорить так!

Тогда девочка продолжала:

— Какие вы странные, бабушка, как будто не знаете, что мы все должны умереть! Нельзя же всегда жить на земле! Так о чём же вы горюете?

Этот вечер Верочка провела в тихой радости. А ночью она заболела и к рассвету была безнадёжна. Когда послали за отцом, он застал её уже при смерти.

Так преклонимся перед невидимой десницей Создателя и воскликнем из глубины сердец: *Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам*[3].

Помощь святителя

Меня позвали в дом отставного поручика Ковалёва к его больной жене Елене. Когда я исповедовал и приобщил больную Святых Таин, её супруг подал мне записку и попросил отслужить панихиду по святителю Феодосию. Он сказал, что святитель являлся несколько раз во сне его болящей жене и обещал ей выздоровление, как только по нему будет отслужена панихида. По словам Ковалёва, святитель являлся в полном архиерейском облачении и митре.

Действительно, после панихиды раба Елена начала поправляться и вскоре полностью выздоровела, благодаря молитвам угодника Божия Феодосия. Рассказ своего мужа она подтвердила, прибавив, что святитель являлся ей несколько раз, и как бы не во сне, а наяву. Он называл себя по имени: «Я Феодосий Углицкий!»

Всё это она была готова подтвердить и под присягой.

Молитва спасла больную

Мой знакомый поручик Иван Сергеев был женат на католичке. Его жена в начале Великого поста сильно заболела. Наконец врачи отказались от её лечения, считая, что неизбежным исходом будет смерть.

Страдания болящей до того усилились, что все поняли, ей осталось немного. Около неё неотлучно находилась лучшая подруга, Анна Петровна, жена дьякона городского собора. Изнемогая от страданий, больная простонала:

— Я умираю! Что мне делать? Помогите, родная!

Анна Петровна, не зная, как утешить умирающую, будто по какому-то вдохновению, сказала:

— Дорогая, Эмма, вам известны чудеса угодника Божия Нила Столобенского. Помолитесь ему с верой и обещайте, если выздоровеете, побывать в его монастыре и помолиться у святых мощей угодника Божия. Он испросит вам у Бога благодать исцеления!

— Хорошо, но я слаба, не могу молиться. Помолитесь вы за меня и обещайте, я всё исполню!

Анна Петровна упала со слезами на колени перед образом преподобного и стала молиться. И как она изумилась, когда, услышав за собой шорох, оглянулась и увидела, что больная, сойдя с кровати и держась за неё, встала на колени и тоже молилась!

Она подошла к ней и, взяв под руки, попросила опять лечь в кровать и посоветовала пока молиться лёжа.

— Нет, только поддержите меня! — ответила больная.

Поддерживаемая подругой, Эмма произнесла несколько молитв со слезами, положила земной поклон и дала обет преподобному Нилу поклониться его святым мощам, если Господь исцелит её.

После того как её положили в постель, Эмма сказала Анне Петровне, что чувствует себя гораздо лучше, благодарила за совет и просила обязательно сопровождать её в Нилову пустынь, если Господь сподобит выздороветь.

На третий день больная уже могла пройтись по комнате, опираясь на палку, а в течение десяти дней полностью выздоровела без всяких лекарств.

Некоторые знакомые, из ложного сострадания к Эмме, советовали ей отложить на время поездку в пустынь, пока она не окрепнет. Но ничто не могло отклонить её от этого намерения, она была твёрдо уверена, что спасена от смерти молитвами и ходатайством угодника Божия преподобного Нила, Столбенского чудотворца, и решила немедленно исполнить данный обет.

Благодатная помощь

Как-то я побывал в Черменецкой обители, молился у чудотворной иконы святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, которого особенно чтил, считая покровителем моей семьи.

Через год я заболел тифом и слёг в постель, вскоре моё состояние ухудшилось, и близкие уже потеряли надежду, что я выживу. Накануне Крещения Господня, после вечернего богослужения и великого водоосвящения, ко мне пришёл батюшка с певчими.

Когда пропели тропарь празднику Богоявления и были произнесены молитвы о моём здравии, я попросил, чтобы они пропели молитву святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. Я хотел сказать: «молитву», а произнёс совсем иное…

— Спойте… канон, — сказал я слабым голосом.

Я до того хотел услышать пение желанной молитвы, что в это мгновение был убеждён, все понимают, чего я хочу. Но певчие молчали… Я не мог ждать и сам пропел начальные слова молитвы.

— О, великий и всехвальный апостоле, — произнёс я, мысленно представляя чудотворную икону святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, находящуюся в Черменецкой обители.

Тогда певчие продолжили. Что произошло со мной в те мгновения, я не передам словами. Только помню, что мне подали небольшую икону святого апостола Иоанна Богослова и горящую свечу, слёзы лились из моих глаз. Я всей душой молился святому апостолу Христову, мысленно взирая именно на ту его чудотворную икону, которая находится в Черменецкой обители. Помню, что чувствовал живую радость в душе, мне было так легко, что я не ощущал своей болезни.

Поцеловав святую икону и Животворящий Крест, я был окроплён святой крещенской водой. После этого я уснул крепким сном, продолжавшимся до утра праздника Крещения Господня.

Утром, в первый раз за время болезни, я сам умылся и почувствовал, что у меня появились силы. Я убеждён, что мои дни были сочтены. И если болезнь отступила, то это совершилось единственно силой Божией, молитвами святого апостола Иоанна, именно в минуты молитвы.

Не бойся, всё устроено!

В Прощёное воскресенье скончалась настоятельница Казанского Головинского монастыря, игуменья Олимпиада. Она была женщиной высокой духовной жизни, происходила из купеческой семьи. Болезнь, от которой она умирала, была тяжкой. У неё три года был рак, ей делали несколько операций. Наконец она предала себя на волю Божию и медленно угасала.

В декабре больную посетил казначей Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Никон. Матушка была настолько слаба, что не могла приподняться с кушетки, на которой лежала. Архимандрит Никон в беседе упомянул о том великом помощнике и утешителе, который явлен русскому народу в лице преподобного Серафима Саровского.

— Что же? — спросила больная. — Искать ли мне чуда, просить ли у него исцеления? Я предалась на волю Божию!

— Кроме помощи телесной, — ответил ей отец Никон, — мы нуждаемся в помощи духовной: в утешении, поддержке в минуты уныния, в молитве о нашей душе.

Настал день кончины игуменьи. Чувствуя приближение смерти, она просила прочитать отходную, затем забылась. Очнувшись, она сказала:

— Слава Богу! Я сейчас видела отца Серафима. Он пришёл ко мне и утешил: «Не бойся, всё устроено!» И произнёс ещё три слова, которые я не могу вам сказать. Позовите монахиню Ирину…

Пока ходили за этой монахиней, игуменья скончалась. Видимо, этим словам нужно было остаться в тайне.

Заблудившийся

У крестьянина Космы Иванова потерялся в лесу четырёхлетний сын Андрей. 4 мая с другими детьми он пошёл в лес и отстал от них. Его товарищи вернулись домой, а он остался в лесу.

Его бабушка пошла искать его. Но все её усилия найти ребёнка в том месте, куда ходили мальчики, остались тщетными. После этого, придя в храм, она попросила меня отслужить молебен Божией Матери.

На следующий день о потере мальчика сообщили в волостное управление, и люди пошли на поиски пропавшего. Мужики ходили по лесу, кричали, но не могли его найти. В тот же день другая бабушка Андрея тоже отслужила в нашей церкви молебен святителю Николаю о здравии внука.

На четвёртый день мальчик наконец нашёлся. 7 мая крестьянин соседней деревни, Егор Воронов, идя в свою деревню, нечаянно наткнулся на Андрея. Малыш был радостный и спокойный.

— Что же ты ел? — спросил его крестьянин. — Почему не замёрз?

— Когда я хотел есть, ко мне приходил дедушка и кормил меня такой вкусной, сладкой кашей! А вечером дедушка одевал меня, и мне было тепло!

Казённые деньги

Однажды я пошёл в окружное управление. Там выдал двум казакам казённые деньги и по оплошности оставил на столе двести шестьдесят восемь рублей, завёрнутых в бумагу. Вернувшись домой, вспомнил свою ошибку и, вернувшись назад, начал искать оставленные деньги.

Искал долго, но всё было бесполезно. Писари и казаки уже разошлись по квартирам. «Деньги, — думал я, — не вещи, где их найдёшь?» — и оставил всё на волю Божию.

Но дома на меня напала тоска: «Ведь деньги казённые, пожалуй, меня отдадут под суд!» Моя тоска превратилась в отчаяние, всю ночь я провёл без сна.

Утром пришёл в окружное управление и стал просить писарей и казаков вернуть мне деньги. Я обещал наградить того, кто это сделает, тремя рублями, говорил, что никому об этом не скажу. Видя безуспешность моих просьб, я призвал на помощь Бога и сказал, что Он накажет

виновного, если он не покается. Но все молчали… В тот же день после обеда я попросил моих знакомых понаблюдать, не будет ли кто-нибудь из писарей или казаков разменивать крупные деньги. Спустя некоторое время ко мне домой прибежал один из них и сказал, что двое казаков сидят в кабаке и что у них есть крупные купюры. «Это мои деньги, — подумал я, — потому что выдавал этим казакам только мелкие купюры!»

Взяв двух понятых, я отправился в этот кабак. Мы нашли казаков нетрезвыми и арестовали их, но они не сознались в краже. После бесплодных поисков я вернулся домой в полном отчаянии.

Во время вечерней молитвы вспомнил, что уже год не могу выполнить обещание, данное Богу, — я должен был отслужить благодарственный молебен Спасителю. Я попросил у Господа прощения, затем помолился Пресвятой Богородице, Предтече и Крестителю Господню Иоанну и святителю Николаю Чудотворцу и попросил у них помощи.

Моя молитва не пропала даром. Рано утром я вышел на улицу и увидел, что около крыльца лежит свёрток. В нём оказались все деньги, кроме трех рублей, обещанных мной тому, кто вернёт потерю.

Как я обрадовался, как было велико моё благодарение Господу Богу, Его Пречистой Матери и святым угодникам, этого не могу описать! Само собой разумеется, свой обет я выполнил в тот же день. Причём просил батюшку, моего духовника, как на молебне, так и потом, на литургиях, поминать, кроме меня и моих родных, и того раба Божьего, который покусился на моё добро, но потом пожалел меня. Я просил, чтобы Господь простил его, не поставил ему в грех и того, что им удержаны три рубля, ведь я обещал их тому, кто вернёт мою потерю.

Корсунская икона Божией Матери

Дочь надворного советника Александра Алексеева принесла в Исаакиевский кафедральный собор в Санкт-Петербурге в дар чудотворную Корсунскую икону Пресвятой Богородицы. В тот же день перед этой святыней была совершена усердная молитва. Среди молящихся была одна больная женщина, жена певчего Исаакиевского собора, Анна Васильевна. Когда она была маленькой, её ударила лошадь копытом в плечо, и с того времени её правая рука стала постепенно слабеть, а в последнее время вообще отказала. В военном госпитале ей сделали операцию, и она смогла шевелить пальцами, но поднять руку, одеться, убрать комнату, постирать бельё она была не в силах.

Кроме того, после операции на правом плече образовалась незаживающая гнойная рана. В течение двух лет страдалица ходила в госпиталь на перевязки, но успеха не было. Ей советовали отправиться летом на минеральные воды, полечиться тёплыми соляными ваннами. Но бедная женщина не могла найти средств. Больше всего она горевала о том, что не могла быть помощницей своему мужу и требовала от него ухода.

Когда в собор привезли Корсунскую икону Божией Матери, Анна Васильевна с духовенством и народом встречала её. Она со слезами молилась Царице Небесной.

После молитвы ей стало легко и спокойно на сердце. Вернувшись домой, она, к великой радости, смогла поднести правую руку ко лбу, плечам и перекреститься на святые иконы.

На следующий день утром она пошла на перевязку. Врачи, осмотрев её, удивлённо сказали, что ей больше не надо приходить. Оказалось, что рана полностью зажила. Напоминанием о страшной болезни и тяжкой операции остались только следы на руке.

В скорбях и печалях утешение

В город Слободской с Афонской горы привезли серебряный позолоченный крест с частью Древа Честного Животворящего Креста Господня и икону Божией Матери «В скорбях и печалях Утешение», в серебряной позолоченной ризе, с таким же венцом на главе Царицы Небесной, украшенным несколькими крупными бриллиантами.

Святыня была поставлена в женском монастыре Рождества Христова. Совершившихся чудес было очень много, вот некоторые из них.

У восемнадцатилетнего сына священника шесть лет тому назад отнялся язык. Его много раз обследовали врачи, но не смогли вернуть несчастному мальчику способность говорить.

Юноша долго на коленях молился перед афонской святыней. Когда он приложился к ней, почувствовал, что с ним происходит что-то особенное. А дома юноша вдруг задумчиво произнёс:

— Какой чудный бриллиантовый венец на иконе Божией Матери! — Произнеся это, он с удивлением спросил брата: — Неужели это я говорю?!

Брат воскликнул:

— Молись, молись, Володенька!

Юноша со слезами благодарности упал перед иконой Вседержителя, находившейся в комнате, а потом, по совету брата, опять поспешил в церковь — отслужить благодарственный молебен перед чудотворной иконой Божией Матери.

* * *

Прасковья с раннего детства была косноязычна, говорила с большим трудом, её лицо в это время начинало дёргаться.

Услышав о чудотворной иконе Божией Матери, принесённой с Афона, она пришла в монастырь. После молебна она приложилась к ней и вдруг почувствовала сильное облегчение. Выйдя из церкви, Прасковья пошла в келью своей родственницы и стала бойко с ней говорить, чем привела её в большое удивление.

* * *

Купец Иван Трофимов давно страдал головными болями, которые особенно усилились под старость и порой были столь невыносимыми, что он по несколько дней не мог подняться с постели.

Услышав о принесённой с Афона иконе Божией Матери, Иван решил помолиться перед ней, и святыню принесли к нему домой, где отслужили молебен. Во время молебна он почувствовал внезапное облегчение, и с тех пор болезнь оставила его.

* * *

Крестьянин Николай Яковлев был разбит параличом, мучился постоянными болями в груди и голове. Услышав о чудотворной иконе Божией Матери, принесённой с Афона, он захотел помолиться перед ней, и когда его привезли в монастырь, во время совершения молебна ему

стало лучше.

А на следующий день он захотел после исповеди приобщиться Святых Христовых Таин и после этого почувствовал крепость в ногах и руках, так что смог самостоятельно перекреститься и без посторонней помощи подойти к Чаше.

* * *

Семилетнюю Анну Алексееву в монастырь привёз её отец. Она с рождения не владела ногами. После молебна перед чудотворной иконой Божией Матери девочка стала ходить.

* * *

Андрей Николаев с детства страдал астмой, так что часто был не в состоянии заниматься служебными делами. Он несколько раз приходил в монастырь, и то с трудом, для поклонения иконе Божией Матери.

В ночь на 7 декабря он увидел во сне на воздухе икону Богородицы в такой же ризе, какая была и на иконе, принесённой с Афона. А возле иконы стояла Женщина в белой одежде, лица Которой он не мог рассмотреть. Андрей только услышал Её слова:

— Вставай и неси икону в свой дом!

И этими словами Она разбудила его. Андрей встал и, почувствовав себя совершенно здоровым, отправился в монастырь, где застал иеромонаха. Андрей рассказал ему о случившемся. Батюшка с иконой немедленно отправился к нему домой и отслужил молебен. С того времени Андрей полностью выздоровел.

* * *

Настоятельница монастыря, игуменья Пульхерия, несколько лет страдала ревматизмом. Больше всего у неё болели ноги, облегчение наступало только летом, и то не всегда.

После принесения с Афона чудотворной иконы Божией Матери ревматизм у матушки прекратился, её здоровье намного улучшилось.

Милосердный Господь, снисходя к нашему маловерию, видимо и осязательно являет нам Свою чудодейственную силу, подавая исцеления по ходатайству Божией Матери.

Когда врачи бессильны

Однажды одна из моих духовных дочерей, Наталья, забеременела. В этот раз она чувствовала себя очень плохо, не могла ни сидеть, ни лежать, только с трудом ходила или стояла. Любая попытка присесть или прилечь сопровождалось сильными болями.

Она обращалась за помощью и к докторам, и к акушеркам, и к опытным повивальным бабкам, но ничто не помогало. Наконец они с супругом возложили всё упование на Царицу Небесную, с тёплой верой молясь Ей: «Мы не имеем иной помощи, не имеем иной надежды, кроме Тебя, Владычица!»

В феврале ко мне пришла её мать и попросила дать ей книги из церковной библиотеки. Среди других книг ей дали «Описание святой чудотворной иконы Божией Матери „Знамение“, её история и чудотворения». Прочитав её, Наталья дала обещание помолиться перед этой иконой

Царицы Небесной.

На второй неделе Великого поста она выполнила свой обет и получила исцеление от своих недугов и болезней. Вот её рассказ:

— Ещё до литургии мы с мужем пришли в Царское Село. Я отправилась в церковь к Царице Небесной. Войдя в храм, взяла свечу, поставила перед иконой Божией Матери «Знамение» и помолилась.

Началась служба. Когда батюшка стал раздавать антидор, я встала в очередь. Возвращаюсь с антидором и чувствую на себе взгляд Царицы Небесной. Мне показалось, что Она, Матушка, смотрит на меня, грешную, как живая. Что тут со мной произошло, не могу объяснить. Помню только, будто кто-то сказал мне: «Молись!»

Вкусив поскорее частицу антидора, я упала на колени перед Царицей Небесной и молила Её, как умела, избавить меня от моих недугов. А когда поднялась, на душе стало вдруг так легко! И сразу почувствовала, что мой живот, который так болел и тяготил меня, будто кто-то стал поддерживать руками. После молебна я отправилась домой пешком.

Думаю: «Попробую свои силы», да так пешком и дошла до дома, а это двенадцать километров.

Теперь, батюшка, я совершенно здорова: могу сидеть, да и сплю спокойно, как бывало раньше, вот и сейчас чувствую, будто кто-то поддерживает руками мой живот!

Благодатная помощь Царицы Небесной не оставила эту женщину и во время родов. Ровно через месяц после исцеления она благополучно разрешилась дочерью.

Слаб человек

Во время летних каникул я гостил у отца в деревне. Вечером был в соседней деревне на танцах, а утром вдруг почувствовал сильную ломоту в ногах, которая усиливалась с каждым днём. Так прошло две недели, облегчения не было. Мои ноги отекли и всё время болели, ночи я проводил без сна.

Приближалось время моего отъезда в семинарию, и я с горечью думал, что должен буду задержаться в деревне. Моя болезнь усиливалась, так что я уже не мог вставать с постели и был не в состоянии повернуться без посторонней помощи. Разные мази и примочки совсем не помогали. Но где слабы человеческие силы, там проявляется благодать Божия.

Из приходской церкви к нам домой принесли икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и отслужили перед ней молебен. Слёзы невольно полились из моих глаз, когда после молебна ко мне поднесли святую икону. Я поцеловал пречистый образ Царицы Небесной и мысленно дал обет никогда больше не участвовать в соблазнительных танцах.

Спустя два-три дня я с радостью заметил, что опухоль заметно спала и я мог уже ставить ноги на пол. Моя радость была ещё сильнее, когда через неделю я уже мог выходить в наш небольшой садик. Вскоре я, уже совсем здоровый, усаживался в тарантас, который должен был доставить меня в губернский город.

Так совершилось моё исцеление по заступничеству Божией Матери, и я запомнил это на всю жизнь. С тех пор меня не привлекают не только соблазнительные танцы, но и другие сомнительные развлечения.

Я буду верным рабом Твоим!

В Москве я был знаком с сенатором Штыровым. Это был честнейший и благороднейший человек, и подозревать его в обмане было бы неуместно и неблагородно. Вот что он рассказал мне:

— Двадцать лет назад я был губернатором в Ставрополе, но из-за ложного доноса лишился своей должности и был отдан под суд. Мне пришлось уехать в Петербург, где я дожидался решения суда. В то время у меня настали тяжёлые времена.

К счастью, я нашёл дешёвую гостиницу и, уплачивая ежедневно двадцать копеек за постой, донашивал своё последнюю одежду и обувь. Признаюсь, было стыдно показаться людям на глаза в заштопанной одежде и дырявых сапогах бывшему начальнику губернии. Но делать было нечего. Горестна бедность рождённому в нищете, но как она ужасна для жившего в достатке.

Пролетали дни, а с ними уходили из моего кармана последние копейки. Каково же наконец мне было встретить тот страшный день, когда в моём опустевшем кармане осталось десять копеек!

Проснулся как-то рано утром и подумал: «Что же будет завтра? Неужели пойду просить милостыню?»

Ах, как мне было тяжко, как мне было больно! Не усидел гостинице и вышел на улицу. Среди людей всё же легче сердцу. Иду по Невскому, словно тень, вокруг народ, а сам думаю: «У кого попросить помощи?»

Вот навстречу идёт скромно одетый, почтенный старичок, но кто знает — может быть, это подобный мне бедняк?

Встретился со знакомым вельможей, но как посметь заикнуться перед его превосходительством? Под судом — значит, негодяй! И страшно, и стыдно! Иду дальше. Вот идёт известный в городе богач, но я лучше умру с голоду, чем побеспокою этого скрягу! Много людей, а помочь мне некому.

Вдруг я вспомнил притчу Спасителя о самарянине. «Да, — думаю, — в одном Христе надо искать спасения и от нравственных, и от физических страданий!» Погружённый в такие размышления, подошёл к Казанскому собору. Он был открыт.

Я слышал, что в этом соборе есть чудотворная Казанская икона Божией Матери, что многие к ней обращаются с молитвой. Но я был лютеранин и, следовательно, считал это суеверием и приписывал невежеству русских. Несмотря на это, я почти машинально вошёл в храм и увидел, что сотни богомольцев благоговейно встают на колени перед Казанской иконой Богородицы. Как ни горд я был в своём протестантском вольномыслии, но, наверное, бедность и горе смирили меня.

Вместе с православными я встал перед чудотворной иконой и, осеняя себя по-русски крестным знамением, стал молиться Божией Матери:

— Царица Небесная, Тебя почитают Заступницей и Помощницей бедствующим, но кто теперь бедствует больше меня? Помоги мне, несчастному! Сотвори и надо мной чудо Твоей благодатной помощи! И, видит Бог, я буду самым верным Твоим рабом всю мою жизнь!

Так я молился от души, и слёзы градом лились по моему лицу. Потом я подошёл к иконе, приложился к ней и, достав из кармана последние копейки, опустил их в кружку. «Ну всё, теперь у меня нет ни копейки в кармане!» И я побрёл в гостиницу.

Только странное дело — из церкви я возвращался совсем в другом настроении: словно гора спала с плеч! Домой пришёл в полном спокойствии. И что же вы думаете? Вечером ко мне приехал курьер и сообщил, что моё дело неожиданно закончилось, меня признали невиновным и велели выплатить потерянное жалованье и повысить по службе.

Воздай славу!

Капитан Василий Улесский рассказал мне о чудесном исцелении, которое совершилось с ним перед привезённой с Афона Иверской иконой Божией Матери, называемой Вратарницей:

«Состоя на службе в Черноморском линейном батальоне, я долгое время страдал лихорадкой и сильной болью в ногах, так что не мог ни сидеть, ни ходить. Поэтому меня отправили в госпиталь, а оттуда в санаторий. Я лечился в походных госпиталях, пользовался минеральными и щелочными водами. Был наконец отправлен и в Темрюк, на грязи.

Но мои ноги продолжали болеть. Лечение приносило лишь кратковременное облегчение. В 1865 году мне выдали медицинское свидетельство, что я страдаю хроническим недугом и не могу нести службу, и я вышел в отставку.

Я уже отчаялся в лечении и ждал конца моим страданиям в смерти. Когда я сказал об этом жене, она возразила:

— Друг мой, не надо унывать!

— Уже пятнадцать лет лечусь, — ответил я, — и всё страдаю, а теперь ещё хуже стало, и нет у нас средств, чтобы облегчать мою болезнь!

— А я, — кротко заметила она, — остаюсь при своей мысли: не будем отчаиваться, потому что мы не обращались ещё к помощи Бога. Поедем в Ставрополь и там помолимся перед иконой Божией Матери, которая недавно приехала с Афона. Быть может, Заступница усердная услышит нашу мольбу…

Выслушав совет жены, я принял его к сердцу, и в октябре 1869 года мы уже были в Ставрополе. Святая икона в то время находилась в женском монастыре. Мы были на вечерне, а на следующий день на литургии. Наконец после молебна с акафистом перед Иверской иконой Богородицы я отправился в монастырскую гостиницу, чтобы поскорее сделать перевязку.

Снимаю бинты, смотрю на ноги и не верю своим глазам… Чудо — язвы зажили! С тех пор боль в ногах прошла и мои язвы не открывались.

Получив исцеление, я был несказанно благодарен Господу Богу и Его Пречистой Матери, но и только. О том, чтобы отслужить благодарственный молебен перед святой иконой, у меня не было и мысли.

Так прошёл целый год. И вот в ночь на Покров 1870 года, то есть накануне годовщины моего исцеления, я увидел сон: предо мной стоит светлый юноша, а рядом с ним прекрасная Женщина с Младенцем на руках, Она была очень похожа на изображение Иверской иконы Богородицы. Указывая на Неё, юноша приветливо сказал мне:

— Воздай славу!

После этого я проснулся. Не знаю почему, но этот сон не произвёл на меня особого впечатления. Под праздник Богоявления Господня я опять увидел тот же сон, и на этот раз он потряс меня. Юноша был в гневе, слова „Воздай славу!“ прозвучали грозно, а Богоматерь с Предвечным Младенцем были как бы в тени. После этого сна я пошёл к священнику и рассказал ему всё.

Он объяснил мне, что слова „Воздай славу!“ взяты из евангельской истории о десяти очистившихся прокажённых. После исцеления их Господом Иисусом Христом только один поблагодарил Бога. Батюшка объяснил мне, как я должен поступить.

Я тут же отправился в Троицкий собор, чтобы отслужить благодарственный молебен моей Заступнице, затем из отложенных мной четырнадцати рублей половину раздал нищим и тогда же решил, что расскажу всем о свершившемся со мной чудесном исцелении».

Рассказав о своём исцелении, капитан обратился с трогательной молитвой к Божией Матери и с кротким воззванием к братьям-христианам:

— О Пресвятая Госпоже, Владычица Богородица! Да святится и славится во веки Пресвятое имя Твоё! Ты сотворила надо мной, великим грешником, такое чудо, что я воздам Тебе за эту милость! Прими от меня, как некогда Господь наш, Сын Твой, принял от исцелённого Им от проказы самарянина, моё сердечное благодарение. Я раздам беднейшей братии половину моих денежных средств. Молю Тебя, Пресвятая Владычица, сохрани меня от всякого зла, избавь от греховной проказы мою душу!

— Кто же, — спросил я его, — по вашему мнению, был тот юноша, который советовал воздать славу Божией Матери?

— Не знаю, — ответил капитан, — потому что юноша ни в первый, ни во второй раз не назвал своего имени. Но мне сдаётся, что это был святой великомученик и целитель Пантелеймон.

Простодушный

В деревне Новоселицы жило одно бедное семейство. Его глава, крестьянин Тимофей, преклонных лет, отличался простотой души и глубокой верой. С ним жили жена, три сына и дочь, а всё их имущество состояло из убогой хижины, лошадки, одной коровы и трёх овец.

Простодушный старец безропотно переносил свою горькую долю и утешался мыслью, что жизнь наладится, когда дети подрастут, станут работать и помогать ему. И это время наступило. Его старший сын достиг совершеннолетия, второму тоже исполнилось девятнадцать лет, только младшим детям было восемь и двенадцать лет.

Тимофей благодарил Господа, что дождался наконец опоры в старости, и решил весной послать своего старшего сына, Максима, в работники, чтобы заплатить оброк.

Много было мест, куда мог бы поступить Максим, но его богобоязненный отец при выборе работы не гнался за выгодой, а больше заботился о том, чтобы его сын, удалившись от родительского крова, не утратил теплоты веры. Поэтому отец послал Максима за самую умеренную плату на работу в монастырь Святого Иакова, Боровичского чудотворца.

Благословляя его, отец строго завещал, чтобы он добросовестно выполнял свою работу и не

забывал посещать храм Божий.

Благочестивая иноческая жизнь была по сердцу Максиму. Прожив в монастыре пять месяцев, он попросил у отца благословение на вступление в число иноков обители. Старец обрадовался решению сына и забыл, что, благословляя его оставить родительский дом, он лишался главной опоры, которой так долго ждал.

Игумен монастыря благословил принять Максима на временное послушание, до тех пор, пока не получит разрешение от властей губернии. Но здесь случилось непредвиденное — в это время последовал высочайший указ о воинском наборе, и оказалось, что Максим не может остаться в монастыре, а должен стать солдатом. Добрый старец и его сын горячо любили царя и Отечество, но любовь к Богу и ревность к храму Божию были ещё сильнее.

Безутешно плакал отец о том, что Максима отрывают от храма Божия. Ничего бы он не пожалел, чтобы оставить сына в обители. Им оставалось только уповать на милость Божию. Они долго молились перед ракой с мощами святого Иакова и верили, что Господь не оставит их.

Так прошло несколько месяцев, и наконец наступил день, когда Максима забрали из обители и вместе с другими крестьянами отвезли в город. Старик-родитель залился слезами, когда увидел, что его сын уже не вернётся в монастырь, и обратился ко второму сыну:

— Сынок, надо послужить царю и Отечеству! Нельзя, чтобы Максим ушёл из монастыря. Поезжай в город и попроси, чтобы тебя взяли вместо Максима в солдаты! А он пусть молится святому Иакову за тебя и за нас, стариков.

Не раздумывая, юноша поехал в город, пришёл в военное ведомство, пробился через расставленные при входе караулы, бросился к офицерам и умолял, чтобы его взяли в солдаты вместо брата. В военном ведомстве уважили братскую любовь и преданность, и второй сын Тимофея Семёнова был принят в рекруты вместо Максима.

Старик обрадовался. Мысль, что без старших сыновей в его семье останутся только старые и малые и что их бедность теперь должна превратиться в ужасную нищету, не приходила ему в голову. Он только благодарил Господа, что нашёл способ совместить любовь и преданность царю и Отечеству с любовью к Богу и Его святому храму. Об одном скорбел теперь старец — что ему нечем наградить своего великодушного, почтительного и братолюбивого сына.

Старец пошёл в монастырь Святого Иакова, чтобы там в молитве Богу и Его угодником излить свою душу, благодарную за исполнение заветных желаний. Помолившись, старик оставил старшего сына в монастыре, а сам отправился домой, занятый мыслью о том, чем бы ему наградить своего второго послушного сына.

На следующий день он обошёл всех своих соседей и знакомых, которые могли бы дать ему в долг, но ни в ком из них не нашёл сочувствия.

Через три дня рано утром старик встал, помолился и побрёл в город проститься со своим сыном, который в этот день должен был с партией рекрутов отправиться в город.

Идя по раскисшей дороге, старик не замечал ничего вокруг. Мысль о том, что ему нечем наградить своего дорогого сына, заглушала в нём все другие чувства, и он думал:

«О, если бы Господь послал мне доброго человека, который дал бы мне взаймы пять рублей или купил бы моих овец или корову! Век бы не забыл я такого благодетеля!»

Размышляя так, он вдруг споткнулся обо что-то твёрдое. Старик присмотрелся и увидел, что в канаву покатился глиняный чёрный кувшин и из него посыпались старинные серебряные монеты. Старик перекрестился, взял находку и пошёл в монастырь Святого Иакова, чтобы поблагодарить Господа и Его угодника за ниспосланную милость и посоветоваться со старшим сыном, что ему делать со своей находкой.

Помолившись в храме Божием, старик пришёл в келью сына и узнал, что Максим уже отнёс своему брату, взятому в солдаты, десять рублей, которые ему дал игумен монастыря, узнавший о такой братской преданности.

— А если так, — сказал старик, — то пусть это пойдёт на святую обитель угодника Божия Иакова, по молитвам которого Господь посылает нам такие милости!

И отец отдал сыну найденный кувшин, даже не посмотрев, что в нём находится, чтобы отнести его игумену, а сам пошёл проститься с сыном-новобранцем.

Игумен вызвал Тимофея и послал на то место, где тот нашёл клад, чтобы внимательнее осмотреть его.

Там старик обнаружил ещё восемь серебряных монет и небольшой серебряный слиток. Они, по-видимому, вывалились из кувшина.

Тимофей также принёс их игумену. После осмотра клада оказалось, что в кувшине находилось около четырёх килограммов серебра в мелких монетах старинной новгородской чеканки.

Простосердечный старик, передавший монастырю ценную находку, через две недели должен был платить оброк. Не имея средств, он решил отвести в город последнюю корову, чтобы продать её и расплатиться.

Но, счастью, он был избавлен от продажи кормилицы. Один благочестивый человек дал ему семьдесят рублей серебром и этим спас от нужды.

Всё возможно верующему

Один из моих прихожан, Анатолий, тяжело заболел, и врачи ничем не могли ему помочь. Постепенно он дошёл до полного истощения. Понимая своё положение, Анатолий часто просил меня напутствовать его Святыми Тайнами.

Однажды, перед началом Божественной литургии, ко мне пришла его тётка и попросила отслужить молебен перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Окончив Божественную литургию, мы принесли икону в их дом. Но внезапно больной скончался. Чтобы облегчить скорбь родных, я предложил исполнить его последнюю просьбу — отслужить молебен Божией Матери, на что родные покойного охотно согласились. Мы начали молебен, и во время чтения Евангелия один из певчих заметил дрогнувшие ресницы умершего.

После прочтения Евангелия, к общему удивлению и радости, Анатолий вернулся к жизни. По окончании молебна, когда я подошёл к нему, чтобы осенить крестом, он попросил причастить его. Поражённый милосердием Божией Матери, я выполнил его желание и напутствовал Святыми Тайнами. После этого больной прожил ещё двое суток и во время всенощного бдения мирно скончался.

В простоте сердца

Я хочу рассказать об одной благочестивой прихожанке нашего храма, Пелагее. Эта крестьянка жила с двумя невестками, мужья которых подолгу находились в городе на заработках. Кроме тесной избы на дворе был построен сарайчик для домашнего скота. Пелагея сначала жила с детьми в одной комнате, потом стала уходить в этот сарайчик для подвигов молитвы, где и проводила ночи, ложась спать только перед рассветом.

Наконец, чтобы скрыть свои подвиги от людских взоров, она решила навсегда остаться в этом сарайчике, и только изредка с ней ночевала её любимая невестка. Пелагея не хотела, чтобы кто-нибудь, кроме невестки, видел, как она молится. И пока невестка сидела в хлеву и занималась рукодельем, Пелагея уходила в сени и молилась. Днём она обычно пряла лен, а заработанные деньги делила на две части: половину отдавала в церковь, а другую — бедным, причём делала это тайно: она подходила ночью к дому бедняка и клала своё подаяние на окно или бросала деньгами в нищего.

Однажды ночью она по своему обыкновению молилась в сенях, а невестка спала в избе. Ранним утром невестка проснулась и увидела, что её свекровь стоит на коленях перед иконой. Подождав немного, она позвала:

— Матушка!

Но ответа не было: Пелагея была уже холодна. Увидев, что их свекровь умерла, невестки положили её тело в гроб и было собирались везти в церковь, как вдруг её лицо оживилось, она открыла глаза и перекрестилась. Все испугались, а ожившая тихо сказала:

— Дети, не бойтесь, я жива!

Потом она поднялась и с помощью невесток встала из гроба.

— Успокойтесь, дети, — сказала она, — вы испугались, думали, что я умерла? Нет, мне назначено ещё немного пожить. Бог по Своей благости желает спасения каждому и так всё устраивает, чтобы сама смерть и возвращение к жизни служили многим на пользу!

Что было с ней, пока её считали умершей, об этом она почти ничего не говорила, только со слезами просила детей жить благочестиво, избегать греха, утверждая, что великое блаженство ожидает праведных на Небе и ужасные мучения ждут нечестивых в аду.

После этого она продолжала вести подвижническую жизнь ещё шесть недель и, наконец, преставилась ко Господу.

Там, где светло и радостно

На дом помещика Сергея Иванникова обрушилось тяжкое несчастье — у него от скарлатины умерли дети: маленькие Арсений и Маша. Следом заболел старший сын, Николай. Горько было отцу и матери видеть своего сына при смерти, но они, как могли, скрывали от умирающего свои слёзы и усердно молили Господа о его исцелении.

Коля попросил, чтобы к нему поскорее привели священника, чтобы исповедаться и причаститься. Когда батюшка пришёл к умирающему, Коля попытался встать с постели, но у него не хватило сил.

Мальчик, осенив себя крестным знамением, повторял за священником слова молитв. После принятия Святых Таин он с благодарностью повернулся к иконе Спасителя:

— Слава Тебе, Боже!

После благодарственных молитв священник сказал:

— Многие больные, принимающие Причастие с верой и благоговением, скоро выздоравливают. И ты теперь по своей вере получишь здоровье. Дай Бог тебе поправиться! Тебе надо жить, ты ещё очень молод.

Но юный избранник Божий, поблагодарив батюшку, ответил ему:

— Нет, я не буду жить в этом мире, я умру!

— Почему ты так говоришь? Только один Бог знает это и определяет каждому время жизни и смерти.

— Так, батюшка! Но я от Бога узнал, что умру, Он зовёт меня к Себе, и я пойду к Нему!

Отрок стал тихо читать молитвы Спасителю, Божией Матери и святым угодникам. Осеняя себя крестным знамением, он стал постепенно слабеть, и жизнь оставила его.

Горе родителей нельзя передать словами. Когда мать Коли немного успокоилась, она стала всматриваться в черты дорогого лица, стараясь навсегда запечатлеть их в своём сердце. Вдруг она заметила, что его грудь шевельнулась, как будто он вздохнул. Думая, что это обман зрения от слёз и мерцания свечей, она продолжала внимательно смотреть на него. Но грудь мальчика опять едва заметно шевельнулась. Тогда она сказала об этом мужу, он тоже заметил это. Вдруг отрок громко вздохнул, открыл глаза и присел на кровати. Посмотрев на родителей, Коля сказал:

— Я вернулся сюда, чтобы проститься с вами. Я видел Машу и Арсения и моего крестного отца и говорил с ними. Вы думаете, что они умерли? Нет, они живы! И какое прекрасное место там, где они живут! Какие у них там дивные цветы и деревья, а звёзды какие большие! Когда я подошёл к ним, крестный сказал мне:

«Здравствуй, Николай! Почему ты здесь?»

«Я пришёл повидаться с вами», — сказал я.

«Хорошо, побудь здесь и погуляй с сестрой и братом, а если хочешь, оставайся с нами!»

«Да, останься с нами! — сказали мне сестра и брат. — Видишь, как здесь хорошо!»

«Хорошо, я останусь с вами, у вас прекрасно!»

В это время сестра Маша взяла меня за руку и сказала:

«Вот хорошо! И Николай с нами остаётся!»

И она повела меня по изумрудному лугу, мимо чудных деревьев, каких я никогда не видел. С нами пошёл и Саша. Там я вдруг вспомнил о вас и сказал:

«Ах, я ведь не простился с отцом и матерью! Подождите, я пойду к ним и попрошу у них

благословения жить здесь с вами. А потом вернусь!»

«Иди простись, — сказали они, — только скорее возвращайся к нам, мы ждём тебя!»

Вот я и пришёл к вам, мои дорогие, попрощаться и попросить вашего родительского благословения жить вместе с сестрой и братом. Отпустите меня, батюшка и маменька, и благословите!

Все внимательно слушали его, а когда он закончил, отец подумал, что мальчик бредит, и спросил:

— Николай, ты узнал меня?

Он посмотрел на отца, улыбнулся и сказал:

— Неужели я вас, батюшка, не узна́ю?

Отец указал на мать и спросил:

— А это кто?

— Это моя маменька.

После этого он назвал по именам остальных родных.

— Да неужели вы, батюшка, не верите мне? — спросил Коля. — Ведь я в полном уме и сознании! Если вы сомневаетесь, то вот вам знак того, что я говорю правду: через день к вам придёт Ксения, дочь вашей горничной, которую вы не видели несколько лет. Она очень удивится, что у вас все дети умерли, она ничего не слышала об этом. Вот тогда вы поверите всему, что я говорил вам. А теперь прошу вас, мои дорогие, не держите меня здесь, отпустите скорее с вашим благословением!

Отец уговаривал его остаться, но Коля сказал:

— Батюшка! Там так светло, спокойно, и радостно! Умоляю вас, отпустите! Ведь и вам придётся жить не сто лет. И вы тоже пойдёте туда. Если же меня отпустите, я буду за вас и маменьку молить Бога, чтобы и вас Он принял туда, где светло и радостно!

Убеждённый и утешенный так, отец не мог спорить с сыном и благословил его.

Мальчик обрадовался, расцеловал родителей и, снова ложась в постель, сказал:

— Простите! Мне пора, меня ждут! Господь с вами, до свидания!

Он перекрестился, закрыл глаза и, сложив на груди крестообразно руки, навсегда отошёл из этого мира в Царство Небесное.

Дарованный урожай

Это случилось, когда я служил в станице Бородинской. Однажды ко мне пришли несколько женщин, занимавшихся огородничеством. Они пожаловались, что все их растения уничтожает какой-то чёрный червь. Для избавления от этой пагубы женщины попросили меня совершить молебен на их огородах. Я посоветовал им приготовить всё необходимое для молебна на меже

между огородами.

Едва начался водосвятный молебен с акафистом, как черви со всех огородов стали сползаться под стол, на котором лежали Евангелие, крест и стояла чаша со святой водой.

К концу молебна под столом выросла большая куча червей. Народ, увидев так ясно милость Божию, горячо молился, и многие стали звать меня на их огороды для служения молебнов. Я обошёл все участки, окропляя их святой водой, и черви пропали. Так что урожай овощей в тот год был замечательным.

* * *

Когда я служил в селе Ключевском, лето выдалось очень засушливым и урожай мог погибнуть. Прихожане попросили меня отслужить молебны на пашнях. Народу со всего прихода собралось очень много. Во время служения второго молебна вдалеке показалось маленькое облачко. Оно стало быстро увеличиваться, растянулось по направлению крестного хода вдоль пашен, потом вдоль деревень, в которых служили молебны.

Господь услышал единодушную и усердную молитву народа. В полночь в одной из деревень во время молебна разразилась гроза, пошёл обильный дождь. Вода по улицам текла рекой. Дождь прошёл по всем деревням, где служили молебны. Посевы очень быстро поднялись, и урожай был спасён.

Светозарные гости

В Липецке есть каменная церковь во имя Пресвятой Троицы, с пятью куполами голубого цвета, усеянными вызолоченными звёздами. Внутри она отделана под белый мрамор и богато украшена.

Чудесные знамения милости Божией были как перед началом закладки церкви, так и во время самой постройки. До того, как липецкий купец Хренников решил построить храм, некоторым жителям наяву было чудесное явление.

За несколько лет до начала постройки храма на одной из липецких площадей собрались местные купцы и мещане для обсуждения торговых дел. Утро было пасмурное, шёл снег. Вдруг один купец увидел в воздухе каменную церковь с позолоченными и усеянными звёздами куполами. Она то появлялась, то исчезала. Купец закричал остальным, чтобы они посмотрели наверх. Все сняли шапки, перекрестились и долго смотрели на чудесное явление, пока оно не исчезло. Тогда они не поняли, что это значит.

Через несколько лет после этого Хренников решил приступить к постройке церкви. Для этого он пошёл к владыке Евгению за благословением. Владыка дал ему план на строительство большой каменной церкви с пятью куполами, точно такой же, которую видели купцы в чудесном явлении.

Господь увенчал успехом усердие купца: церковь возвели за несколько лет. В храме, где могло поместиться до пяти тысяч человек, пристроили обширные хоры. Хренников решил сделать на них два престола, параллельно двум другим престолам, находившимся внизу. Только он не знал, чьему имени их посвятить. И Сам Господь разрешил его недоумение. В тонком сне ему представилось, будто он идёт к построенному храму. Вдруг он увидел высокую лестницу, нижний конец которой находился на земле, а верхний касался Неба. На самом верху стояли два святителя, один из них был в полном архиерейском облачении, с митрой на голове, а

другой — в архиерейской мантии и клобуке. Светозарные гости сходили по лестнице на землю. Строитель упал перед ними на колени. Первый святитель подошёл к нему и сказал:

— Встань, не бойся! Мы пришли посмотреть на построенную тобой церковь. Я Николай, а со мной святитель Митрофаний Воронежский.

Благословив строителя, они медленно обошли храм и несколько раз указали на верх церкви, где предполагалось устроить два придела. Видение кончилось, строитель проснулся, поблагодарил Бога и устроил два придела во имя святителей Николая Чудотворца и Митрофания Воронежского.

Святоша

В деревне Ивантеевке жил один набожный крестьянин — Филипп. С ранних лет он полюбил церковь Божию, старался не пропустить ни одной службы, несмотря на то что деревня, в которой он жил, далеко отстояла от села. За это соседи прозвали его Святошей.

Когда он встречался с родственниками или со знакомыми, никогда первый не вступал в разговор. Если при нём начинали кого-нибудь осуждать, он или переводил разговор на духовные темы, или уходил. За какое бы дело Филипп ни принимался, он приступал к нему только после молитвы. Если же его труды иногда и не вознаграждались, то и тогда Филипп не роптал. Никогда никому он не завидовал, всегда был доволен своей долей. Но Промыслу Божьему было угодно испытать веру и терпение Филиппа, как некогда праведного Иова. Неожиданно его постигла страшная болезнь: всё его тело покрылось язвами.

Видя Филиппа в таком жалком положении, соседи, вместо того чтобы утешить его в горе, с насмешками говорили:

— Наш Святоша заживо гниёт!

О больном должна была заботиться его жена Наталья. Она часто сетовала, что смерть, видно, совсем его забыла! На это терпеливый страдалец отвечал:

— Да, видно, за мои тяжкие грехи Господь посетил меня такой болезнью! Но что же делать, Бог, Которому я служил с детства, знает, что мне лучше идти к Нему не путём благоденствия, а путём страданий. Нужно и потерпеть!

Через два года его болезнь усилилась. Филипп, предвидя близкий конец своих страданий, попросил жену скорее пригласить священника. Его желание было немедленно исполнено, и он, удостоившись принять Святые Тайны, после ухода священника сказал Наталье:

— Как же мне теперь стало легко, именно с той минуты, как батюшка меня причастил!

Через месяц он совсем ослабел и опять попросил пригласить священника, чтобы он соборовал его и ещё раз удостоил Причащения Святого Тела и Крови Спасителя. Но на этот раз его просьба не была исполнена, жена гневно ему ответила:

— Ты же недавно причащался!

На это страдалец ответил ей горькими слезами. Вечером Наталья, оставив его одного, пошла к соседям и задержалась у них допоздна. Филипп, огорчённый её отказом, весь вечер провёл в слезах, а около полуночи он удостоился дивного видения: комната, в которой он лежал, вдруг

наполнилась необыкновенным светом, и перед ним предстала Дева невообразимой красоты с двумя величественными юношами. Подойдя к его постели, Она ласково сказала ему:

— Не бойся и не унывай, Филипп, ты скоро Меня увидишь! Я Сама тебя встречу!

Потом один из прекрасных юношей, подойдя к его постели, помазал ему крестообразно лоб и грудь и дал что-то выпить. Второй юноша трижды покадил на него, и они стали невидимы.

Когда вернулась Наталья, Филипп сказал:

— Ты, глупенькая, ушла! А у меня сейчас такие гости были! — И он подробно рассказал ей, что с ним было, и прибавил: — Как мне теперь легко! Смотри, где у меня раны-то?!

Действительно, его жена, в изумлении, не увидела ни малейших признаков прежних язв. А терпеливый страдалец, удостоившийся получить исцеление от необыкновенных гостей, той же ночью с миром предал свою душу Господу. На третий день после кончины тело Филиппа принесли в церковь для отпевания. Священник в этот день служил молебен в доме своего духовного сына перед Толгской иконой Божией Матери. Икону несли при большом стечении народа и под звон колоколов.

После молебна батюшка с причтом поспешили в церковь, чтобы отпеть Филиппа до того, как принесут икону. Но как только они стали выносить его гроб из храма, начался колокольный звон, встречавший икону Божией Матери. Таким образом, тело усопшего несли под благовест до самого кладбища и около него как раз встретились с крестным ходом! Так сбылось предсказание Царицы Небесной, Которая обещала встретить Филиппа после его смерти.

Из тьмы к свету

Когда я служил приходским священником, познакомился с одним помещиком, отставным майором, человеком глубоко верующим и очень добрым. Этим он сильно выделялся среди многих, я всегда чувствовал к нему большое уважение и с большой радостью принимал его у себя в доме.

Однажды, когда он был у меня в гостях, он сказал:

— А знаете, батюшка, было время, когда я в Бога не верил, и только милосердному Промыслу было угодно направить меня на путь истины.

Меня это заинтересовало, и я попросил рассказать об этом подробнее. Майор охотно согласился.

— Мне придётся начать издалека, с моего детства. Мне было шесть лет, когда я остался круглым сиротой. Пришлось покинуть родительский дом, потому что там некому было за мной смотреть, и меня взяла на воспитание родная тётка. Её муж, отставной капитан, был назначен моим опекуном. Других родных у меня не было, я был единственным наследником большого состояния моих родителей.

Мой дядя жил на своём маленьком хуторке, который приносил ему небольшой доход. Детей у них с женой не было. Они могли бы жить безбедно, но слабость к вину сильно расстраивала дела дяди и истощала те средства, которые давал ему хуторок.

Через год после того, как я поселился у них, умерла моя тётка, и я остался на попечении дяди, который после смерти жены ещё больше запил. Но меня он не обижал, наоборот, сильно

баловал и никакого внимания не обращал на моё образование и воспитание. Правда, он поручил своему приказчику, татарину, заняться моим образованием, но тот едва мог кое-как научить меня читать и писать по-русски.

Дядина экономка, грузинка, познакомила меня с четырьмя действиями арифметики, но больше ничего не могла мне дать. О Законе Божием у моих воспитателей не было и речи. Что же касается дяди, то о моём религиозном просвещении он не заботился в силу своих убеждений.

Считаясь образованным человеком, он в то же время был безбожником. Если кто-нибудь говорил с ним о религии, то он начинал спорить о существовании Бога, причём не стеснялся в выборе выражений. Иногда я присутствовал при этих разговорах, и нет ничего удивительного, что некоторые дядюшкины рассуждения пагубно повлияли на мою детскую душу. В церковь дядя никогда не ходил, не постился, даже икон в доме не было. Я тоже не ходил в храм, который к тому же был далеко от дядиного дома. Поэтому не получил никакого религиозного воспитания и даже забыл те молитвы, которым меня научила покойница мать.

А в церкви я впервые побывал, когда мне исполнилось двенадцать лет. Случилось это помимо воли моего дяди. В том селе, где была наша приходская церковь, проходила ярмарка, и дядя отпустил туда свою кухарку вместе со мной. В то время шёл Великий пост, и старушка решила сама поговеть и меня заставила поститься. Когда пришло время исповеди, она подвела меня к священнику, сказав ему, чей я племянник.

Батюшка, зная моего дядю как человека безбожного, захотел перед исповедью поговорить со мной о вере. Он понял, что я не знаю ни одной молитвы и заповеди. Тогда он подозвал алтарника, у которого мы остановились со старухой-кухаркой, и попросил его научить меня нескольким молитвам.

На следующий день батюшка поговорил со мной, велел стараться соблюдать заповеди, затем исповедал и причастил меня Святых Таин. На прощание он вручил письмо на имя дяди, в котором пожурил его за то, что он не позаботился о моём религиозном воспитании.

Прочитав это письмо, дядя, и без того находившийся не в ладах со священником, ещё сильнее на него рассердился и даже решил никогда не отпускать меня в то село. Снова потянулась моя жизнь у дяди, и незаметно плевелы стали заглушать семена истины, которые посеял в моей душе добрый священник.

Через год дядя отдал меня в уездное училище, но я не окончил его. Живя в одной квартире с несколькими избалованными и ленивыми товарищами, детьми богатых родителей, я стал вести беспорядочную жизнь и однажды вместе с ними впутался в такое дурное дело, что нас всех выгнали из училища. Мне пришлось вернуться на хутор к своему дядюшке. Здесь от нечего делать я пристрастился к псовой охоте. В церковь я иногда заглядывал, но о молитве и посте не думал, поэтому меня стали считать таким же безбожником, как и моего дядю. Окрестное духовенство называло нас атеистами.

Дядино хозяйство тогда было на грани краха: то хлеб плохо уродится, то скот падёт от какой-нибудь повальной болезни, то собранный урожай неизвестно отчего сгорит. Окрестные крестьяне были убеждены, что все эти несчастья посылались ему Богом за его неверие. Скорее всего, они были правы.

Между тем началась Крымская война, и дядя решил отдать меня на военную службу. Он дал мне письмо к его старинному другу, командиру пехотного полка, и я отправился в Крым. Через три месяца службы я был произведён в первый офицерский чин. В одну из тёмных октябрьских

ночей меня послали со взводом солдат на разведку для наблюдения за действиями англичан.

Версты две мы пробирались в полной темноте, очень осторожно, почти на ощупь, чтобы как можно незаметнее подойти к цели. Затем, подобравшись к ней почти на ружейный выстрел, спустились ползком в лощину и ещё ближе подошли к тем местам, где расположились англичане. Вступить с ними в борьбу было опасно, и я послал за подкреплением.

Пока мы ждали подкрепления, я решил подобраться ещё ближе к неприятелю, чтобы сосчитать число орудий. Но не успел я проползти вперёд и двадцати метров, как чуть не наткнулся на английский сторожевой пикет. К счастью, они меня не заметили, и я пополз обратно. Когда я стал приближаться к нашим, вдруг услышал, что они говорят обо мне. Я постарался незаметно приблизиться к ним и весь превратился в слух. Вот кто-то сказал:

— А я вам, братцы, скажу, что хоть он и в нашей армии, а басурманин и безбожник! О нём так же и его денщик говорит: «Богу, — говорит, — никогда не молится, креста на нём нет, на него нельзя положиться!» И хоть мы в его команде, а с ним нам добра не дождаться: того и гляди, предаст нас неприятелю или нас перебьют, а он перейдёт к врагам, таким же басурманам, как и сам. С ним страшно идти, потому что Бог за такого никогда не заступится… Отчего, — продолжал негромко солдат, — так мало нашлось охотников идти с ним? Потому что каждому с ним, басурманином, страшно, хоть он и храбрый. Вот он нас тут оставил, а сам один к неприятелю подался. А зачем? Может, он хочет выдать нас?! Смотри, храбрец какой нашёлся, один хочет выбить неприятеля из траншей… Нет, братцы, ему первому нужно послать пулю или на штык посадить, если заметим что-то неладное.

Можно себе представить, каково мне было это слышать! Больно и тяжело стало у меня на душе, оттого что солдаты меня не любят, не доверяют и даже считают способным предать их. Подавленный, лежал я невдалеке от них, и слёзы невольно текли из моих глаз. Ка кое-то чувство, похожее на раскаяние, смутно наполняло мою душу.

Вдруг я услышал лошадиный топот, приближавшийся к нам. Не успел я броситься к своему взводу, как на нас налетел неприятельский конный разъезд, и завязалась жаркая схватка: засвистели пули, пошли в ход штыки. Я упал, раненный в левое плечо и ногу.

Очнулся уже в госпитале. Потом узнал, что в ту роковую ночь почти весь мой взвод был перебит, в живых осталось только человек пять, считая тяжелораненых. Да и эти, быть может, не спаслись бы, если бы к нам не подоспела помощь.

Когда очнулся, ко мне вернулось прежнее мучительное состояние: я вспомнил ту ночь и всё, что мне пришлось тогда подслушать. Меня неотступно преследовала мысль о неудачном исходе моей разведки и о том, что бывшие со мной солдаты могли подумать, что я их вероломно предал! Моё воображение ярко рисовало картину той ужасной ночи, и, как живые, перед моим взором вставали образы бедных солдатиков, умиравших в горьком убеждении, что я, нехристь, был виновником их смерти. И сколько уже лет прошло с тех пор, но я до сих пор не могу без волнения вспоминать то мучительное для меня время. Но, видимо, милосердному Богу было угодно этими душевными муками подготовить мою душу к восприятию света истины.

Я уже говорил вам, батюшка, что когда мне в ту роковую ночь пришлось подслушать разговор моих солдат, то мою душу посетило смутное чувство раскаяния. Такое же чувство стало возникать у меня и в госпитале: моя душа как будто рвалась, стремилась к чему-то, но не могла дать себе отчёт, чего ей, собственно, недоставало. Но Господу было угодно прийти мне на помощь и раскрыть мои духовные очи.

Однажды, когда я очнулся после тяжёлого болезненного сна, увидел священника, который сидел около моей постели и ждал моего пробуждения. Он первый заговорил со мной, и я вдруг понял, чего требовала моя истерзанная душа! Я с горькими слезами искреннего раскаяния рассказал ему о себе и молил наставить меня, безбожника, на путь истины. Не щадя себя, я изобличил всю мою безбожную жизнь, начиная с детства и заканчивая тем тяжёлым чувством, которое вызвал в моей душе подслушанный мной разговор солдат.

Добрый пастырь с любовью выслушал мою искреннюю исповедь и облегчил мою страждущую душу своей беседой. Он укрепил меня в вере в Бога и в Его Промысл и воодушевил меня такой надеждой на Божие милосердие ко мне, что я словно переродился: мне так отрадно стало на душе! До тех пор почти никогда не плакавший, я рыдал навзрыд от горького сознания своей вины перед Богом, Которого теперь обрёл. В то же время эти слёзы были слезами облегчения, они как будто омывали мою прежнюю жизнь со всей её душевной и телесной грязью.

Потом я с радостью принял предложение священника причаститься Святых Таин. После этого я стал быстро поправляться и через два месяца снова вернулся в строй. За полученные мной раны я был награждён крестом. Но не так радовала меня награда, как сознание того, что я наконец нашёл, чего искала моя душа, — обрёл веру в Господа, Который спас от меня от погибели, указав истинный путь.

С каким увлечением, с какой любовью читал я Святое Евангелие, которое раньше ничего не говорило моему сердцу и которое стало теперь для меня смыслом жизни! Чтение ещё больше укрепило мою веру в Бога, показав бесконечную любовь Христа к падшему человеку и его ничтожество без этой любви Богочеловека.

Моя жизнь теперь приобрела другой смысл и значение. Раньше я считал себя ничтожной пешкой в руках вечных и неизменных законов природы, а теперь увидел в моей жизни и в окружающем мире неведомый мне прежде смысл и значение. Теперь, идя в битву с верой в сердце и молитвой на устах и сражаясь за веру, царя и Отечество, я знал, что выполняю то, что назначено мне Божественной волей, которая разумно руководит судьбами людей.

Вручив свою жизнь Божественному Промыслу, я теперь храбро шёл в огонь сражений, уверенный, что если и паду на поле битвы, то это будет по всеблагой и премудрой Божественной воле, и Святая Церковь не оставит моей души без святых молитв и поминовения.

Но милосердному Богу было угодно продлить мою жизнь до настоящего момента, и хотя мне часто приходилось бывать в опасных вылазках против неприятеля и в жарких сражениях, я никогда не был ранен.

Солдаты вскоре увидели моё душевное перерождение, и я стал замечать их привязанность ко мне, бывшему «басурманину». С тех пор я твёрдо верую в Того, Кто сказал: *Я Господь, Бог твой… да не будет у тебя других богов*[4]. Ему, Творцу вселенной, с Его Единородным Сыном и Святым Духом я ныне поклоняюсь, твёрдо веруя в Его Божественный Промысл, который спас мою душу от грозившей ей духовной смерти и возродил к истинной жизни и спасению.

Честно выполнив свой воинский долг, я после Крымской войны вышел в отставку в чине майора, женился и поселился в своём родовом имении, в котором, как видите, батюшка, живу до сих пор, не оставленный Господом в земном довольстве и благополучии.

Дяди же своего я не застал в живых, вернувшись из Крыма. Он, бедный, перед моим возвращением умер нечаянной смертью, случайно застрелившись на охоте в лесу. Умер он, говорят, таким же безбожником, каким я его знал. Вот вам, батюшка, вся история моего

чудесного обращения на путь истины.

— Да, дивны дела Твои, Господи! — сказал майор, заканчивая свой рассказ. — Мог ли я думать, что случайно подслушанный мной разговор в ту роковую ночь будет в руках Божественного Промысла тем средством, которым Бог захотел обратить мою погибавшую душу!

После этого рассказа я ещё больше проникся уважением и любовью к майору. Будучи его духовником и поверенным по делам благотворительности, я, конечно, больше других знал о его явных и тайных добрых делах, о его любви к бедным. И скажу по совести, что я не встречал более достойного христианина.

Когда Бог рядом

Если бы мы внимательно посмотрели на свою жизнь, то увидели, что Господь промыслительно устраивает все, заботится о нас, хранит от несчастий.

Когда мне было девять лет, мы жили в приволжском городке. Мои родители часто ходили гулять с нами на берег Волги, где мы собирали камешки и раковины, любовались плывущими кораблями и старинным монастырём, стоящим на берегу.

Однажды зимой мы катались на санках с высокого берега. Пока сёстры спорили, кто первый поедет, я сел на санки, зажмурился и поехал. Вдруг я услышал громкие крики моих родных. В этот момент я уже скатился вниз и открыл глаза. Передо мной промелькнуло что-то белое. Я ещё не успел опомниться, как ко мне подбежал отец и закричал:

— Он живой!

Оказывается, когда я ехал с горы, наперерез мне по береговой дороге летел гусар на белой лошади. Он не мог её остановить, и мы должны были неминуемо столкнуться. Но каким-то чудесным образом лошадь не задела меня и пронеслась мимо.

* * *

А вот другой случай. Однажды я был на всенощной в храме и, устав стоять, хотел прислониться к стене. Но в последний момент я взглянул на неё… Представьте мой ужас: я прислонился бы к двери, которая была открыта, а за ней зияла глубокая яма, идущая вниз до самого фундамента. В ней перекрещивались брёвна и железные сваи! Если бы я облокотился, то меня ждала неминуемая смерть: я разбился бы раньше, чем долетел до земли…

* * *

Моя жена гостила у родных в Подмосковье. Как-то к ним зашла бедная татарка, их соседка, и попросила устроить её дочь в какой-нибудь магазин. Вскоре жена вернулась домой и забыла об этом разговоре.

А через два месяца к нам приехала девушка с письмом от матери. Места для неё в магазине не было, и она временно поселилась в нашем доме. Ей понравилось у нас, и через некоторое время она захотела принять Православие.

Мы рекомендовали её своей знакомой, которая стала её крестной, а потом отвезла в Оптину пустынь. Девушка вспомнила там о моём больном сыне и спросила совета у оптинского старца Амвросия. Он благословил нас отвезти его к Черниговской иконе Божией Матери в Гефсиманский скит и побывать там у отца Варнавы.

Жена с сыном поехали в скит. Отец Варнава обнадёжил её, что сын будет ходить. На обратном пути один из пассажиров настойчиво советовал ей обратиться к доктору-гомеопату Соколову. Жена послушалась его, и мой сын через несколько месяцев стал ходить. А до этого больше года он не чувствовал ног, и все врачи говорили, что его болезнь неизлечима.

Господь хранит младенцев

Этот случай произошёл в Петербурге. Гувернантка наших знакомых проходила с детьми мимо ворот Московского почтамта. В это время на почтовый двор въезжал извозчик. То ли он их не заметил, то ли думал, что успеет проехать перед ними, только он не предостерёг пешеходов.

Между тем малышка, идущая с гувернанткой, вступила на то место, где нужно было проехать лошади извозчика. Кобыла, никем не удерживаемая, сбив с ног эту несчастную малютку и переступив передними ногами через её голову, должна была наступить задним копытом на её грудь… Но крики гувернантки и прохожих заставили извозчика осадить лошадь.

Она должна была раздавить девочку, но осторожно переступила через неё, не причинив ей никакого вреда. На всех, кто это видел, напал страх, никто не мог произнести ни слова, только слёзы, показавшиеся у многих на глазах, говорили о том, что они чувствовали.

Малютка очень испугалась. На вопросы, не ушибла ли её лошадка, она ответила:

— Нет, она только разорвала своей ногой моё платье!

И девочка показала при этом подол своего платья: на нём действительно висел клочок материи, оторванный лошадиной подковой. Многие перекрестились, а мне невольно вспомнились слова псалма 114: *Хранит младенцев Господь.*

Свет православия

Известный в нашем приходе врач Пётр Францевич был немцем, лютеранином. Он прожил в добром согласии со своей православной супругой около пятидесяти лет. Когда им перевалило за семьдесят, они купили для себя место на православном кладбище и огородили его. Вскоре его жена умерла. Через год после этого Пётр Францевич простудился, долго болел, ему становилось всё хуже. Тогда знакомые пригласили к нему двух опытных врачей. Они, обследовав больного, признали его безнадёжным, да он и сам чувствовал, что смерть уже стоит на пороге.

Не надеясь на выздоровление, он просил только о том, чтобы его похоронили на православном кладбище, рядом с женой. Знакомые, успокаивая его, обещали выполнить его предсмертное желание. А между тем они не знали, можно ли это сделать, и решили спросить об этом у батюшки.

В тот же день наш приходской священник освящал квартиру у соседей Петра Францевича. После освящения они сказали ему:

— Батюшка, в соседней квартире безнадёжно болен врач, всю жизнь лечивший бедных нашего квартала. Вы, может быть, знаете его, это Пётр Францевич?

— Конечно же знаю, — ответил священник.

— Он просит, чтобы его похоронили на православном кладбище. Можно ли это сделать?

— Без разрешения духовного начальства мы не можем это сделать, надо узнать… А почему он этого хочет?

— Когда была жива его жена, они купили место на православном кладбище, супруга уже погребена там. Теперь ему хочется быть рядом с ней. Они долго жили вместе, и, несмотря на своё вероисповедание, он с большой любовью поминает её по-православному.

— В таком случае ему лучше присоединиться к нашей Православной Церкви.

— Мы уже говорили об этом, батюшка, но он не согласен. Хорошо бы, если вы сами поговорили с ним, вас-то, может быть, он больше послушает!

Священник согласился.

— Пётр Францевич, сами спросите священника: можно ли хоронить лютеранина на православном кладбище? — сказал знакомый доктора, пришедший к нему вместе со священником.

— Да, батюшка, можно ли? — прошептал больной.

— С разрешения начальства, может быть, и можно, только неудобно. Но почему вы этого хотите?

— У меня там похоронена супруга, я хочу, чтобы наши кости лежали вместе.

— Я это слышал. Но подумайте: какой смысл в том, если вы будете погребены вместе с ней? Здесь ваши кости будут лежать вместе, а души-то ваши там, на том свете, будут ли находиться рядом? Будете ли вы вместе с вашей женой? Ведь она была православной и старалась служить Богу, как заповедует наша Церковь. А вы служите Богу по своим законам. Подумайте об этом!

— Что же мне делать? Как вы думаете? — спросил больной после некоторого молчания.

— Лучше всего принять Православие, присоединиться к нашей Церкви, тогда и на земле, и на Небе, и телом, и душой, вы будете у Бога вместе с любимой вами супругой.

— Но как же это можно? Мне уже семьдесят три года! Всю жизнь я был лютеранином, никогда не думал отказываться от этого, а теперь, когда уже отжил своё, стану изменять своей вере!

— Принять истину никогда не поздно.

— Но чем вы докажете, что я оставляю свою веру ради истины? Мне приходится жертвовать убеждениями всей жизни!

— Вы хотите узнать истину? — спросил священник и вдруг прибавил: — В таком случае я вам обещаю, что после присоединения к Православию и после принятия Святых Таинств Миропомазания и Причащения вы выздоровеете и проживёте ещё пятнадцать — двадцать лет!

— Что вы говорите? Это невозможно! Я уже стар, сознание меркнет, чувствую приближение смерти. Не забывайте, я врач, и знаю, что умираю, а вы говорите мне о выздоровлении!

— Для человека, который хочет принять истину, Бог может сделать всё!

— Но я не верю в чудеса!

— Но вы же веруете в Господа Иисуса Христа?

— Да!

— Веруете и в Его слова, в Его учение?

— Да!

— А если веруете в Него и в Его слова, почему же не хотите от всей души принять это: *Возложат руки на больных, и они будут здоровы*[5]? Разве это было сказано только для одних апостолов?

— Знамения и чудеса в апостольские времена были нужны для распространения Евангелия, а кто я такой, сто́ю ли я этого?

— Что вы! Можно ли так говорить? Молитесь и веруйте для вашего же блага. Господь даст вам здоровье, чтобы, воспользовавшись им, вы познали заблуждения вашего исповедания.

— Вы правы!— сказал растроганный больной.

— Православная вера — не просто слова. А как рада будет ваша жена, смотрящая на вас из другой жизни и молящаяся за вас теперь Господу!

— Искренно верю вам, батюшка. Присоедините же меня сейчас, сию минуту, пока я в сознании, — сказал больной.

Принесли всё нужное для совершения Таинств.

Когда всё закончилось, священник благословил больного и дал ему наставление, чтобы он чаще молился Господу.

На третий день священник прислал Петру Францевичу просфору. А он в это время уже мог сам вставать с постели. Доктор взял просфору, поцеловал её и просил предать батюшке, что стал поправляться.

После выздоровления доктора прошло уже восемь лет, он продолжает лечить больных и каждый день благодарит Бога за своё духовное и телесное исцеление.

Молитва исцелила

В нашем приходе тяжело заболела молодая крестьянка Анна.

Однажды ночью ко мне пришёл её брат Иван и попросил причастить умирающую. Я немедленно отправился с ним и, увидев Анну, понял, что она безнадёжна: страдалица уже не могла говорить. К сожалению, близкие Анны были равнодушны к православию, они скорее склонялись к расколу. Понимая их заблуждение, я сказал Ивану и его близким, как пагубно для души умереть без исповеди, предупредил, что они подвергнутся гневу Божьему, лишив больную возможности покаяться. Видя, что мои слова смягчили их сердца, я продолжал беседу до тех пор, пока они не признались в своём заблуждении.

В моей душе были противоречивые чувства: радость и горе. Радость оттого, что Господь, по Своему милосердию, спасает целое семейство от заблуждения и возвращает на путь истины, а горе оттого, что несчастная Анна умирает без покаяния.

Я сказал им, что в наш храм принесли святыни: Смоленскую и Черниговскую иконы Божией Матери и образ преподобного Тихона, Луховского чудотворца. Надо, чтобы перед ними был отслужен молебен об исцелении болящей. Они спросили, можно ли принести святыни к ним домой. Я с радостью ответил, что завтра они будут у них. Незадолго до рассвета я вернулся из их деревни домой и, не смыкая глаз, готовился к совершению службы.

После литургии ко мне подошёл Иван и сказал, что его сестре вдруг стало лучше и она позвала меня. Обрадованный, я поспешил к больной. Она сподобилась причаститься, потом мы отслужили молебен перед чудотворными иконами, которые принесли из храма. Вся семья на коленях благодарила Господа и Царицу Небесную.

Духовный отец

Несколько лет назад сильно заболела жена известного в нашем городе промышленника. Когда она приходила в себя, просила позвать к ней батюшку, но, поскольку родные считали, что это необязательно, меня никто не звал. Тем временем я на каждом богослужении молился о ней как о своей духовной дочери. Прошёл месяц. Ей стало совсем плохо, и тогда родные наконец прислали за мной слугу. Он сказал, что её муж просит меня поспешить к ним для исповеди и причащения больной. Я сразу пошёл туда вместе с алтарником. Выслушав её исповедь, я напутствовал больную Святыми Тайнами Тела и Крови Христовых.

На следующий день после Божественной литургии я опять пришёл к ней. Потрясённый супруг и всё семейство с радостью рассказали, что вскоре после моего ухода больная заснула, а пробудившись, сказала:

— Мне легче, я не умру! Не нужно мне докторов, меня вылечил мой духовный отец!

Через неделю она вместе с родными пришла в храм и перед иконой Спасителя проливала горячие слёзы благодарности.

Роды

Однажды вечером к крыльцу моего дома подъехала коляска. Из неё выбежала заплаканная прихожанка нашего храма и закричала:

— Батюшка дорогой, спасите мою дочь!

— А что случилось?

Она рассказала мне, что её Мария четвёртые сутки не может разродиться, и когда доктора потеряли надежду на благополучный исход родов, она вдруг сказала:

— Бегите к отцу Иоанну! Пока я не увижу его, не расскажу моих грехов и не причащусь, до тех пор не разрешусь! Недаром он когда-то во сне строго говорил мне, чтобы я готовилась перед родами к исповеди и Причастию… а я всё откладывала.

Я поспешил с матерью больной прямо в церковь и, открыв Царские врата, стал на коленях молиться перед ними. Потом мы вместе с ней отправились к нашей страдалице.

Мария была чуть жива, но ещё в сознании. Она сподобилась исповеди и Причастия. Возвращаясь домой, я долго думал, что с ней будет. Доктора говорили, что она не сможет поправиться, так как потеряла много крови. Осталось уповать только на Господа Бога!

На следующий день, в семь часов утра, ко мне прибежал муж Марии и с сияющим от радости лицом сказал, что она родила ему сына. Мальчик родился через полчаса после моего ухода. Он просил, чтобы я пришёл к ним домой и нарёк младенцу христианское имя.

Маловеры

Из записок полкового священника

Когда-то я служил полковым священником в эстонском пехотном полку. По случаю смотра в Даугавпилсе императором Николаем I собрались войска пехотного корпуса. Там я познакомился со священником егерского пехотного полка, отцом Матфеем Лавровским.

Однажды, когда я пришёл домой к отцу Матфею, к нему принесли крестить младенца. Крестными были солдат и крестьянка, они просили окрестить его поскорее, потому что ребёнок мог умереть. Действительно, его глаза были закрыты, дыхание было едва заметно.

Я взял стоявший на столе графин с водой и торопливо подал его священнику:

— Крестите скорее хоть окроплением, отец Матфей! Ещё минуты две, и ребёнок умрёт!

Но отец Матфей, посмотрев на меня с удивлением и пожав плечами, сказал:

— Стой, брат, не торопись! При совершении Таинства нужны вера и молитва, а не торопливость!

Облачившись, он начал спокойно читать молитвы. Смотря на него, я думал, что он крестит уже мёртвого ребёнка, и в душе осуждал его медлительность. Но вера отца Матфея была крепкой: он спокойно, без всякой суеты, освятил воду и крестил младенца, который, к моему большому удивлению, после погружения в купель открыл глаза и тихо заплакал.

— Теперь он будет жить, — сказал отец Матфей и, миропомазав его, закончил Крещение по чину, как положено.

Умирающий младенец вышел здоровым из купели Святого Крещения. Что вернуло жизнь умирающему — Таинство ли Крещения или сила веры и молитва отца Матфея? Без сомнения, то и другое.

— Почему вы были уверены, — спросил я, — что младенец будет жив, пока совершаете молитвы по требнику? А что, если бы в это время он скончался, на ком бы тогда был грех?

— Маловеры вы! — ответил отец Матфей. — Разве для того установлены Господом Таинства, чтобы при их совершении люди умирали, не сподобившись спасения? Мне никогда не случалось видеть, чтобы больные, к которым я приходил для напутствия Святыми Тайнами, или слабые младенцы, принесённые ко Крещению, умирали, не сподобившись Таинств, хотя бы они были и при смерти!

Где же ваша вера во Христа Спасителя? Веруй только твёрдо и молись — и воскресишь мёртвого, не только умирающего. Подобные вопросы рождаются лишь от неверия, а на деле так не бывает. Если Господь сподобил больного дожить до того часа, когда к нему придёт служитель алтаря с Животворящими Тайнами, то сподобит его и причаститься! Если младенца принесут к священнику и умирающим, верь, что он не умрёт, пока ты его не окрестишь! Милосердие Божие не хочет смерти грешника. И действительно, опытный в духовной жизни батюшка сказал мне правду: через многие годы моего служения я убедился, что ни один

больной, ни один слабый младенец не умирал при совершении Таинства. Поэтому я никогда не тороплюсь приступать к Таинствам Исповеди и Крещения, не вычитав всех положенных молитв, ибо, по слову Божию, *молитва веры исцелит болящего*[6].

Светлая кончина

Священники при напутствии в загробную жизнь бывают иногда свидетелями чудесных явлений.

В «Руководстве для сельских пастырей» отец Аркадий пишет о таком случае со слов своего отца диакона.

Жена этого диакона была добрая, простая, чрезвычайно трудолюбивая. Бывало, прихожанин ли какой зайдёт к отцу диакону — диаконица непременно чем-нибудь да попотчует его: стыдно, говорит, отпустить доброго человека из пустой избы. Нищий ли стукнется к отцу диакону — диаконица с радостью первая спешит на голос бедного, щедро наделяет его и не отпускает без слова сочувствия чужому горю. Но, вызывая простотой своей и добротой любовь и почтение у одних, в то же время этой простотой и добротой она наживала себе врагов: у скаредных, злых и завистливых людей она была, как говорят, «на смеху», в поношении… И вообще, говорят, она много-много потерпела на своём веку: доля её была очень и очень незавидна…

Но последний час её жизни раскрыл очи слепых.

Дьяконица вообще не отличалась хорошим здоровьем и вот совсем слегла и была напутствована Святыми Тайнами. Спустя несколько дней после этого напутствия она крайне изнемогла и сказала мужу, что жизнь её угасает. Отец диакон идёт к священнику и просит его прочитать умирающей отходную. Священник пришёл, но в больной почти незаметно признаков жизни: она лежала неподвижно, с поднятыми вверх, изумлёнными, как бы смотрящими на что-то глазами, дыхание её замерло, и только едва приметное дыхание давало знать, что жизнь в ней ещё не совсем угасла. Священник прочитал отходную и остался в доме диакона ожидать, вместе с другими, её кончины. Ожидание продолжалось часа полтора.

— Ах, как я хорошо спала! — заговорила наконец жена диакона. — Я слышала всё, что вы говорили и что читали отходную…

— Что же с тобой было? — спросил священник. — Мы думали, ты умерла.

— Нет, за мной приходили две сестры, взяли меня одна под руку, другая под другую и повели из дома в монастырь — на кладбище. Подвели к яме, затем вниз по лестнице, потом шли узким коридором в темноте и увидели свет. Здесь стояла как бы церковь с запертыми дверями, около дверей был диакон в белых ризах, с ключами в руках. «Пропусти нас», — сказали сёстры. Диакон отпёр двери, отворил их и пропустил нас. Мы вошли в церковь, хорошо в ней! В церкви мы нашли ещё двух сестёр, они сидели около стола, потом встали и сказали нам: «Пойдёмте с нами!» Мы вслед за ними вышли из церкви уже в другие двери, прямо в сад, в котором так светло, такие красивые деревья и цветы, так хорошо поют птички, такой запах, что не уходила бы!

«Что, сестра, хорошо ли здесь?» — спросили меня сёстры.

«Очень хорошо!» — говорю.

«Вот это тебе!» — сказали другие две сестры, которых мы нашли в церкви, и дали мне по

цветку, таких я сроду не видывала.

«Нет, — отвечаю, — надо мной смеяться станут...»

«Когда опять придёшь к нам, так мы тебе их отдадим, а теперь прости».

Они остались, в саду, а прежние две сестры повели меня обратно в церковь. Мы подошли опять к тем же дверям, тот же диакон выпустил нас, и дальше прежним тёмным, узким коридором из той же могилы опять вышли на кладбище. Сёстры проводили меня до дома и в сенях простились со мной: «Прости, сестра, — сказали, — через три дня мы опять придём за тобой... всё рассказывай, а трёх слов... не сказывай». Поцеловали они меня: одна в голову, а другая в плечо, и пропали... Как пропали, так я и пробудилась...

Священник и все бывшие рядом старались узнать у неё, какие именно три слова ей не велено было сказывать.

— Нет, батюшка, не скажу; если скажу, то меня на здешнем свете съедят черви.

Так и не сказала. А через три дня она скончалась, тихонько, без всяких видимых страданий.

Замечательны были последние часы её жизни: она, как передавал мне отец диакон, безграмотная, говорила как учёная; целые ночи шептала молитвы, целый час перед смертью проговорила с мужем и семьёй — учила их, как жить, чтобы спастись: «Не забывайте Бога, нищих не оставляйте, живите со всеми мирно, тяжек конец грешников!» Это были её последние предсмертные слова. В последнее мгновение своей жизни она оградила себя крестным знамением, на лице её было небесное спокойствие.

Животворящий Крест

(Рассказ приходского священника)

Летом к нам в село приехал молодой человек лет двадцати пяти и поселился в особняке у реки. Сначала он никуда не выходил, а недели через две я увидел его в церкви. Он стал часто посещать наш храм, и не только в праздники, но и в будни можно было видеть его молящимся где-нибудь в уголке, при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил позже всех и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест. Когда мы с ним познакомились, он рассказал мне историю своей жизни:

— Мой отец был помещиком в Ярославской губернии, мы жили в небольшой деревеньке. Тихо и плавно текла моя жизнь, я был примерным ребёнком. Но когда мне исполнилось десять лет, я поступил в городскую гимназию. Тяжело мне было привыкать к новой жизни. Я больше не слышал тёплых слов молитвы и духовных наставлений, которые мне давали дома. Сначала я часто, подолгу молился, но язвительные насмешки товарищей, их издевательства постепенно охладили мою веру. Гимназисты были распущенны, дерзили старшим, многие курили. Я незаметно стал во всём подражать им. Часто мы смеялись над Священным Писанием, богослужением, над священниками. И всё же совесть не совсем умерла в моей душе, я ещё сознавал, что грешу перед Богом. Когда я перешёл в последний класс, то стал полным безбожником. Разговоры о бессмертии души, будущей загробной жизни выводили меня из себя, я злобно высмеивал тех, кто верил в Бога. Крест, орудие нашего спасения, я с ненавистью сорвал с себя и с презрением выбросил... Когда нас водили в храм, я смеялся над Божественной службой; когда наступал пост, я специально ел скоромное, чтобы показать своё презрение к уставам Церкви. Перед причащением я специально старался хоть что-нибудь

съесть. Одним словом, тогда я был каким-то извергом, а не человекам.

Но вот моя учёба подошла к концу, и я окончательно окунулся в пучину погибели. Многих я совратил с истинного пути и увлёк за собой…

Скоро от холеры умерли мои добрые родители, и их тёплая молитва перед Престолом Всевышнего, должно быть, привела к исправлению их заблудшего сына. После получения известия об их смерти я отправился в село на их могилу. Странно: несмотря на моё безбожие и цинизм, привязанность к родителям всё же у меня осталась, и холодный, развратный ум уступил голосу сердца — желанию побывать на их могиле. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что эта поездка на родину была началом моего исправления. Приехав в родное село, я спросил церковного сторожа, где они похоронены, и отправился туда…

Когда я подошёл к их могиле, мне неожиданно стало плохо, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной было потом, только я очнулся уже в своём доме. Слуги были уверены, что у меня был апоплексический удар. Однако на следующий день я встал совершенно здоровый и, сколько ни думал о вчерашнем случае, не мог найти ему объяснения. Потом я опять отправился на могилу родителей. Но каково же было моё удивление, когда и в этот раз со мной случилось то же самое! Думая, что меня постигла падучая болезнь, повторяющаяся в определённые часы дня, я на третий день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошёл на кладбище опять и стал приближаться к могиле, припадок снова повторился. Я заметил, что слуга стал смотреть на меня с опаской. Он решил, что я, наверное, очень грешен, если Господь не допускает меня к могиле родителей. Я же тогда ничего не понял, потому что не хотел признавать в этом перста Божия. Впрочем, меня удивили эти странные припадки, и я послал за доктором, он обещал приехать на следующий день.

Утром, проснувшись, я не мог пошевелиться, язык меня не слушался, тело горело как в огне, губы пересохли, я окончательно упал духом. Доктор, осмотрев меня, прописал много лекарств, но они мне не помогли. Через два месяца безуспешного лечения он мне сказал, что не знает, чем мне помочь.

Как же я испугался, когда понял, что меня оставили один на один с моим недугом! Мне не приходило в голову, что надо искать помощи у Бога, Которого я столько лет отвергал! А болезнь моя с каждым днём усиливалась и осложнялась: на теле появились гнойные раны, я очень страдал, не спал ночами.

И вот однажды вечером, когда я стал засыпать, вдруг почувствовал чьё-то прикосновение, кто-то коснулся моей руки. Я вздрогнул, открыл глаза и… увидел мою мать! «Да ведь она умерла!» — подумал я.

Мама была в белых одеждах, только в одном месте чернело пятно. Её лицо было строгим, она стояла в каком-то полумраке.

«Послушай меня! — сказала она. — Твои беззакония и распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не только погубил себя, но и запятнал нас, и это чёрное пятно на моей душе — твои тяжкие грехи. Господь хотел поразить тебя, но мы с отцом молились перед Престолом Всевышнего о тебе. Он захотел обратить тебя к Себе не милостью, потому что ты этого не смог бы понять, а строгостью. Он знал, что только наша могила дорога́ тебе здесь, поэтому не допустил тебя к ней, поразив сверхъестественной болезнью, чтобы ты признал над собой высшую силу, тобой отвергнутую, но ты не обратился. Потом Господь послал меня к тебе. Ты не признавал Бога,

будущей жизни, бессмертия души! Вот же тебе доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю с тобой! Уверуй же в отрицаемого тобой Бога, вспомни твою мать, которая, не жалея жизни, старалась сделать из тебя истинного христианина!»

В этот момент её лицо стало ещё более грустным, она разрыдалась. Это потрясло меня, перевернуло всю душу… «Ещё раз заклинаю тебя, — продолжала мать, — обратись к Богу. Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить моё явление расстройством твоего воображения, но знай, что твои объяснения ложны и я своим духовным существом сейчас предстою пред тобой! А в доказательство этого возьми крест, который ты сорвал с себя, прими его, иначе погибнешь! Покайся, и твоя болезнь пройдёт. Тебя ждёт погибель и вечный ад, если ты не послушаешь меня!» Так сказала моя мать и исчезла. Когда я опомнился, то увидел в своей руке маленький крестик.

Всё это до глубины потрясло мою душу, совесть проснулась во мне, и я переродился в одно мгновение! У меня появилось чувство лёгкости и освобождения. В эту минуту вошёл мой слуга, держа в руках икону с изображением Животворящего Креста. Не могу без волнения вспоминать эту минуту! Я тут же почувствовал, что исцелился, встал и упал на колени перед образом, который принёс слуга. После этого я пошёл в церковь и благодарил Бога за всё. А затем я отправился на дорогую могилу. Я целовал её и плакал, и эти горячие слёзы омывали мою прежнюю жизнь и были раскаянием блудного сына.

Дочь помещика

Рассказ деда Онуфрия

Я встретился с дедом Онуфрием в городе, когда он пришёл ко мне за лекарством для его жены. Он рассказал мне удивительный случай, произошедший в его селе год назад.

— Наши помещики были очень богаты, и деток им Бог послал, только они у них все умирали в младенчестве, — начал свой рассказ Онуфрий. — Бывало, родится здоровый ребёнок, а когда ему исполнится пять лет, вдруг скоропостижно умирает… Так умерло у них восемь детей, и все в пятилетнем возрасте. Сколько бедная барыня плакала, сколько раздавала денег нищим, на церкви, ничто не помогало!

После смерти её последнего ребёнка прошло несколько лет. Однажды к ним в усадьбу зашёл странник. Барыня вышла к нему, подала серебряную монету и попросила его:

— Молись, дедушка, чтобы Господь нас помиловал!

Он ей ответил:

— Помилует вас Господь, только вы покайтесь, не обижайте народ, будьте к нему милостивы. Вам надо поехать в Почаевскую лавру, исповедайтесь и причаститесь там. Пусть монахи отслужат заказную обедню с акафистом Богородице, а вы всю службу должны стоять на коленях, а когда будут читать Евангелие, можете с колен подняться.

Барыня послушалась странника, и на следующий день они с мужем уехали в Почаев. После этого случилось чудо — снова послал им Господь дочку, Анечку. Она росла тихим, послушным ребёнком. Наконец ей исполнилось пять лет. Родители не знали покоя ни днём ни ночью, очень боялись за неё. И они решили отвезти её в Почаев, к тому старенькому монаху, который предсказал им Божию милость. Иноки читали над девочкой молитвы, её причастили, отвезли на святой источник…

Господь точно их помиловал: Анечке пошёл шестой годок, а она растёт себе, красуется на радость родителям, как маков цвет! Но ещё прекрасней была её душа. Она старалась ходить на все службы в храм, горячо, с умилением молилась, раздавала много милостыни. У нас все про неё говорили как про земного ангела.

Когда ей исполнилось восемнадцать лет, к ней стали свататься многие женихи, но никто не пришёлся ей по сердцу. Она предпочитала читать духовные книги, много молилась и творила дела милосердия.

В Великую пятницу, когда мы собрались в храме, прошёл слух, что барышня Анна разболелась. На следующий день много докторов приехало в усадьбу, но они не смогли помочь девице. Народ плакал о ней, и не было человека, который бы горячо о ней не молился. А её болезнь действительно была особенной. С утра Анна со всеми говорила, не жаловалась на боль, только стала бледной и слабой. И ровно в двенадцать часов дня она закрывала глаза и лежала как мёртвая, только много говорила в этот момент.

И так чудно, милый мой, говорила, такие слова, что я сам никогда бы не поверил, если бы своими ушами не слышал. Говорила про то, куда уходят человеческие души после смерти, рассказывала, что она их видит и беседует с ними. Всех, кто к ней приходил, она узнавала и так наставляла, что никто не мог удержаться от слёз. Старые господа заболели, с ней находились только её верная горничная да другие слуги, а народ шёл к ней толпами. А когда приходил человек, тяжко согрешивший перед Богом — например, безбожник или матерщинник, — то она просила не пускать его к ней, потому что ей становилось плохо.

— И ты тоже был у неё, видел и слышал? — спросил я.

— Да, и я там был. Ведь тогда по всему селу разнеслась молва, что барышня Анна заболела странной болезнью: в сонном видении она говорила удивительные вещи! Я сначала не поверил, потому что знаю, что наш народ часто болтает лишнее, ещё всякие небылицы приврать любит. Но потом я всё же решил прийти в усадьбу и узнать, правда ли это. По дороге я встретил батюшку Андрея, и он спросил, видел ли я барышню Анну.

— Сейчас иду к ней, — ответил я, — но не пойму, батюшка, почему к ней народ идёт.

— Есть что посмотреть, есть что послушать! Такое не каждому дано увидеть!

— Что же это такое? Она святая, что ли?

— Душа у неё чистая и богобоязненная, — ответил батюшка. — Если и был у неё какой грех, то она его очистила своими добрыми делами. Она жила в Боге, в молитве, в добрых делах милосердия и сострадания. И она поистине была не от мира сего, потому что наш мир злой, лукавый, нечистый, грешный. Анна пришла сюда лишь на короткое время, чтобы показать другим, как надо праведно и богоугодно жить. А теперь наступает конец её земной жизни, и она отходит в своё Небесное отечество, к чистым и светлым душам, но перед этим говорит нам о небесном, чтобы мы покаялись и начали совсем другую жизнь, если хотим получить спасение.

— Вы были уже у неё, батюшка?

— Был, она велела позвать меня к себе, как только заболела, с первого дня, и просила, чтобы я от неё не отходил. Я пробыл там четыре дня, но больше не смог, потому что кто её слушал, были не в силах удержаться от плача.

— Что же она говорила?

— В первый день, как только впала в этот сон, велела позвать родителей и всех слуг, всю дворню и сказала при мне, что скоро умрёт. Просила, чтобы никто о ней не плакал, потому что она отходит в такое место, где нет ни горя, ни скорбей.

«Это ты, отец Андрей? — промолвила она. — Спасибо, что пришёл меня проведать!»

Потом она обратилась к Тимофею:

«Подойди поближе, Тимофеюшка, ты верный мой слуга и друг! Не плачь! Почему вы все плачете? И ты, отец Андрей, зачем плачешь?»

Я не мог вымолвить ни слова, меня душили слёзы, безмерная печаль сжала моё сердце.

«Как же о вас не плакать, когда вы так больны! — сказал я ей. — Все мы вас так любим, Аннушка!»

— И она всё время с закрытыми глазами говорила?

— Пока была в том сне, глаза у неё были закрыты, но она видела каждого, кто к ней приходил, всех узнавала. — Батюшка, как же она могла видеть с закрытыми глазами?

— Когда душа выходит из тела, она видит всё иначе, потому что земное тело грубое, тяжеловесное, оно держит душу как бы в темнице.

— А её душа разве была не в теле?

— Такова была воля Божия, что, не совсем ещё отделившись от тела, она могла вознестись в другой мир.

— Мне не верится почему-то, что такое может быть!

— Уже во времена апостола Павла в числе обратившихся ко Христу людей были двое, которые ещё при жизни вознеслись духом: один до третьего неба, а другой гораздо выше, в рай, и он слышал там такие слова, которых человек повторить не может, не в силах!

Ещё батюшка говорил мне, что Анна три дня рассказывала про ад. В первый день её болезни к ней явился Ангел, который водил её по тем бедственным местам, которые мы называем адом. Она рассказывала про тьму и страшные муки, в которых пребывают великие грешники, те, что при жизни здесь, на земле, противились Богу и Его заповедям. Но долго смотреть на это она не могла, только всё время повторяла: «Люди, храните свою душу от греха, любите Бога и ближнего, исполняйте заповеди, чтобы не прийти в эти страшные места! Всякий, кто попадёт сюда, будет безмерно жалеть о своём неразумии, потому что здесь грешник проклинает час, когда родился, но больше всех мучаются те, которые других доводили до греха, наставляли на зло». Когда барышня говорила про те муки, слёзы текли у неё из глаз, а люди, слушая её, плакали, и много было таких, которые искренно каялись. Потом мы вместе с батюшкой пошли в усадьбу.

Когда мы увидели барышню, она лежала с закрытыми глазами, но сразу узнала нас и произнесла шёпотом наши имена. Мы подошли к ней, она еле заметно дышала, потом сказала:

— Ах, я вижу прекрасный свет! Я слышу вдали тихие звуки, какое это дивное пение!

Отец Андрей стал её расспрашивать:

— А Ангел-путеводитель с тобой?

— Да, но он уже не такой грустный, как в те дни, когда мы ходили по тёмным, мрачным местам. Ах, какой он сегодня прекрасный! Я не могу наглядеться на его красоту, не могу надышаться и насытиться той любовью, которая разлита вокруг и наполняет собой всё!

— А видишь ли, Анна, какие-нибудь блаженные души?

— Вижу и сама нахожусь с ними.

— Видишь ли кого-нибудь из знакомых?

— Да, много знакомых.

— А кого?

— Бабушку Веру Семёновну из нашего села, которую никто не хотел проводить по-христиански до могилы, потому что она была очень бедной, не на что было купить угощения и водки! Она здесь не старая, а прекрасная, дивно прекрасная, преображенная!

— А как ты её узнала?

— Души здесь знают друг друга, потому что видят всё очень ясно.

— Что же она тебе говорит?

— Благодарит за то, что я ей сшила рубашку и проводила её до могилы.

— Разве это такое доброе дело — проводить покойника до могилы?

— Да, это выражает любовь, а любовь превыше всего… Потом она вздохнула и произнесла:

— Люди, сколько между вами таких грешников, которые не задумываются о загробной жизни, не ходят в церковь из-за лености, не молятся, предаются недобрым мыслям, делают злые дела, ни о чём не заботятся, кроме тела! А что такое наше тело? Это ничтожная оболочка, похожая на ту, которую сбрасывает с себя крылатое насекомое, улетая на вольный воздух. О, как бы мне хотелось рассказать вам всё, что я здесь вижу, но я не могу!

— Почему не можешь, Анна? — спросил её отец Андрей. — Расскажи нам всё, мы хотим знать, что там будет!

— Это невозможно рассказать. На земле нет таких слов, а у меня — сил. О, просите братьев ваших, соседей, друзей, умоляйте их — пусть оставят грешную жизнь, пусть каются и начнут вновь жить честно, по-христиански!

— И в чём заключается это счастье, Анна?

— Любовь, святая любовь, которая царит здесь между всеми блаженными душами!

— А ещё что?

— Красота, величие, бесконечная глубина и широта дел Божиих! Как бесконечны звезды на

небе, их красота, так же бесконечно блаженство — видеть и познавать дела Божии и прославлять Его!

— А души могут возноситься к этим светилам?

— Могут, куда захотят, но лишь на такую высоту, которая им по силам. Есть такая красота, которую не может вынести и чистый дух, доколе ещё больше не приблизится к Богу.

— А там все равны между собой?

— Все равны любовью, но не все равны совершенством. И там есть степени совершенства и степени блаженства.

— Кто же там поставлен выше всех?

— Больше всех здесь сияют святители. Они распространяли свет Божий и любовь к Нему и ближним между людьми и народами. Но горе тому духовному пастырю, который напрасно занимает своё место или подаёт другим дурной пример! Такие сюда не попадут!

Когда она это сказала, я вспомнил нашего покойного учителя Ивана Фёдоровича и спросил:

— Анна, скажи мне, не видишь ли ты там нашего учителя Ивана Фёдоровича? — Нет, не вижу.

— Почему?

— Потому что он выше, гораздо выше, это говорит мой Ангел.

Батюшка спросил её:

— А к нам могут приходить души из другого мира?

— Да, они приходят и являются кому-то в сновидениях, кто заслуживает это, присутствуют на богослужениях за их души, хотя они и не имеют нужды в наших молитвах, но радуются нашей любви. Я возношусь всё выше и выше, всё сильнее чувствую, какое здесь неизреченное блаженство! Разбудите меня, потому что я не в силах больше это выдержать!

Когда она очнулась, мы рассказали ей, что она говорила, но Анна ничего не помнила и не могла повторить. Она была сильно утомлена и слаба, а когда ей предлагали пищу, ничего не ела. Чем она жила, было непонятно. Только скажу, что барышня Анна после того ещё три дня говорила о Небе, видела святых и наставляла нас почитать их память и следовать их учению, чтобы достичь вечного спасения и небесной жизни. От её слов раскаивались самые закоснелые и жестокосердные грешники, много людей обратилось на правый путь.

На четвёртый день к вечеру Анна сказала, что сегодня в семь часов её душа совсем отрешится от тела, и велела себя разбудить. Когда она проснулась, подозвала к себе отца Андрея и попрощалась с ним, велела обнять и поцеловать отца и матушку, утешить их и попросить, чтобы они не плакали. Но они оба были без сознания, и врачи никого к ним не пускали. Анна попрощалась со всеми, велела позвать всех дворовых людей, благодарила их за услуги и каждого благословила. Когда часы пробили семь часов, барышня глубоко вздохнула, и её душа оставила земное тело. Никогда не видел я такого прекрасного лица, никогда не замечал у покойника такой светлой и радостной улыбки, как у нашей барышни Анны.

Опасный путь

Один священнослужитель похоронил свою супругу, прожив с ней шестнадцать лет в счастливом браке. Эта разлука была для него невыносима, он впал в сильное уныние и незаметно пристрастился к вину.

— Не знаю, — говорил батюшка, — что бы со мной было, если бы меня не остановила покойная жена. Она явилась мне в сонном видении и сказала:

«Друг мой, что с тобой? Ты избрал опасный путь, ты можешь лишиться благословения Божия, которое всегда почивало на нашем доме. Ты находишься в таком сане, в котором даже маленькое пятно кажется огромным, ты на таком месте, откуда тебя видят со всех сторон! У тебя шесть неоперившихся птенцов, для которых ты должен быть теперь отцом и матерью. Неужели ты перестал дорожить своим саном, своими заслугами и тем почётом, которым пользовался от всех? Неужели твоя честь, жизнь, заслуги нужны были только для меня? Подумай, друг мой, об этом, прошу тебя и умоляю, рассуди здраво и поспеши сойти с этого пути, на который ты так необдуманно встал. Ты грустишь о разлуке со мной, но, как видишь, наш союз не прерван, мы и теперь можем духовно общаться друг с другом, а в жизни вечной сможем навеки соединиться, если ты будешь этого достоин. Ты жалуешься на пустоту в твоём сердце — наполняй эту пустоту любовью к Богу, к детям и ближним, питай душу Словом Божиим, молись Господу за меня, за наших детей и за вверенные тебе души».

Этот голос любимой супруги глубоко проник в его душу, он принял его как голос Ангела-Хранителя, как голос Самого Бога, вразумляющего его, и решился всеми силами противостоять искушению. И с помощью Божией он смог преодолеть его.

Замечательное сновидение

Рассказ послушницы Феклы

«Однажды я видела удивительный сон. Ко мне подошла покойная сестра Пелагея, умершая тринадцать лет назад. Она повела меня с собой. Мы пришли с ней к страшному, тёмному месту. Тут ко мне подошли два прекрасных юноши, а сестра скрылась.

Юноши сказали мне:

— Не бойся, перекрестись — и пойдём вперёд!

Один из них крепко взял меня за руку, и мы пошли. Место было тесное, они шли очень быстро, так что я с трудом поспевала за ними. Вдруг перед нами появились страшные бесы, они держали большую хартию. Бесы поднесли её к моим глазам, и я увидела все мои грехи, записанные с юности.

Тогда мой Ангел-Хранитель строгим голосом сказал:

— Не смейте устрашать эту душу, она причастница, и не показывайтесь перед нами!

Тут я увидела, что хартия стала совершенно чистой, все мои грехи изгладились, а бесы скрылись. После этого мы пошли вперёд. Путь был очень тесный, так что я с большим трудом шла боком за своими путеводителями по тёмной лестнице, на которой бесы хотя и появлялись, но не угрожали мне. Мы с юношами подошли к трём большим печам. Около них бегали демоны с крюками, а в печах на решётках лежали большие поленья. Бесы вытаскивали их из печей и

били по ним молотом. Вдруг одно полено превратилось в человека, который с громким рёвом бросился в печь. Я сильно испугалась, что попаду туда же, но юноша улыбнулся и сказал мне:

— Перекрестись, и пойдём дальше!

Когда мы отошли, я спросила у него:

— Кто эти люди?

Юноша ответил:

— Сюда попадают все, кто только назывался христианами, а дела творил неподобные: не почитал праздников, постов, бранился скверными словами, много грешил. Не бойся! — сказал мне юноша, и мы отправились дальше.

Мы пришли к очень тёмному месту, я увидела две высокие лестницы. Демонов на них было очень много. Около лестниц с одной стороны зияла пропасть, с другой — стоял большой чан, наполненный кипящей смолой. В этот чан бросили человека, который сильно кричал, вокруг чана столпились люди. Я спросила у юноши, за что этих людей бросают в чан. Он мне ответил:

— За зло и за гордость, а в пропасть — за клевету и осуждение!

Дальше мы пошли тем же путём и вышли к зданию, у которого не было потолка. Оттуда были слышны крики и визг. Когда мы вошли в здание, я увидела множество людей: одни из них были очень плохо одеты, другие были совсем голые, они сидели спинами друг к другу. Вдруг здание задрожало, и я спросила у юноши, что это значит. Он ответил:

— Сюда прибыла грешная душа!

— А почему они сидят и не видят друг друга?

— Они жили на земле беспечно, не совершили ни больших грехов, ни хороших дел, поэтому и здесь они не видят ни муки, ни отрады. Поминовением можно было бы их искупить, но о них некому молиться…

Из этого здания мы опять вышли на узкую тропинку, и я издали услышала шум и крики. Когда мы подошли к такому же зданию, увидели, что в нём было очень много народа; все сидели, склонив головы на грудь. Здесь юноши оставили меня. Я очень испугалась, когда увидела бесов, которые стали меня запугивать: своими длинными руками они хотели схватить меня и бросить на весы, стоящие посредине здания. На них взвешивали добрые и злые дела. Вдруг я увидела, что появился Ангел-Хранитель и принёс мой платочек, который я когда-то дала нищему. Он бросил его на весы, и платочек перетянул все мои злые дела. Я обрадовалась и вышла из этого страшного дома. Ко мне опять пришёл Ангел-Путеводитель, и мы с ним отправились дальше, но он шёл так быстро, что я не успевала за ним и изнемогала от усталости. Он ободрял меня и говорил:

— Чаще крестись!

Я крестилась, и мне становилось легче. Мы опять подошли к зданию, из которого раздавались крики. В этом доме я увидела женщину, которая сидела в рваном, окровавленном платье. На её голове, точно венец, сидела толстая змея. Вокруг шеи тоже обвилась змея и кусала её. Другая большая змея обвилась вокруг её ног. Женщина поманила меня рукой и попросила помочь ей. Мне стало очень страшно, я умоляла Ангела, чтобы он не оставлял меня, и мы с ним вышли из

здания. Я спросила его, за что эта женщина так страдает. Он ответил:

— Это блудница. Она на земле предавалась своим страстям, а здесь получает возмездие за это.

Мы быстро покинули это страшное место. Вскоре мы подошли к большому, высокому зданию. Под ним зияла пропасть, в которой пылало пламя. Посреди здания стоял столб, обвитый змеями. К этому столбу были прикованы какие-то страшные люди, а бесы бросали их в пропасть, срывая с них одежду. Я очень боялась, что и меня бросят туда же. Здесь стоял такой смрад, что я стала задыхаться. Змеи разинули на меня свои пасти и хотели проглотить. Вдруг передо мной появилась святая великомученица Варвара с Чашей в руках. Она сказала мне:

— Не бойся!

Я спросила её:

— За что страдает этот народ?

Она ответила:

— За содомские грехи.

Потом Ангел привёл меня к стеклянным дверям. Через них я увидела огромную комнату. В ней стояли накрытые столы, на них кипели самовары, стояли вина, а по тарелкам бегали мыши, лягушки и разные насекомые. За этими столами сидел народ, рядом плясали охваченные пламенем люди. Все они сильно кричали, как будто чего-то требовали, а бесы обливали их кипятком. Юноша сказал мне:

— Они не почитали праздников, пили, ели и пьянствовали в посты. А те, кто пляшет в пламени, во время церковной службы танцевали и бесчинствовали.

Около этого здания я увидела женщину, которая ходила и щёлкала зубами. Во рту у неё был яд, она старалась то выплюнуть его, то проглотить, но не могла. Юноша сказал, что это за то, что она ела много сладкого.

Мы опять подошли к зданию. Там я увидела несколько человек, подвешенных за язык к потолку, они громко стонали. Мне стало страшно, и я спросила у юноши, за что они страдают.

— Эти люди кумовья, — ответил он, — они жили плохо, имели плотской союз между собой.

Потом мы опять пошли тёмным, тесным путём и вышли к новому зданию. Когда мы вошли внутрь, я увидела людей, прикованных к стене раскалёнными цепями. У одних были прикованы языки, у других — уши. Ещё там были люди, у которых вырывалось пламя из ушей. Я с трепетом спросила у юноши, за что они так мучаются. Он ответил:

— Первый разговаривал в храме во время службы, а другой стоял невнимательно, не слушал пения и чтения, вертел головой. Вот за это они прикованы цепями. У третьего пышет пламя из ушей, потому что этот человек слушал клевету и передавал её другим.

Мы вышли из этого здания и подошли к колодцу, у которого сидела женщина. Она черпала из него поварёшкой воду и выливала её в два сосуда. Я спросила у юноши, что она делает. Он ответил:

— Она продавала молоко и разбавляла его водой, вот за это её теперь и заставили отделять

воду от молока.

Затем юноша стремительно пошёл вперёд. Он взял меня за руку, потому что я не успевала за ним. Вскоре я почувствовала, что мы стали подниматься по лестнице, прошли две ступеньки и поднялись на третью. Вдруг к нашим ногам упал человек и свалился в пропасть, которая была внизу. Опять появились бесы, я очень испугалась. Когда мы благополучно прошли лестницу, я спросила у Ангела, за что этого человека сбросили в пропасть. Он ответил:

— Этот человек не смог пройти мытарства, он был жестоким и немилосердным.

Идя дальше, я едва поспевала за юношей, так быстро он шёл. Вдруг я услышала сильный шум, а впереди увидела пламя. Тут мой путеводитель скрылся, и я очутилась около огненной реки, в которой бурлила вода. Её волны были подобны водовороту, в них тонуло много людей. Через эту страшную реку были перекинуты две тоненькие жёрдочки, и я увидела своего путеводителя на другой стороне реки. Он крикнул мне:

— Переходи сюда!

Я ответила, что боюсь упасть в реку и не могу идти.

— Иди, не бойся, — сказал он, — ты пройдёшь, поверь мне!

— Почему я должна тебе верить? — спросила я его. — Я тебя совсем не знаю!

Он ответил:

— Ты меня хорошо знаешь, с детства ты молишься мне, и я привёл тебя в обитель!

— Нет, я не знаю тебя! — ответила я.

— Я великомученик Георгий! — сказал он и приблизился ко мне.

Он взял меня за руку и повёл через реку, а Ангел-Хранитель летел рядом. Я безбоязненно перешла на другую сторону, и святой великомученик Георгий повёл меня по берегу реки. В ней было очень много народа, все они старались выпрыгнуть, но снова тонули и громко стонали.

В реке я увидела знакомого мужика из нашей деревни, который закричал мне:

— Зачем ты здесь? Уйди отсюда, тебе не вынести и одной искры этого пламени!

В это время я почувствовала, что искра упала мне на руку, и вздрогнула. Я спросила у святого великомученика Георгия, за какие грехи страдают эти люди. Он ответил:

— Здесь находятся самоубийцы и христиане, которые только назывались христианами, но творили беззакония. Освободить душу из этой реки очень трудно, для этого надо много молитв и труда….

Мы шли берегом, народу в реке было всё меньше и меньше. Наконец мы подошли к широкому мосту и перешли его. Впереди я увидела снежные сугробы, подул сильный ветер, так что я шла с большим трудом, едва вытаскивая ноги. Было очень холодно, я чувствовала, что начинаю замерзать. Мы подошли к большому полю, оно было покрыто льдом. В этот момент святой Георгий скрылся. Я увидела, что этот лёд был очень толстый, на нём сидели монахи, они сильно дрожали. Не видя святого Георгия, я испугалась, что и мне придётся здесь остаться.

Но вдруг я почувствовала, что на меня подул тёплый ветер, и увидела около себя святого Георгия, который сказал мне:

— Эти иноки беспечно жили в обители Божией Матери, они нерадиво несли послушания, много роптали. Но по молитвам Царицы Небесной они избавлены от вечного пламени.

Мы пошли дальше. Я почувствовала, что становится всё теплее, необыкновенный свет разливался вокруг. Вдруг я увидела огромное поле, покрытое травой и цветами, посередине протекала небольшая река.

Святой Георгий сказал мне:

— Это обетованная земля, её наследуют кроткие.

Мне стало так радостно и легко, что я улыбнулась. И чем дальше мы шли, тем выше становилась трава и прекрасней цветы. Среди этого поля стоял высокий храм. Мы взошли на паперть, и я услышала дивное пение. Хор пел: „Свят, Свят, Свят“ и „Воскресение Христово видевше“. Внутри храма была такая красота, что невозможно передать; двери, которые вели в храм, были как будто из бисера и сияли разными огнями. Около высоких колонн стояли инокини.

Я узнала некоторых наших монахинь и послушниц, которые были ещё живы, но святой Георгий сказал мне:

— Когда вернёшься в монастырь, никому не говори про живых, которых ты здесь видела, чтобы они, узнав об этом, не возгордились. Про остальное можешь рассказать.

Я была потрясена величием храма и его красотой и только могла повторять:

— Господи, слава Тебе!

Вдруг святой Георгий сказал:

— Смотри, вот Царица Небесная идёт сюда!

В этот момент я увидела Величественную Жену неизреченной красоты. Она, улыбаясь, подошла ко мне. Я воскликнула:

— Царица Небесная!

Она перекрестила меня три раза и тихо сказала:

— Святой Георгий, верни эту душу обратно!

Он сказал мне:

— Молись Ей, молись всегда! Она Заступница всех христиан, день и ночь Она молится перед Своим Сыном и Богом за всех!

Когда мы вышли из храма, то увидели рядом другой храм, он был гораздо меньше. В нём стояли три стола, за ними сидели отроки и плели венки из разных цветов, которые были насыпаны на столах. Рядом стояли прекрасные юноши и учили отроков плести венки. Среди них я увидела своего племянника, который умер в прошлом году. Он радостно улыбнулся мне.

Святой Георгий сказал:

— Эти венки плетут для праведных.

Недалеко от этого храма я увидела три обители. Когда мы подошли к ним, то к нам вышла недавно умершая игуменья Рафаила. Она сказала мне:

— Ты, Фекла, уже здесь? Но я тебя пока не возьму, тебе надо ещё потрудиться в своей обители!

Я стала ей рассказывать про наш монастырь, но она ответила:

— Я всё знаю! Помоги, Господи, матушке Анне, я за неё и за всех сестёр молюсь!

Потом я подошла к красивому домику, около него я увидела свою старицу монахиню Людмилу. Она открыла дверь и радостно сказала:

— А, и ты пришла сюда, но тебе ещё рано, я ещё не возьму тебя!

Она привела меня в келью, где было много икон. Здесь было очень хорошо, просторно, чисто. Она села к столу и стала что-то писать.

Вдруг раздался колокольный звон, и старица сказала:

— Теперь возвращайся домой, а мне надо идти на службу.

Когда я вышла от неё, то встретила матушку Пелагею, она очень обрадовалась, когда увидела меня, и сказала:

— Ах, Фекла, ты уже здесь? Но ведь тебе ещё рано!

Она крепко меня обняла и показала свою келью: это был красивый одноэтажный домик.

Матушка сказала:

— Я всё знаю, молюсь за вас и всех жалею!

Когда она отошла, я встретила мою первую старицу. Она тоже очень обрадовалась, крепко меня обняла, говоря:

— И ты, дорогая, пришла к нам?

Я спросила у неё:

— Матушка, а хорошо ли вам здесь?

— Раньше было не очень хорошо, — ответила она, — сама знаешь, я общалась с народом, много грешила, но сёстры за сорок дней вымолили меня, теперь мне хорошо!

Она отошла от меня. Тут появился святой Георгий, и мы пошли дальше по полю. Вдруг я увидела монашествующих, которые шли посреди поля. Они были в светлых и парчовых мантиях, в золотых и серебряных венцах. Много шло святителей в золотых одеждах, в венцах и с крестами. Я узнала среди них знакомого священника очень хорошей жизни.

Впереди монахинь шли игуменьи с посохами, среди них было много умерших сестёр,

некоторые рясофорные были в белых мантиях с золотыми венцами, у некоторых были букеты из очень красивых цветов. Все знакомые монахини кланялись мне и улыбались, а одна послушница сказала:

— Фекла, и ты пришла к нам! Но не совсем — ты вернёшься обратно! Во главе священства шёл святитель в митре, с крестом в руке. Я узнала трёх иеромонахов Тихвинского монастыря, они шли с крестами в руках. Все они были как будто одного возраста, лет тридцати. А мирские шли сбоку с двух сторон, их было очень много. Все они проходили в ворота.

Вдруг около меня появился седой старец в одежде святителя. Я узнала в нём Николая Чудотворца. Он мне сказал:

— Пойдём, тебе пора возвращаться обратно!

И мы с ним пошли вперёд. Вскоре мы попали на другое поле, которое было похоже на нашу сенокосную полянку. Я увидела на нём своих монахинь и послушниц, они косили траву, гребли сено и пели молитву: „Пресветлый Ангел мой Господень“. Около этого поля протекала река. Я увидела на другом берегу некоторых живых монахинь из нашей обители. Волосы у них были распущены, им, по-видимому, хотелось перейти к нам на поле, но как только они подходили ближе, берег реки обваливался, и они, вместо того чтобы приближаться, отдалялись. Мне стало их очень жаль. Святитель Николай сказал мне:

— Не говори никому, кого ты видела за рекой! Они, быть может, ещё покаются. Пойдём, я провожу тебя!

Скоро мы с ним пришли в келью, и он скрылся. Вдруг дверь в келью отворилась, и вошла умершая игуменья Рафаила. За ней вошла другая монахиня, высокая, красивая. Она стояла сзади игуменьи и улыбалась, а матушка подошла ко мне и сказала:

— Ты теперь больна. Пособоруйся — и поправишься!

Матушка три раза перекрестила меня. Я спросила её:

— А кто это с вами?

Она ответила мне:

— Это наша благоверная царица, схимонахиня Дарья.

Они издали перекрестили меня и скрылись. После этого я проснулась, посмотрела на свою келью, и она показалась мне такой грязной и мрачной после того, что я видела! Немного погодя я пришла в себя, узнала всех, кто был рядом, и сказала им:

— Дорогие, не делайте никому зла! Что будет вам на том свете за зло, страшно даже и подумать!»

Один час, проведённый в аду

Один расслабленный, изнемогая от своей болезни, умолял Господа прекратить его страдальческую жизнь. Однажды ему явился Ангел и сказал:

— Господь услышал твою молитву. Он прекращает твою временную жизнь, только с условием: вместо одного года мучений на земле ты должен пробыть три часа в аду. Твои грехи требуют

очищения в страданиях твоей плоти, поэтому ты должен быть в расслаблении ещё год. Для всех верующих нет другого пути к Небу, кроме крестного. Ты устал от своей болезни. Если согласен, узнай, что такое ад, куда идут все грешники. Впрочем, твоё испытание продлится в течение трёх часов, а потом молитвами Святой Церкви ты будешь спасён.

Страдалец задумался. Год страданий на земле показался ему ужасным.

— Лучше я вытерплю три часа, — ответил он наконец.

Ангел тихо принял на свои руки его страдальческую душу и, заключив её в преисподней, удалился от него со словами:

— Через три часа я приду за тобой!

Господствующий повсюду мрак, теснота, крики грешников, духи злобы в их адском безобразии — всё это слилось для несчастного страдальца в невыносимую боль и ужас. Он везде видел только мучения, ни звука радости не было слышно в необъятной бездне ада! Одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме, проносились их исполинские тени, они были готовы проглотить его. Бедный страдалец в ужасе закричал, но на его вопли ответила только адская бездна замирающим вдали эхом и клокотанием геенского пламени. Все грешники, томившиеся в преисподней тьме, были заняты только собой. Бедному узнику казалось, что прошли целые века страданий, а светоносный Ангел забыл о нём.

Но вот тихий свет ангельской славы разлился над бездной. С райской улыбкой подошёл к нему Ангел и спросил:

— Как ты?

— Я не думал, что в ангельских устах могла быть ложь, — прошептал едва слышным, прерывающимся голосом страдалец.

— Что такое? — возразил Ангел.

— Как что такое? Ты обещал взять меня отсюда через три часа, а уже прошли годы в моих невыносимых мучениях!

— Какие годы, какие века? — кротко, с улыбкой ответил Ангел. — Прошёл лишь один час, тебе осталось пробыть ещё два!

— Как два часа? — в испуге спросил страдалец. — Ещё два часа? Ох, не могу терпеть, нет сил! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя — возьми меня отсюда! Лучше я буду страдать годы и века на земле, даже до последнего дня, до Второго Пришествия Христова на Суд, только выведи меня отсюда! Невыносимо, пожалей меня! — со стоном воскликнул несчастный, протягивая руки к светлому Ангелу.

— Хорошо, — кротко ответил Ангел.

При этих словах страдалец открыл глаза и увидел себя на своей постели. Он был в полном изнеможении, но каким счастливым он себя почувствовал! С этой минуты он с радостью переносил свою болезнь, вспоминая ужас адских мучений и благодаря за всё милосердного Господа.

Кончина христианского отрока

Рассказ помещицы

«В 1860 году я жила со своим сыном Виктором в Ярославле. Это был замечательный ребёнок, подвижный, умный, послушный. Он с раннего детства верил в Бога, всегда радовался, когда его приводили в храм. Многие любили его, особенно слуги. Когда ему исполнилось пять лет, он заболел дифтеритом. Однажды утром он мне сказал, что сегодня должен умереть:

— Мамочка, я хочу прийти к Богу во всём чистом, умой и одень меня!

Я стала возражать, что он не умрёт, что ему надо отдохнуть и он скоро поправится. Но малыш настаивал на своём. Тогда я уступила его просьбе — умыла его, одела в чистое белье и положила на кроватку.

— А теперь, мама, дай мне икону, которую я так люблю, — попросил он, и я выполнила его просьбу.

— Скорее, мама, дай мне в руку свечку, я сейчас умру! — требовал мальчик, и я зажгла восковую свечку и вложила ему в руку.

— А теперь, мама, прощай! — сказал он, закрыл глазки и тотчас скончался.

От горя я обезумела, всё время плакала, не находя ни в чём утешения. Но однажды зимой, проснувшись ранним утром, я услышала около моей кровати голос Виктора, который звал меня:

— Мама, мама, ты не спишь?

Поражённая, я ответила:

— Нет, не сплю. — И повернула голову в ту сторону, откуда раздался голос.

О чудо! — я увидела моего Виктора, стоявшего в светлой одежде и грустно смотревшего на меня. Казалось, что от него шёл свет, потому что в комнате было настолько темно, что без этого я не могла бы его увидеть. Он так близко стоял от меня, что я хотела броситься к нему и прижать к сердцу. Но как только эта мысль промелькнула у меня в голове, как он предупредил меня:

— Мама, ты меня не трогай, меня нельзя трогать! — И отодвинулся немного назад.

Я стала молча любоваться им, а он продолжал:

— Мама, ты всё время плачешь обо мне. Почему? Ведь мне хорошо там, но ещё лучше было бы, если бы ты меньше плакала. Ты не плачь, мамочка! — И исчез.

Через два года Виктор снова пришёл ко мне наяву, когда я была в спальне.

— Мама, зачем тебе Оля? Она тебе лишняя! — сказал он.

Оля — моя дочь, которой тогда было полтора года. Когда я спросила, неужели и её возьмут, он ответил:

— Она лишняя! — И исчез.

За две недели до её смерти он опять явился мне и сказал:

— Мама, Оля у тебя лишняя, она тебе будет только мешать…

Я была уверена, что моя дочь умрёт, и через две недели, придя домой, нисколько не удивилась, когда нянька объявила, что у девочки жар, а через два дня Оля умерла».

Не бойся, батюшка!

У монаха Ионы умер сын Косма, послушник Чудова монастыря. В пятницу, под Лазареву субботу, около полуночи Иона поправлял лампадку и вдруг увидел, что дверь открылась, вошёл его сын в белой рубашке, а за ним два светлых юноши.

— Не бойся, батюшка, я пришёл тебя проведать! — сказал Косма.

— Сынок, как ты?

— Слава Богу, батюшка, мне хорошо!

Отец хотел ещё спросить его о чём-то, но сын поспешно встал и произнёс:

— Прости, батюшка, мне ещё нужно навестить старца! — И вышел с юношами из кельи.

Адские муки на земле

Больше пятидесяти лет при Никольской церкви служил старостой ныне покойный Андрей Иванович. Прихожане говорили про него:

— У нас нет никого справедливее Андрея Ивановича, он так заботится о храме, что и говорить нечего. Мы боимся даже подумать, что у нас будет другой староста!

И он служил при церкви до своей кончины, которой удостоился на Пасхальной неделе.

Был он честным, кротким человеком, имел истинно христианскую любовь ко всем. Бог не даровал ему детей, он жил с женой, братом и племянником. Внешне он был похож на преподобного Серафима Саровского, в год канонизации которого и умер.

Никаких спиртных напитков он не пил, строго соблюдал посты. За год до его кончины мы как-то ехали с ним в город. Обычно молчаливый, он в этот раз много рассказывал о Святой земле и Афоне, где ему довелось побывать. Поразило его, трезвенника, то, что там во время каждой трапезы паломникам давали вино…

— А мне нельзя, — сказал он.

Вот тут-то я и упросил его рассказать, почему ему нельзя даже немного выпить вина.

— Был я один сын у отца, жили мы богато. Мои родители учили меня уму-разуму и воли мне не давали. Но, известно, молодёжь собирается вечером на посиделки. Мы нанимали музыкантов, пили водку. И хотя отец наказывал меня, но я его не слушал. Постепенно мне стало тоскливо без водки. А тут мой отец умер. Мать я не слушался, своевольничал. Вскоре она женила меня, думала, что исправлюсь, но я стал ещё больше пить. И я пропал бы, если бы Господь не

помиловал меня.

Однажды я повёз в город продавать муку. Продав, хорошо выпил и поехал домой с приятелями, а в дороге все продолжал пить. Как доехал до дома, не помню…

Вот, батюшка, есть люди, которые не верят, что будут вечные муки, вечный огонь, думают, что ада нет, а я, окаянный, уже мучился на этом свете вечными муками и каждую минуту про это помню, хотя это и было давно!

Проснулся я и вижу, что вокруг меня пылает огонь, чувствую, что связан, ни руками, ни ногами не могу пошевелить, а около меня стоят бесы и жгут меня огнём, да не таким, как на земле, этот можно стерпеть, а лютейшим. Да так мне больно, так горячо! Как сейчас это помню, а ведь уже больше пятидесяти лет прошло после этого! А огонь-то лютый, они жгут меня, а сами-то такие страшные… и сказать нельзя!

Спаситель мой, Матерь Божия! Взмолился я тут, а мучению и конца нет! Я думал, что прошёл уже целый век, а мучился я всего лишь один час. Видно, Господь наказал меня для вразумления и помиловал.

Вдруг всё пропало! Чувствую, что мои руки и ноги развязались, я повернулся и увидел, что перед образами горит лампадка, на коленях стоит моя мать и со слезами молится. Вот тут-то я и вспомнил, что материнская молитва со дна моря поднимает! И меня молитва матери вызволила из адских мук.

Встал я здоровый, как будто спиртного в рот не брал. Мать рассказала, что меня привезли без чувств. Внесли, как мёртвого, и положили на лавку. Мать стала со слезами за меня молиться… С тех пор я этого часа всю свою жизнь забыть не могу.

Рассказ **блаженного Августина**

«Один врач сомневался в бессмертии души и будущей жизни. Однажды во сне он увидел юношу, который сказал ему:

— Ступай за мной!

Он последовал за ним и пришёл в какой-то город. Потом, спустя некоторое время, тот же юноша явился ему во сне ещё раз и спросил:

— Узнаёшь ли ты меня?

— Да! — ответил врач.

— А откуда ты меня знаешь?

— Ты водил меня в какой-то город, где я слышал дивное пение.

— А ты видел город и слышал это пение во сне или наяву?

— Во сне.

— А сейчас я говорю с тобой во сне или наяву?

— Во сне, — ответил тот.

— Где же находится твоё тело в настоящую минуту?

— В моей постели.

— А знаешь, что в настоящую минуту твои глаза закрыты?

— Знаю.

— Какими же глазами ты меня видишь?

Врач не знал, что сказать, а юноша произнёс:

— Так же, как сейчас ты видишь и слышишь меня, хотя у тебя закрыты глаза, так же ты будешь жить после твоей смерти: будешь видеть, но духовными глазами, — поэтому не сомневайся, что после этой жизни будет другая жизнь».

Моя невеста

(Рассказ офицера)

«Несколько лет тому назад я полюбил одну девушку, с которой хотел связать свою жизнь. Уже был назначен день нашей свадьбы. Но за несколько дней до брака моя невеста простудилась, заболела скоротечной чахоткой и через три месяца умерла. Я тяжело переживал эту потерю, но со временем моя боль утихла, я стал всё реже вспоминать о ней.

Однажды я был в командировке в Ярославле, где жили мои родные. Я остановился у них на сутки. Меня поселили в отдельной комнате, со мной была моя собака. Ночь была лунная, хоть читай. Когда я стал засыпать, услышал рычание пса. Зная, что он никогда напрасно не ворчит, я подумал, что, вероятно, в комнате нечаянно заперли кошку или пробежала мышь. Я приподнялся с постели, но ничего не заметил. Собака же всё сильнее ворчала — видимо, она чего-то испугалась. Смотрю, а у неё шерсть стоит дыбом. Я попытался успокоить её, но она всё больше пугалась. Хотя от природы я не был трусом, но мне вдруг стало не по себе. Мне становилось всё страшнее — кажется, ещё одна минута, и я лишился бы чувств. Но вдруг пёс стал успокаиваться, а вместе с ним и я. В это время я вдруг ощутил чьё-то присутствие. Когда я полностью успокоился, вдруг ко мне подошла моя покойная невеста и, целуя меня, сказала:

— Здравствуй, Александр! Ты не веришь, что после смерти есть жизнь, поэтому я пришла к тебе! Посмотри на меня, видишь, я жива, даже целую тебя! Верь же, мой друг, что со смертью жизнь человека не прекращается!

При этом она указала мне, что прочитать из Священного Писания о загробной жизни. Когда я проснулся утром, то не узнал себя в зеркале: я стал совершенно седым за одну ночь. Мои родные испугались, когда увидели меня за утренним чаем.

Я должен при этом сознаться, что до этого случая я не верил ни во что — ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в загробную жизнь. Я много лет не ходил в церковь, смеялся над всем священным, посты, праздники и Таинства Православной Церкви для меня не существовали. Но теперь по милости Божией я опять стал христианином, человеком верующим и не знаю, как благодарить Господа, что Он вывел меня из бездны пагубных заблуждений».

Я не умер!

«Мой отец был верующим человеком, он долго убеждал меня, что жизнь после смерти продолжается, но я не верил в это. Когда он сильно заболел, то позвал меня к себе. В то время он жил очень далеко — в Чикаго. Когда я к нему приехал, он очень обрадовался, так как ему уже недолго осталось жить на земле.

— Неужели ты думаешь, что скоро умрёшь? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — я не умру, а только покину моё земное тело. Я скоро перейду в духовный мир, и мне захотелось тебя увидеть, чтобы ты дал мне одно обещание. После телесной смерти я приду и увижусь с тобой. Обещай мне: когда увидишь и узнаешь меня, то поверишь, что души могут возвращаться, и всем об этом расскажешь.

На это я сказал ему:

— Хорошо, отец, но сейчас не надо говорить о смерти. Может быть, ты поправишься и проживёшь долго.

— Я говорю тебе, что не умру, а буду жить, но ты больше не увидишь меня в моём земном теле после нашей встречи! Не забудь же своё обещание!

Когда я с ним прощался, он был спокоен и чувствовал себя хорошо, но повторил, что скоро перейдёт в духовный мир и обязательно навестит меня.

Через неделю после моего возвращения домой я решил устроить дружеский обед для своих приятелей. Мне пришлось провести целый день в хлопотах, спать я лёг с мыслями о завтрашнем дне. Не успел я заснуть, как меня что-то разбудило. Я сел на кровати и увидел яркое пятно света около себя. Это был нежный, белый свет, подобный лунному сиянию, он трепетал, как живой. Вскоре он стал приближаться ко мне. Всмотревшись, я узнал в этом свете силуэт моего отца. Он стоял передо мной так, что я мог увидеть черты его лица. Отец казался молодым и стройным. Он заговорил со мной, и я больше не сомневался, что это мой отец. Улыбаясь, он сказал:

— Ты помнишь своё обещание? Я пришёл к тебе, как говорил!

— Отец, разве ты не умер? — спросил я.

— Нет, жив, — возразил он, — я только покинул моё земное тело. Сынок, ты не должен забывать о своём обещании!

Не знаю, почему я вдруг спросил его:

— Отец, который теперь час?

— Ровно четыре минуты первого, — ответил он.

— Так ты умер ночью? — спросил я.

— Повторяю тебе, — ответил он, — я не умер, я жив и хочу, чтобы ты выполнил своё обещание!

Затем он простился со мной, и его фигура стала постепенно исчезать так же, как и появилась. На следующий день, когда ко мне пришли приятели, вдруг раздался звонок и мне принесли

телеграмму: „Отец умер сегодня в полночь“».

Верь!

Князь Владимир Сергеевич Долгорукий, будучи посланником при прусском дворе, заразился вольнодумством, так что потерял веру в Бога и в загробную жизнь. Узнав об этом, его родной брат, князь Пётр, писал ему письма, в которых убеждал:

«Верь, брат, что без истинной веры нет счастья не земле, она необходима для будущей жизни».

Но всё было напрасно, князь Владимир Сергеевич смеялся над его убеждениями.

Однажды он, придя домой и чувствуя сильную усталость, разделся, лёг в постель и вскоре задремал. Вдруг он услышал, что кто-то стал приближаться к его кровати и прикоснулся к его руке. Он вскочил, увидел брата и услышал его слова: «Верь!» Обрадованный неожиданным появлением, князь хотел броситься к нему в объятия, но тот вдруг исчез… Он спросил у слуг, куда делся его брат. Услышав от них, что никакого брата они не видели, Владимир Сергеевич подумал, что это ему пригрезилось. Но слово «верь» не давало ему покоя.

Он записал число, час и минуту видения, а вскоре получил известие, что именно в это время скончался его брат, князь Пётр Сергеевич.

С тех пор он стал верующим и всем рассказывал о своём вразумлении…

Два инока

В Киево-Печерской лавре подвизались два инока — священник Тит и дьякон Евагрий. Несколько лет они были большими друзьями, их даже считали родными братьями. Но враг рода человеческого посеял между ними вражду, так омрачив их гневом и ненавистью, что они не могли спокойно смотреть друг на друга. Даже когда один из них кадил в храме, другой отходил в сторону, чтобы не вдыхать фимиам. Их вражда длилась довольно долго, и они, не примирившись между собой, смели приносить Бескровную Жертву Богу… Сколько иноки мирили их, вразумляли, всё было бесполезно!

Однажды иеромонах Тит тяжко заболел. Почувствовав приближение смерти, он стал горько плакать о своём согрешении и передал Евагрию, что просит у него прощения. Но тот не хотел слышать об этом и стал проклинать его. Иноки, печалясь о столь тяжком заблуждении, насильно привели его к умирающему. Тит, увидев своего врага, с помощью других встал с постели и упал перед ним на колени, слёзно умоляя простить его. Но Евагрий был так жесток, что отвернулся от него и со злостью воскликнул:

«Ни в этой, ни в будущей жизни не буду мириться с тобой!»

Он вырвался из рук братии, стремясь убежать, но в тот же миг упал на землю.

Иноки хотели его поднять, но как же они изумились, увидев его мёртвым и настолько охладевшим, как будто он умер несколько дней назад! Их изумление увеличилось ещё больше, когда Тит встал с одра болезни здоровым! В ужасе от этого они окружили Тита и стали его спрашивать:

— Что это значит?

— Когда я болел, — ответил он, — и злился на Евагрия, то видел Ангелов, которые отступили от меня и плакали о погибели моей души, а нечистые духи радовались. Поэтому я так стремился помириться с ним! Но когда его привели сюда и я попросил у него прощения, а он начал проклинать меня, я увидел, что один грозный Ангел поразил его пламенным копьём и несчастный упал замертво. А мне этот Ангел подал руку и исцелил от болезни…

Иноки оплакали лютую смерть Евагрия и с этого времени больше прежнего стали остерегаться вражды, ибо злопамятность — ужасный порок, мерзкий перед Богом!

Наказание за клевету

Царь Константин Копроним, иконоборец, потеряв надежду поколебать веру преподобного Стефана ласками и дарами, решил перед лицом Святой Церкви посрамить его имя, возложив на невинного старца грех, которым гнушаются даже молодые, но благовоспитанные люди. В том городе подвизалась молодая инокиня Анна. Слуги царя подкупили её служанку, чтобы она лжесвидетельствовала на невинных.

Бессовестная женщина сделала всё, что хотели гонители. Анну вывели из храма и представили суду. При допросах был сам Копроним и требовал только одного: чтобы она призналась в преступлении, после чего обещал ей царские милости. Но когда ни ласки, ни ложь её рабыни, ни мучения не смогли поколебать её твёрдость, мучитель был вынужден оставить преподобного Стефана в покое.

Между тем Копроним счёл необходимым наградить клеветницу, чтобы и другие в подобных случаях охотнее исполняли его волю. Её выдали замуж за богатого чиновника, и через некоторое время она родила близнецов. Но Господь покарал её за лжесвидетельство! Однажды ночью, когда она спала со своими детьми, они вдруг с большой силой впились в её грудь и стали пить молоко не как младенцы, а как молодые львы. Мать не могла освободиться от них. Таким образом, терзая её, они убили её и погибли вместе с ней…

Смертельная рана

Молодой офицер Иван Афанасьевич Пращев участвовал в усмирении польского мятежа. В одной из перестрелок смертельно ранили его денщика, Наума Середу. Умирая, он просил Пращева, чтобы он переслал его матери деньги, которые оставались у Наума.

— Обязательно выполню твоё поручение, — ответил Пращев, — я ещё и от себя добавлю за твою верную службу!

— Чем же я вас смогу отблагодарить? — со стоном произнёс умирающий.

— Если сможешь, приди ко мне с того света в тот день, когда я должен буду умереть!

— Слушаю, ваше благородие! — ответил Наум и вскоре умер.

С тех пор прошло тридцать лет. Однажды Пращев, его жена и дочь с женихом сидели в саду. Было раннее утро, погода стояла прекрасная. Вдруг собака Пращева бросилась по аллее, как будто увидела чужого. Он пошёл за ней. Навстречу Пращеву шёл Наум Середа.

— Что ты хочешь мне сказать? Разве сегодня день моей смерти?

— Так точно, ваше благородие, я пришёл выполнить ваше приказание! День вашей смерти

наступил! — ответил неземной вестник и скрылся.

Иван Афанасьевич немедленно пошёл в храм, сподобился исповедаться и причаститься Святых Тайн, сделал все нужные распоряжения. Но смерть не приходила. В этот день, около одиннадцати часов вечера, Иван Афанасьевич опять сидел со своими домашними в саду. Вдруг раздался женский крик — к ним бежала жена повара, за ней гнался её пьяный муж. Повар подскочил к Пращеву и ножом ударил его в живот, Иван Афанасьевич тотчас умер.

Душа святого

Перед смертью к святому Марку Фраческому пришёл преподобный Серапион. Марк встретил его с сердечной радостью и сказал:

— Бог послал мне тебя, чтобы ты приготовил к погребению моё смиренное тело!

Марк попросил его, чтобы он не уходил от него до самой кончины. Они встали на молитву.

Через какое-то время преподобный сказал:

— После смерти положи моё тело в этой пещере, двери загороди камнями и иди в своё место, а здесь не оставайся.

Серапион просил взять его с собой, но он ответил ему:

— Ты умрёшь не здесь, а в своём месте. Сегодняшний день лучше всех дней моей жизни, потому что сегодня моя душа избавляется от страданий плоти и идёт в Небесные обители!

При этих словах пещера наполнилась ярким светом, в воздухе разлился дивный аромат. Преподобный Марк взял Серапиона за руку и сказал ему:

— Пусть моё мёртвое тело останется до Всеобщего воскресения там, где оно трудилось в этой временной жизни! Я отхожу от неё, всем же остающимся желаю спасения!

После этих слов, обняв Серапиона, он сказал ему: — Спасайся и ты, брат!

Когда Серапион заплакал, с неба раздался голос:

— Принесите Мне сосуд, избранный от пустыни, принесите Мне совершенного христианина и верного раба! Гряди, Марк!

Серапион упал на колени и увидел душу святого, вышедшую из тела и возносимую на Небо.

Умер, но жив!

(Рассказ священника)

«У меня был товарищ по семинарии, Иван Веселов, мы с ним вместе снимали квартиру. После окончания семинарии Иван стал учителем в уездном училище, а я поступил в Духовную академию, а затем был направлен служить в Херсон. Неожиданно он мне приснился, и я понял, что его нет в живых. Я написал его отцу и получил ответ, что Иван умер именно в тот день и час, когда я видел его во сне.

Мне снилось, будто я нахожусь на херсонском кладбище около старого памятника, в котором

из-за выпавших камней образовалось небольшое отверстие. От любопытства я влез внутрь памятника. Когда захотел вылезти назад, не нашёл выхода. Я стал ломать камни, и блеснул свет. Проломив большое отверстие, я вышел и оказался в прекрасном саду. По одной из аллей мне навстречу шёл Иван.

— Откуда ты здесь? — воскликнул я.

— Я умер, и вот видишь, я здесь! — ответил он.

Его лицо сияло, глаза блестели. Я бросился к нему, чтобы обнять его, но он отскочил назад и, отстраняя меня, сказал:

— Я умер, не приближайся!

Тогда я испугался, но, когда посмотрел на него и увидел его светлое, радостное лицо, успокоился.

— Я жив, хотя и умер, умер и жив! — сказал он.

Когда мы приблизились к старому памятнику, Иван сказал мне:

— Прощай, ты должен идти домой! — И указал рукой на отверстие.

Я вылез и тут же проснулся».

Кончина преподобного

Когда настало время умирать Сисою Великому, его лицо просветлело, и он сказал сидевшим у него отцам:

— Вот пришёл авва Антоний!

Помолчав немного, произнёс:

— Вот пришли пророки!

Потом просветлел ещё больше и сказал:

— Вот пришли апостолы!

И он начал с кем-то беседовать. Старцы стали просить его, чтобы он сказал, с кем разговаривает. Он ответил:

— Ангелы пришли взять меня, но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния.

Старцы сказали ему:

— Отец! Ты не нуждаешься в покаянии!

— Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию! — смиренно ответил старец.

А все знали, что он совершенен. Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то что во время своей жизни он воскрешал мёртвых одним словом и был исполнен даров

Святого Духа. И его лицо засияло, как солнце. Все испугались. Вдруг он сказал им:

— Смотрите, Господь пришёл за мной!

С этими словами старец скончался. Блеснула молния, и келья наполнилась благоуханием. Так окончил свою земную жизнь один из великих угодников Божиих.

Молитесь за меня!

Настоятель ярославского городского собора отец Нил рассказывал:

«Летом неожиданно умер певчий нашего хора Андрей. Через десять дней после его смерти он явился мне во сне. Я сидел за столом. Неожиданно в мою комнату вошёл Андрей. Поздоровавшись со мной, он стал вытряхивать из кармана медные и серебряные монеты. Я спросил его:

— Что это значит?

— Это мой долг!

Надо сказать, что накануне приходили из магазина и сказали, что Андрей задолжал четыре рубля. Я сказал ему, что сам заплачу его долг. Он очень обрадовался. Затем я обратился к нему с вопросом:

— Где ты сейчас находишься?

— Я заключён в замке.

— Вы видите Ангелов?

— Для Ангелов мы чужды.

— А Миша, который умер четыре года назад, он ещё пел с тобой в хоре… Вы с ним вместе?

— Нет.

— Кто же с тобой?

— Всякий сброд.

— Тебе плохо?

— Да, мы даже не можем общаться друг с другом! Я тоскую.

— Чем же тебе помочь?

— Молитесь! Меня не поминают за литургией!

При этих словах моя душа возмутилась, и я стал просить у него прощения, что не заказал сорокоуст, обещал сделать это обязательно. Эти слова, видимо, успокоили Андрея. После этого он попросил у меня благословения и вышел через дверь, обращённую к Тутовой горе, на которой покоится его прах».

Наказание Божие за сквернословие

Рассказ священника

«Начав служить в одном сельском храме, я увидел, что мои прихожане не считали сквернословие тяжким грехом. И старые, и молодые матерились без малейшего зазрения совести. И в храме, и в школе, и в домах прихожан я обличал и бичевал этот порок. Мои проповеди сыграли свою роль, и сквернословие стало исчезать. Но однажды, находясь в своём саду, я был неприятно удивлён и возмущён ужасной матерщиной, которая раздавалась с проезжей дороги. Я увидел паренька, который избивал палкой ни в чём не повинных волов и осыпал их отборной бранью. На мои обличения он ответил, что его разозлили волы, медленно тащившие бочку. Он якобы был бы рад не сквернословить, но не может справиться с собой. Объяснив греховность и мерзость этого греха, я просил его немедленно и навсегда оставить свою дурную привычку. Но он не прислушался к моим словам и в тот же день подвергся грозному наказанию Божию.

Возвращаясь с бочкой из винокуренного завода в барскую усадьбу, он вновь стал избивать несчастных волов и сквернословить. Неожиданно раздался оглушительный треск, бочка лопнула, и горячая брага обдала парня с головы до ног. На его громкие крики сбежался народ. Его немедленно отправили в больницу, где он пролежал три месяца. Когда он вернулся домой из больницы, я беседовал с ним о несчастье. Он признался, что виноват во всём сам, что его постигла кара Божия за грех сквернословия».

Предсмертные видения грешных

Святитель Григорий Двоеслов писал, что в его обитель пришёл некий юноша по имени Фёдор. Он поступил в монастырь послушником не столько по желанию, сколько по нужде. Поэтому ему было тяжко слушать, когда кто-нибудь говорил ему о спасении. Федор привык обманывать, ругаться, гневаться, об исправлении своей жизни он не задумывался.

Через некоторое время страшная эпидемия обрушилась на город, где находился монастырь. Федор тоже заболел. Когда он находился на смертном одре, около него собрались иноки, чтобы помолиться об исходе его души. Он уже не мог двигаться, говорить, только слабые стоны вырывались из его груди. Но братия ещё больше стала молиться, предвидя его скорую кончину. Вдруг Федор громко закричал:

— Отойдите, отойдите от меня, не молитесь! Меня отдали на съедение змею, но из-за вас он не может меня проглотить! Он уже схватил мою голову, прекратите молиться, чтобы он больше не мучил меня, пусть делает то, что хочет! Если я отдан ему на съедение, то не мешайте ему!

Тогда иноки спросили его:

— Что ты говоришь, брат, опомнись, перекрестись!

— Я хочу перекреститься, — ответил он, — но не могу, потому что чешуя этого змея мешает мне!

После этих слов иноки упали на колени и стали ещё сильнее, со слезами молиться о его избавлении.

И вот больной закричал:

— Слава Богу! Змей бежал, он не мог устоять, прогоняемый вашими молитвами! Теперь помолитесь о моих грехах, ибо я готов изменить свою жизнь и принять постриг.

И Фёдор не умер. После этого он ещё долго страдал от болезни, пока душа его не переселилась в Небесные обители.

* * *

Ещё святитель Григорий Двоеслов рассказал о некоем Хризории, богатом, гордом, порочном человеке. Он ценил лишь наслаждения плоти, предавался различным страстям и не думал о спасении души. Но Господь благоволил положить конец этому злу и попустил Хризорию тяжкую болезнь. Когда он был уже при смерти, в тот час, когда его душа была готова выйти из тела, он вдруг увидел страшные лица мрачных духов. Они стояли около него и ждали, чтобы забрать с собой. Он затрепетал и стал громко просить отсрочки. В отчаянии Хризорий позвал своего сына Максима:

— Помолись обо мне, я умираю!

Страшась бесов, Хризорий метался по постели, пытался отвернуться от них, но это ему не помогало.

Через какое-то время он с ужасом закричал:

— Отсрочьте хотя бы до утра!

И с этими словами отчаяния он разрешился от телесных уз. Святитель Григорий пишет, что Хризорию было видение злых духов ради его близких, чтобы они вразумились и исправили свою жизнь. Его сын Максим после этого принял монашество.

Милосердие Божие

Этот удивительный случай произошёл в городе Рославле. После продолжительной болезни скончалась одна благочестивая вдова. На третий день, когда готовились выносить её тело из дома в церковь, она вдруг ожила и села в гробу. Все ужаснулись, некоторые упали в обморок. Когда убедились, что она действительно жива, её стали расспрашивать, что с ней произошло. Старушка рассказала следующее:

«Когда я умирала, меня подняли на воздух, и я оказалась в каком-то страшном месте, скорее всего, это было мытарство. Я стояла перед грозными Ангелами. У них была раскрыта большая книга. Они судили меня очень долго. Я была в несказанном ужасе, и даже сейчас мне страшно вспоминать об этом. Ангелы показали все мои грехи, начиная с юности, даже те, о которых я вообще забыла и не считала грехами. Однако по милости Божией я поняла, что во многом прощена, и уже надеялась быть оправданной, как один из них стал строго требовать от меня ответа, почему я так плохо воспитала своего сына, почему он впал в разврат и духовно погибает! Я со слезами и трепетом оправдывалась, говоря, что он развратился, уже будучи совершеннолетним. Суд за сына длился очень долго, они не слушали моих просьб и оправданий. Наконец один из этих грозных мужей, обратившись к другому, сказал:

— Отпустите её, чтобы она принесла покаяние и оплакала свои грехи!

Тогда один из Ангелов толкнул меня, и я почувствовала, что опускаюсь вниз. Тут я увидела себя лежащей в гробу, около меня горели зажжённые свечи и пели священники.

Меня строго судили не столько за мои грехи, сколько за сына, — сказала она, — и это истязание было невыносимо!»

* * *

Одна благочестивая женщина, проводя свои дни в посте и молитве, имела большую веру к Пресвятой Богородице и всегда умоляла Её о покровительстве. Эта женщина долго замаливала какой-то содеянный ею в молодости грех, который из-за ложного стыда она стеснялась открыть своему духовнику. Она говорила об этом весьма туманно:

«Я раскаиваюсь и в тех грехах, которые или не сказала, или не запомнила».

Однако, когда она молилась и каждый день каялась в этом грехе Божией Матери, всегда умоляла Владычицу, чтобы Она на суде заступилась за неё.

Дожив до глубокой старости, она умерла. Когда на третий день готовились предать её тело земле, умершая неожиданно воскресла и сказала своей изумлённой дочери:

— Подойди ко мне поближе, не бойся! Позови моего духовника!

Когда пришёл священник, она при всех сказала:

— Не бойтесь меня! Милосердием Божиим и предстательством Его Пречистой Матери моя душа возвращена для покаяния. Едва я разлучилась с телом, как в ту же минуту меня окружили тёмные духи и готовились забрать в ад. Они говорили, что я достойна этого за то, что по ложной стыдливости скрывала свой тайный грех, совершенный в юности. В столь страшную для меня минуту вдруг появилась Пресвятая Владычица наша Богородица и мгновенно разогнала злых духов. Она приказала мне исповедать свой грех перед моим духовным отцом и велела моей душе вернуться в тело. Итак, я теперь и перед батюшкой, и перед всеми вами хочу исповедать мой грех. Хотя я старалась жить благочестивой жизнью, но грех, который лежал на моей совести и который я от малодушия стыдилась сказать священнику, низвёл бы меня в ад, если бы не заступничество за меня Божией Матери!

Сказав это, она исповедала свой грех, а потом, преклонив голову на плечо дочери, перенеслась в вечную блаженную жизнь.

Поучительное видение

Рассказ иеромонаха

Когда я был на Новом Афоне, мне пришлось исповедовать одного доктора. В беседе со мной он рассказал мне удивительный случай, произошедший с ним.

«Однажды, — сказал он, — я ехал в повозке на паре лошадей, мы везли большой груз. В пути меня укачало, и я заснул. Лошади, спускаясь рысью с горы, опрокинули повозку, которая всей тяжестью придавила меня. К счастью, это случилось недалеко от селения. Четверо человек с трудом освободили меня из-под неё, а так как я был без сознания, они стали обливать меня холодной водой.

В тот момент, когда я был без чувств, передо мной возникли два страшных чёрных человека. Они приблизились ко мне и сказали:

— Эта душа — наша, потому что она умерла без покаяния!

К счастью, в этот момент я увидел двух Ангелов в белых одеждах. Они сказали бесам:

— Какое вы имеете право говорить, что эта душа ваша?

И стали спорить с ними.

Чёрные люди показывали Ангелам грехи, совершенные мной с юности и до настоящего дня. Они даже вспомнили забытые мной грехи и особенно сильно осуждали меня за сквернословие. Всё, что они говорили, было горькой правдой. Ангелы в мою защиту показывали мои добрые дела, но бесы переспорили их. Я с ужасом ждал, что меня ввергнут в бездну ада. Тогда Ангел сказал:

— Вот какое доброе дело сделал этот человек — однажды ночью он привёз хлеба, крупы и муки одному бедному семейству и тайно положил всё это им в окно, говоря про себя: „Примите ради Христа!“ А сам поспешно скрылся. Это семейство до сих пор молит Бога о нём!

Милостыня бедным и их молитвы спасли и оправдали меня. Бесы только сказали на это:

— Если он останется жить, то ещё больше согрешит!

— Это не ваше дело! — ответили Ангелы. — Если он согрешит, то и покается! — И отогнали их.

После этого я пришёл в сознание».

Обличение из загробного мира

В семье Ивана Лебедева было много детей, но все они умирали в младенчестве. У них выжил только сын Николай. Когда ему было пять лет, у Лебедевых родился ещё один сын — Пётр. Новорождённый был настолько слаб, что родители боялись, что он умрёт, поэтому решили немедленно его окрестить. В восприемники они позвали своих соседей — портниху Наталью Петрову и рядового Михаила Купцова. Крестные быстро собрались и отправились в храм.

Опасения Лебедевых были не напрасными: вскоре после того, как крестные вернулись домой, младенец стал слабеть и спустя несколько часов скончался. Крестины сменились приготовлениями к похоронам. Жалко было родителям своего сына, но они радовались тому, что Бог дал им время совершить над ним святое Таинство Крещения. Так как родная мать, не оправившись от родов, лежала в постели, то приготовлениями к похоронам занялась крестная.

Младенца похоронили, помянули, затем обыденная жизнь вошла в свою обычную колею. Незаметно пролетело восемь лет…

Ольга Николаевна, жена Лебедева, заболела лихорадкой, и её отправили в больницу. Через несколько дней ей стало хуже, она была уже при смерти. Послали за мужем. Он пришёл с подругой Ольги Николаевны, Ниной Ивановной. Увидев, что больная лежит с закрытыми глазами, они подумали, что она уже скончалась. Однако доктор уверил их, что она ещё жива. Они долго сидели около больной, но та не приходила в сознание, и им пришлось уйти.

На следующий день вечером Нина Ивановна опять пришла в больницу, но Ольга Николаевна была всё ещё без сознания. Её муж был уже там. Через некоторое время больная стала приходить в себя. Она закрыла лицо руками и с сожалением произнесла:

— Ах, лучше бы мне умереть! Почему я не умерла, а осталась здесь!..

Немного погодя она, обратившись к мужу, сказала:

— Ваня, прошу тебя, ради Бога, перестань ругаться! Если бы ты знал, что там за это будет… Прекрати, прошу тебя!

Эти слова она повторила несколько раз. Нужно сказать, что муж Ольги Николаевны действительно имел греховную привычку ругаться и сквернословить.

— А почему ты хотела умереть? — спросила больную подруга.

— Я, грешная, удостоилась видеть, как святые Ангелы взяли и понесли душу какой-то убогой женщины, умершей в соседнем городе! Видя это, и я захотела тогда же умереть, чтобы и моя душа сподобилась такой же чести… Но вчера у нас в больнице умер какой-то офицер. Его хоронили с почестями, но как провожали его душу?! Я тоже видела, что она была окружена… но не Ангелами, а страшными бесами. Их было очень много, и они кричали:

«Наша, наша!»

А какой нестерпимый был смрад от них! Господи, избавь от такой смерти!

Сначала её слова приняли за бред болезненного воображения, но потом вспомнили, что в тот день действительно хоронили одного офицера. Но как больная могла это видеть, если она несколько дней находилась без сознания?!

Между тем Ольга Николаевна продолжала:

— Ещё я видела всех наших умерших детей. Они подбежали ко мне со словами:

«Мамочка!»

Как они радовались мне!

— А Павлика видела? — спросил муж.

— И Павлика видела, он такой красивый! Детей там очень много. Но среди наших деток не было Пети. Я спросила, где же он. Тут ко мне подошёл Ангел и показал его — он лежал у него на руках, неподвижный и чёрный, как головёшка. Я спросила, что с ним.

— Он не крещён! — ответил Ангел.

— Мы же крестили его! — сказала я.

— Нет, он умер некрещёным, — повторил Ангел.

Этот рассказ удивил её мужа и Нину Ивановну, они подумали, что у неё опять начался бред.

Больная повторила:

— Да, бедный Петя умер некрещёным, мне так сказали там…

Нина Ивановна посоветовала Лебедеву пойти к крестному Пети, Михаилу Купцову, и всё выяснить. Вскоре взволнованный Лебедев прибежал к Нине Ивановне и сказал:

— Правда, что Петя был некрещёным!

Как выяснилось, когда Лебедев пришёл к куму и рассказал ему о словах своей жены, тот был потрясён. Он признался, что это правда.

— Это наш грех! — добавил он.

Оказывается, Михаил был в блудной связи с Натальей Петровной, которую пригласили быть крестной Пети. Отказаться от приглашения быть крестными без уважительной причины они побоялись, потому что их отказ мог вызвать подозрения. Сознавая, что они, находясь в таком грехе, не могут быть восприемниками при совершении Таинства Крещения, они решили всех обмануть. Поэтому они лишь сделали вид, что окрестили Петю. Погуляв с мальчиком по городу, они вернулись домой и сказали, что пришли из храма. Похоронив крестника, мнимые восприемники успокоились и думали, что их поступок окончательно скрыт, погребён вместе с младенцем и никто о нём не узнает.

Но вот через восемь лет, когда они стали забывать о своём грехе, лишившем невинного младенца благодатных даров Святого Крещения, неожиданно явилось их обличение из загробного мира! Совесть не позволила Михаилу скрыть совершенный им тяжкий грех, и он в нём сознался…

Между тем болезнь Лебедевой стала усиливаться, у неё пошли язвы по всему телу. Ольга Николаевна всё терпела с кротостью и смирением, говорила, что это дано ей за её грехи. Через полтора месяца страдалица скончалась.

По рассказам Нины Ивановны, Лебедева обладала истинно христианскими качествами души. Кроткая, тихая, незлобивая, она ни с кем не ссорилась, да и своего супруга старалась удерживать от брани и укоряла в сквернословии. Она строго соблюдала посты и часто посещала храм Божий.

Дай Бог всякому так умереть!

Рассказ священника

«Недалеко от моей родины, в небольшом селе, жил один почтенный старичок — заштатный дьякон. Он с благоговением, горячим усердием и страхом Божиим служил в храме. Остальное время, свои силы и заботы он посвящал работе в саду. Недалеко от его дома, на живописном склоне горы, окаймлённой маленькой речкой, был разбит сад, в котором он трудился с ранней весны до глубокой осени. Старик очень любил свой сад, относился к нему как к своему детищу, с большой радостью окапывал плодовые деревья, лечил заболевшие растения, тепло укутывал их на зиму и благодарил Бога за урожай.

Может, за его добросовестную службу в храме, за честный труд в саду или, быть может, за какие-нибудь добрые дела, которые видел один Бог, конец его жизни был ознаменован удивительным случаем.

За два дня перед Рождеством отец дьякон отправился со своим работником в город для покупок подарков к празднику. Закончив все дела, они возвращались домой и были уже недалеко от своего селения. Вдруг дьякон увидел какого-то юношу, одетого в длинную светлую одежду. Незнакомец сел на сани рядом с ним и пристально посмотрел ему в лицо. Старик побледнел от страха, но, собравшись с духом, спросил юношу:

— Кто ты такой, добрый человек?

— Торопись скорее домой, ты сегодня умрёшь! — ответил он.

Слова эти, естественно, удивили старика, поэтому после некоторого молчания он спросил:

— Кто ты, что предрекаешь мне смерть? Я чувствую себя совершенно здоровым и не понимаю, как я могу так скоро умереть?

— Скажи своему работнику, чтобы он погонял лошадь. Я — Ангел смерти, послан Богом взять твою душу!

Тут старик поверил ему и больше не сомневался в правдивости его слов. Когда он вспомнил свою семью, родной храм и любимый сад, горько зарыдал, как маленький ребёнок, и решился попросить Ангела, чтобы он дал ему время благополучно доехать до дома и успеть приготовиться к смерти. На все его просьбы и слёзы был только один ответ:

— Торопись!

— С кем это ты там говоришь, отец дьякон? — спросил работник, обернувшись к своему хозяину.

— Разве ты не видишь с кем? — начал было старик и посмотрел в ту сторону, где сидел Ангел, но его уже не было!

Приехав домой, старик попросил у своих домашних тёплую воду и чистое бельё. Одного сына он послал за священником, другого — за свечами и ладаном. Домашние стали спрашивать, для чего все эти приготовления, старик коротко рассказал им обо всём и старался их успокоить, как мог.

Вскоре пришёл батюшка:

— Что это ты задумал, отец? Скоро Рождество, хоть бы ещё немножко подождал!

— Нужно выполнить святую волю Божию! Я больше не жилец на белом свете!

Нужно было видеть, с каким невозмутимым спокойствием смотрел этот почтенный старец на все приготовления к его смерти! На вздохи и горькие слёзы домашних и знакомых он решительно отвечал:

— А вы плакать-то бросьте, лучше благодарите Бога за Его великую милость ко мне, грешному!

После исповеди и принятия Святых Тайн старик начал заметно слабеть.

— А теперь положите меня в постель, а вы, батюшка, пособоруйте меня!

Старика положили в постель, и началось Таинство Елеосвящения.

— Господи, прими мою душу с миром! — произнёс он.

В тот момент, когда батюшка читал Евангелие, где Спаситель говорит: *иди за Мною и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов*[7], старец предал свой дух Господу».

Вразумление покойной матери

Рассказ приходского священника

«Июль был на исходе, стояла нестерпимая жара. Солнце недвижимо стояло на чистом безоблачном небе и посылало на землю свои раскалённые лучи. Ни малейшего движения ветерка, освежающего душный воздух. Я шёл по дороге, ведущей в село Флорово, принадлежащее моему знакомому помещику Семёну Павловичу Рынину. Наконец показалась его усадьба. На пригорке виднелась церковь. Её крест переливался на солнце. Дальше были видны поля, испещрённые копнами скошенного хлеба. Из-за густых деревьев мелькнула крыша барского дома. Он был окружён большим старым садом, в котором росли столетние дубы, липы и множество фруктовых деревьев. С одной стороны сад омывала глубокая, причудливо извивающаяся речка. Я застал Семена Павловича сидящим в тени большого дерева. Тут же были и его жена, и трое помещиков, также со своими семействами. Компания о чём-то горячо спорила.

— Всё это выдумки, — говорил один из гостей, — игра праздной фантазии, бред!

Я подошёл к собеседникам. Мы поздоровались.

— Вот, батюшка, — обратился ко мне хозяин, — мы ведём разговор о явлениях из загробного мира. Пётр Петрович, — указал он мне на одного из своих товарищей, — положительно не верит в это. Скажите нам, пожалуйста, бывают ли явления умерших нам, живущим на земле?

— Такие явления, — сказал я, — отрицать нельзя, и нужно иметь большую дерзость, чтобы решиться на это.

При этом я рассказал несколько случаев, о которых читал, и, между прочим, о видении митрополиту Платону, о котором владыка рассказал мне лично. Через какое-то время гости стали расходиться по саду. Мы с хозяином также отправились прогуляться по тенистым аллеям.

— Со мной самим, — сказал Семён Павлович, когда мы остались вдвоём, — несколько лет назад произошёл удивительный случай, о котором, кроме меня, никто не знает. После смерти матери я стал наследником богатого имения. Мне тогда было двадцать четыре года. Предоставленный самому себе, я стал вести безалаберную и разгульную жизнь. Постоянные кутежи с товарищами, игра в карты и тому подобное были моим обычным времяпрепровождением. Так прошло года два. О Боге, Церкви, постах я не вспоминал, хотя моя покойная матушка была глубоко верующей, она строго соблюдала уставы Православной Церкви и меня воспитывала так же. Однажды днём я сидел в своём кабинете и читал книгу. В этот момент в доме, кроме меня и моего лакея, который находился в соседней комнате, никого не было. Вдруг дверь моей комнаты тихо отворилась. Я оглянулся и остолбенел. На пороге стояла моя покойная мать и строго смотрела на меня. Потом она указала на икону Спасителя, висевшую на стене, трижды перекрестила меня и удалилась, мягко ступая, как она это делала при жизни. Я хотел броситься за ней, но не мог пошевелиться, хотел крикнуть, но язык меня не слушался! Только минут через пять я был в состоянии подняться и найти слугу.

— Иван, — сказал я, — ты никого не видел?

— Никого.

— И ничего не слышал?

— Слышал, — сказал он, — как будто шаги по направлению к вашему кабинету. Вероятно, кто-нибудь приходил к вам?

— Да, — ответил я, — у меня был дорогой гость.

После этого я прекратил всякие расспросы. Явление моей покойной матери потрясло меня и заставило крепко задуматься о моём тогдашнем нравственном состоянии. И не будь этого явления, кто знает, что было бы со мной! Быть может, я погиб бы в житейской суете, как погибли многие из моих прежних товарищей. Да, — заключил свой рассказ Семён Павлович, — дивны и непостижимы пути, которыми Отец Небесный приводит души и сердца грешников к покаянию и спасению!»

Чудесное сновидение

Из келейных записок инока

«Одно время меня сильно смущал помысел оставить монастырь и уйти в мир. Соглашаясь с этим помыслом, смутившись сердцем, я предался отчаянию и решил непременно вернуться в мир. Это было в четверг, и я решил остаться в монастыре только до воскресенья. На следующий день, в пятницу утром, будильщик звоном колокольчика разбудил меня к утрени, но я, как обычно, по своей лености лёг опять в постель, чтобы дождаться, когда зазвонят к утрени, и незаметно заснул. Вдруг мне представилось, что я умер, и умер, без покаяния. Я сидел над своим телом и горько плакал. Мне казалось, что я буду осуждён на вечное мучение в аду. Со слезами я произнёс:

— Господи, если бы я знал, что умру в эту ночь, то сходил бы к духовнику, покаялся, попросил бы братию помолиться обо мне!

Я подумал о том, что Господь милосерден и долготерпелив, Ему всё возможно. Даже если я умер, Он может меня помиловать и вернуть к жизни для покаяния! В ту же минуту передо мной появился прекрасный юноша в белой одежде, его грудь была крестообразно препоясана розовой лентой. Он подошёл ко мне, взял за руку и повёл куда-то в тёмное место. Ах, что я там увидел! Передо мной сидело много обнажённых, грязных людей. Одни из них горько плакали, другие жалобными голосами стонали, а некоторые скрежетали зубами, рвали на себе волосы и кричали:

— Увы нам, горе, беда!

Увидев это, моё сердце исполнилось страха и ужаса, так что я затрепетал.

Юноша, водивший меня, сказал:

— На это место мучения они пришли широким путём. Пойдём, я покажу тебе, куда ведёт тесный путь, то место, в которое приходят многими скорбями!

Как только юноша произнёс это, появился другой, похожий на него, и назвал его по имени, но я его не запомнил. Он взял меня за руку и сказал первому юноше:

— Пойдём ко гробу, там начали петь панихиду!

Мы вошли в наш собор, и я услышал пение панихиды. Мне сразу стало легко и радостно.

Первый юноша произнёс:

— При пении панихиды душе всегда становится радостно!

Вдруг я увидел, что мы с ним оказались перед какими-то дивными воротами. Около них было множество Ангелов в белых сияющих одеждах. Их лица были неизреченной красоты. Мы хотели войти в ворота. Мои путеводители прошли беспрепятственно, а я остался снаружи. Меня не пустили стоявшие там Ангелы, и я услышал, как один из них сказал:

— Ничто нечистое и скверное не может войти в Царство Небесное!

Мой путеводитель, обернувшись, сказал Ангелам:

— Пустите его, Бог милосердствует о нём!

По его слову Ангелы расступились, и я вошёл внутрь. В этот момент я услышал пение:

— Это врата Господни, праведные входят в них.

Оно было таким приятным, что я наслаждался им с восторгом и, казалось, не мог наслушаться! Когда мы вошли в дивный храм, я увидел там множество людей разного звания и возраста. Одни из них держали в руках кресты, другие — ветви с деревьев, третьи — цветы, некоторые — свечи, а иные ничего не имели в руках, но были радостны, их лица сияли. Воздух был приятный, лёгкий.

Мой Ангел сказал:

— Смотри, здесь живут мирские люди, пойдём дальше, я покажу тебе покой монахов, потрудившихся в обители.

Мне показалось, что мы идём по лестнице вверх, и я осмелился спросить его:

— Позвольте узнать ваше имя.

— Моё имя — Послушание. Помни же, что послушание ведёт тебя в Царство Небесное!

Как только Ангел произнёс эти слова, мы оказались перед большими воротами, затем вошли в какую-то обитель, несравненно прекрасней первой. Она сияла лучезарным светом.

Ангел произнёс:

— Это покой монахов.

Слева от меня я увидел облако. На нём сидело множество Ангелов, они плели венки из цветов. Цветы были разными, но такой красоты, что даже не знаю, есть ли что-то подобное в природе или нет. Я спросил водившего меня Ангела:

— Для кого их плетут?

Он ответил:

— Тем, кто усердно, с терпением работает Богу, кротко переносящим горести.

Терпи и ты, и твоё терпение преодолеет все скорби! Потрудишься немного на земле, зато будешь вечно покоиться здесь со святыми отцами. Все они терпением получили славу.

Мы пошли дальше. Я не мог насладиться красотой, покоем, радостью. Везде росли цветущие прекрасные деревья, некоторые были с плодами, некоторые цвели. Там протекало много чистых рек, от деревьев и цветов воздух был наполнен ароматом.

Ангел, указывая на это место, сказал мне:

— Смотри, не угаси светильник твоей веры, старайся наполнить твой сосуд елеем добрых дел, чтобы ты мог с радостью встретить Господа! Если ты будешь жить в покаянии и смирении, я всегда буду рядом с тобой!

И мы пошли дальше, наслаждаясь небесной красотой. Впереди, посреди храма, я увидел хор Ангелов. Другой хор стоял на левой стороне, третий — справа. Мы подошли к Ангелам, стоявшим посреди храма, они расступились и дали нам пройти. Когда мы стали проходить между ними, два Ангела тихо коснулись моих плеч и сказали:

— Блажен ты, юноша, что оставил мир смолоду, возлюбив Христа!

Я увидел, что слева стояли три аналоя. На первом лежал крест, украшенный цветами, на втором — Евангелие, на третьем — икона Божией Матери. Множество монахов подходили прикладываться к ним. Они были одеты в светлые одежды и шли с большим благоговением. Впереди были игумены, за ними архимандриты, потом иеромонахи, монахи и послушники.

Ангел, указывая на них рукой, сказал:

— Это монахи, потрудившиеся в этой обители.

Он называл их по именам, но я их не запомнил. Я спросил у него:

— Где же отец Иоанн Асеев?

Ангел ответил:

— Он здесь.

— А можно его увидеть?

— Нет, ты увидишь его позже. Пойдём и мы приложимся!

Когда мы подошли к кресту, Ангел сказал:

— Перекрестись!

Потом он сам перекрестился, и мы приложились к кресту, Евангелию и иконе. В этом храме не было иконостаса. Вместо него я увидел огромный занавес розового цвета, а по всему храму разливался свет ярче солнца, так что невозможно было смотреть вверх от сильного блеска.

Тогда Ангел сказал мне:

— Теперь тебе пора к утрене! Только помни, что имя моё — Послушание. Теперь ты видел славу, уготованную любящим Бога. Не скорби же, что пошёл в монастырь, ибо такого духовного пристанища многие бы желали, но, поскольку не были избраны, не смогли достичь.

Я проснулся. Моё сердце трепетало от страха и радости. Когда я пришёл к утрени, не мог понять, где нахожусь — в церкви или нет».

Истинная вера

Рассказ священника

«Один прихожанин пригласил меня в день именин отслужить молебен в его усадьбе. После молебна все гости стали шуметь, громко разговаривать. Только одна пожилая дама продолжала молиться, с благоговением стоя перед иконой. Наконец она положила три земных поклона и, повернувшись ко мне, попросила благословить её.

— Это моя матушка, приехавшая из Москвы, — сказал мне почтенный хозяин.

Обменявшись с ней приветствиями, мы по приглашению хозяина сели рядом. Моя собеседница задавала много вопросов, касающихся веры. Было видно, что это очень занимало мою новую знакомую. Она внимательно меня слушала и часто повторяла:

— Господи, грех юности моей и неведения моего не помяни!

Сначала я принял это за поговорку, но, заметив при этом, что она тяжко вздыхает, решился спросить, что она имеет в виду.

— Ах, батюшка, — сказала она, — можно ли святые слова превращать в поговорку? Если вам интересно, я расскажу дивный случай из моей жизни, к которому имеют отношение эти слова. Давайте выйдем на балкон. Я вам, как пастырю, всё расскажу!

Мы вышли, и она начала свой рассказ:

— Мне уже больше восьмидесяти лет. Я чувствую, что недалёк конец моей земной жизни, поэтому не могу лгать. Поверьте, что всё, что я вам расскажу, правда! Господи, грех юности моей и неведения моего не помяни! На мне, грешной, удивил Господь Бог Свою милость. Если бы не Его великая милость ко мне, может быть, я бы навсегда погубила свою душу, находясь в большом заблуждении.

Я родилась у богатых и благородных родителей православного исповедания. В семь лет я стала круглой сиротой, и меня взяла на воспитание двоюродная бабушка, бедная дворянка, жившая одним подаянием. Но это ещё не беда. Самое ужасное, что она была закоснелой старообрядкой, вернее, раскольницей секты беспоповцев, в которую и меня скоро совратила. Имение моих родителей было отдано, как водится, в распоряжение опекунам, которые не только не обращали никакого внимания на моё воспитание, но и разорили имение. Из-за происков моего родного дяди они составили ложные документы и передали его ему в собственность.

Грамоте меня никто не учил, в то время вообще считали, что для женщины это необязательно. Когда я достигла совершеннолетия, мой дядя, чтобы ему было удобнее владеть захваченным имением, зная крайнюю бедность моей бабки и мою неопытность, хотел выдать меня замуж за своего крепостного. Но Господь не дал этому совершиться.

В это время вышел в отставку наш сосед — поручик Белов. Имея небольшое состояние, он хотел через женитьбу улучшить своё положение. Соседи-помещики, не знавшие моего положения, рекомендовали меня ему как хорошую и богатую невесту. Он скоро познакомился с нами и попросил моей руки. Его чин, молодость, вежливое обращение и внимание к бабушке располагали к нему. Оставалось лишь одно препятствие: жених был, по нашему мнению, суетным (так мы между собой называли православных). Но всё же бабушка дала слово, но

взяла с него обещание, что он не будет меня обращать в Православие, а позволит мне молиться по-своему и не будет препятствовать ездить в раскольническую часовню. Он согласился, и мы обвенчались.

Моему мужу пришлось приложить много усилий, чтобы имение, по праву принадлежавшее мне, вырвать из рук недоброго дяди. Мы решили, возложив всю надежду на Господа Бога, жить так, как это будет угодно Его святой воле. Надежда нас не обманула. Занявшись в небольшом имении мужа хозяйством, мы имели безбедное содержание для себя и для своей семьи, которой нас благословил Бог.

Прошло несколько лет, а я всё ещё пребывала в своём нечестии. Мой муж был человек добрый, спокойный, искренно любил меня и не настаивал на том, чтобы я перешла в Православие. Хотя было заметно, что это его сильно тревожило, но он всегда скрывал это. Были моменты, когда я думала, что Православная вера лучше моей, но, видимо, пока не пришла пора моего возрождения, и я оставляла эти мысли. Меня очень удивляли истинно христианская жизнь моего мужа и свято исполняемые им благочестивые обряды. Например, Великим постом, когда он говел, поужинает, бывало, в понедельник и до принятия Святых Тайн, в среду, ничего не ест, да и после приобщения только выпьет чаю и до вечера не ест. В это время только молитва и чтение душеполезных книг были его пищей. Размышляя о его трудном подвиге, я думала, что это зависит от его крепкого здоровья. Пользуясь, по милости Божией, и сама цветущим здоровьем, я пыталась также это выполнить, но не могла выдержать и половины того, что выдерживал он. Наконец я спросила его, как он может так строго поститься, зависит ли это от человеческих сил или этому есть другая причина. Он нахмурил брови и, помолчав, сказал:

— Если б ты…

И тотчас замолчал, окончив свою речь тяжёлым вздохом. Я сразу поняла, что он этим хотел напомнить, что если бы я исповедовала истинную веру, то могла бы выполнить то, что ему было по силам. Только он не хотел изменить данного моей бабушке слова и промолчал. На этот раз и я не стала продолжать разговор. Какая-то безотчётная грусть наполняла мою душу, в сердце была пустота, я чуть не плакала, сама не зная о чём. Предложенный мной вопрос и его недосказанный ответ не выходили у меня из головы…

Целый год эта мысль не покидала меня, и наконец я решилась поднять прежний вопрос. Это тоже было Великим постом. Мой муж в этот день причастился. Поздравив его с выполнением обряда (так я раньше говорила), я спросила:

— Неужели тебе так легко поститься?

Он тепло посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

— Это зависит не от наших сил, а от помощи Божией. Нужно время, чтобы заслужить такую милость, надо покорить тело духу, питать его молитвой и Словом Божиим, а особенно Телом и Кровью Христовыми, которых так называемые староверы по своему упорному невежеству не принимают.

— Продолжай, — сказала я, улыбаясь, — я знаю, чего ты боишься, но всё равно продолжай!

— Да, друг мой, — сказал он, — великое дело — обрести истинную веру, когда всё располагает человека к Богу, чего нет в вашем расколе.

Последние слова, конечно же, по наущению врага, оскорбили меня, и я произнесла:

— Довольно! Я не хулю твою веру, а ты начинаешь порицать мою! Там, за гробом, узнаем, кто из нас прав, кто виноват!

Он нахмурил брови, пошёл в свой кабинет и как будто нехотя сказал:

— И так видно.

Потом, обернувшись ко мне, произнёс:

— Сама же вызвалась!

Я, тоже взволнованная, ушла в свою комнату. Грусть ещё больше овладела мной, и я пожалела, что вызвала его на этот разговор. Но мысль об этом меня не покидала. Я старалась быть весёлой, но тайная грусть томила меня. О, Господи, грех юности моей и неведения моего не помяни!

И Господь не оставил меня Своей милостью: пришла пора моего обращения. Это было в том же году, накануне Богоявления. Мы жили на хуторе, далеко от церкви. Каждый год мой покойный супруг отправлялся в храм за святой водой, а мне предлагал отправиться в свою часовню. Но на этот раз, не зная почему, он мне этого не предложил, а быстро собрался и поехал, ни с кем не простившись. Мне стало грустно, я не могла найти себе места. Но внезапно какая-то отрада наполнила мою душу. Мне очень хотелось увидеть мужа. Я часто смотрела в окно, в ту сторону, откуда он должен был приехать. Наконец показалась его серая лошадка, но вместо радости меня объял какой-то безотчётный страх.

Так как мы жили на хуторе, батюшка в этот вечер не успевал приехать к нам со святой водой, мы ждали его на следующий день. Мой муж имел обыкновение брать с собой для святой воды зелёный кувшин с крышкой. Когда он входил в дом, пел тропарь Крещению Господню, а при входе в зал открывал крышку, вливал святую воду в приготовленное блюдо, кропил дом и все хозяйственные постройки в сопровождении всего нашего семейства и всей дворни. Я в этот момент уходила к себе в комнату. Но на этот раз я вдруг захотела остаться в зале. Муж начал петь тропарь ещё на пороге дома, а пройдя в зал, стал снимать с кувшина крышку. И что же? Как только он снял крышку, мы увидели, что из него вышли три радужных луча и засияли по всей комнате. Мы почувствовали необыкновенное благоухание и невольно упали на колени, а у мужа даже кропило выпало из рук, он едва удержал в руках кувшин. Несколько минут мы были в каком-то оцепенении и не могли произнести ни слова… Я первой очнулась и прервала молчание.

— Позовите батюшку, я хочу принять Православие! — сказала я.

Добрый пастырь не замедлил прийти. Я не могу вам выразить, какая радость наполнила мою душу после присоединения к той Церкви, в которой я родилась и от которой отпала. Но эту радость иногда сменяла грусть, что я так долго пребывала в моём заблуждении. Особенно грустно мне было от того, что моя добрая бабушка умерла в расколе. Почтенный пастырь долго беседовал со мной о вере: то вразумлял меня, то уверял в милосердии Божием, то поощрял к дальнейшим христианским подвигам, наконец, он предложил поехать к литургии. Все мы отправились в храм Божий. С каким нетерпением я ждала начала общественного богослужения в той церкви, в которой я крестилась и в которой столько времени, как заблудшая овца, не была! Вот началось чтение Великого повечерия, и я вся превратилась в слух; я с жадностью ловила каждое слово, как вдруг услышала слова:

— Господи, грех юности моей и неведения моего не помяни! Эти слова как-то особенно подействовали на мою душу. Мне показалось, что пророк как будто для меня, грешницы, и

написал эти слова. Как же мне не молиться, когда моя юность прошла в страшном грехе — в отпадении от Святой Церкви и в неведении?!

После утрени меня допустили к исповеди, а во время Божественной литургии я удостоилась принять Святые Тайны Христовы. Радостен и памятен был для меня день этот: я удостоилась стать дочерью истинной Церкви Христовой! Важны были и сказанные слова о грехе юности, потому что они напоминали мне, что я имела большой грех и, следовательно, должна постоянно молиться о том, чтобы Господь простил его!

После этого я решила учиться грамоте. Но кого взять в учителя, кто решится учить уже довольно пожилую женщину? Жребий пал на старшего моего сына, и он научил меня чтению и письму. С тех пор я читаю духовные книги и нахожу в них назидание и утешение, благодаря Бога, пославшего мне Свою неизреченную милость.

Я поблагодарил её за интересную историю и попросил позволения передать её в назидание другим».

Обращение атеиста

Рассказ прихожанки

В городе Гродно есть Остробрамской образ Божией Матери. Своё название эта икона получила от того, что явилась на остроконечном шпиле Остробрамских ворот города. Вскоре после явления последовало столько чудесных исцелений, что жители Гродно уверовали в свою Небесную Покровительницу и до сих пор с нелицемерной любовью берегут данное им Небом сокровище. Снимок с этой чудотворной иконы в первый раз я увидела в доме моей знакомой Ольги Лопухиной. Велико было её упование на помощь Божией Матери, потому что в её семье совершилось чудо, имевшее огромное влияние на жизнь одного из её близких родственников. Вот что она мне рассказала:

«Мой двоюродный брат был честным, умным, образованным и богатым человеком. Но ему недоставало главного — веры в Бога и любви к Нему. Он начинал хулить всё священное, самым возмутительным образом открыто проповедовал свой атеизм. Счастливый и гордый, он забыл, что земное счастье, как и горе, имеет один исход — могилу, а за ней наступает вечная жизнь, в которой потребуется дать отчёт в делах временной жизни. Нам было страшно слушать его безумные речи. Не помогали ни советы, ни просьбы, а судьба, как нарочно, баловала его. Всё ему удавалось, его жизнь протекала ровно, ни одной горькой минуты не выпадало на его долю. Поэтому он не нуждался в защите и утешении ни от Бога, ни от людей. Но, должно быть, за добрые дела и непоколебимую веру его умершей матери спасение несчастного безумца приняла на Себя Сама Матерь Божия. Она Своим ходатайством удерживала справедливо карающую руку Своего возлюбленного Сына, желая чудесным образом обратить грешника на путь истины. Наконец настал час вразумления заблудшего. Получив отпуск, он проездом через Гродно был у одной из своих знакомых, которая жила на третьем этаже кирпичного дома. Комната, в которой они пили чай, выходила окнами на мостовую. С ними сидел трёхлетний сын хозяйки. Представьте себе их ужас, когда вдруг раздался пронзительный крик:

— Горим!

Снизу показались клубы чёрного, густого дыма… Пылали нижние этажи, о спасении не было и речи! Длинная, выкрашенная масляной краской лестница уже горела в двух местах. Им неоткуда было ждать помощи: вверху, кроме них троих, никого не было! И теперь, в первый раз в жизни, сердце моего брата болезненно забилось. Он до того растерялся, что даже забыл об

угрожавшей им опасности. Но у хозяйки квартиры чувство материнской любви к сыну пересилило ужас и отчаяние. Она схватила ребёнка и со словами:

— Матерь Божия, вручаю Тебе моего сына, спаси его! — бросила его в окно на каменные плиты мостовой, а сама упала без сознания в той же комнате.

Тут только брат пришёл в себя, он закричал:

— Помоги и мне, неверующему, да уверую в Тебя, Святая Заступница!

Затем он подхватил бесчувственную женщину и бросился вниз по пылающим ступеням лестницы.

И Матерь Божия его спасла, Она не отринула мольбы грешника. Спасла не только его тело от временных страданий, но и душу от будущих вечных мук. Когда мой брат увидел невредимого ребёнка, сидящего на каменной мостовой, он был потрясён. Чудо — младенец как будто не был брошен матерью с высоты третьего этажа, а бережно перенесён на мостовую! Пресвятая Дева сохранила и мать, с крепкой верой поручившую Ей своего младенца. С этой минуты Церковь приобрела себе верного сына в лице спасённого богоотступника. Брат купил небольшой нательный Остробрамский образ Божией Матери и никогда с ним не расставался. Эта икона спасла его от смерти и в другой раз. Во время Венгерской кампании пуля отскочила от него, только немного вдавив в тело висевший у него на груди образ Богоматери. С тех пор он окончательно предал себя святому покрову Божией Матери — он стал иноком…»

Случай в монастыре

Отец моего знакомого был человеком, который мало заботился о своей душе. Как-то случайно он попал в скит Николаевской Пешношской пустыни, в восьмидесяти километрах от Москвы. Шёл Успенский пост.

«Вошёл я в церковь, — рассказывал он, — взял свечку и стал ждать священника. Наконец в храм привели старенького отца Савватия. Он был слеп. Как теперь вижу его словно восковое лицо и длинную седую бороду. Сотворив обычное правило и приложившись к святым иконам, он надел епитрахиль и, поддерживаемый под руку послушником, взошёл на амвон и стал на память громко читать молитву перед исповедью. Вдруг его голос прервался, и он, сделав два земных поклона перед иконой Спасителя, снова начал читать. Но его голос опять прервался. Тогда, обратившись к народу, он сказал:

— Чада святой Матери Церкви! Среди нас есть один отступник! Подойдите каждый отдельно и назовите ваши имена!

Нас было около шестидесяти человек, все подходили к батюшке. Когда очередь дошла до меня, я тоже подошёл к нему. Как только я назвал своё имя, лицо отца Савватия стало грозным.

— Выйди вон, ты не сын Церкви, ты пренебрёг Телом и Кровью Христовыми!

Я стоял, как поражённый громом, в глазах у меня потемнело. Не помню, как я вы шёл из церкви. После многих просьб отец Савватий согласился исповедать и приобщить меня, но с тем условием, чтобы я неделю провёл с ним в его келье».

Важность поминовения усопших

Святая Православная Церковь, как попечительная мать, заботится о своих чадах, испрашивает им у Бога здоровья и оставления грехов. Особенно на Божественной литургии святая Церковь вопиет к Богу за умерших, твёрдо веруя, что Честной Кровью Божественного Искупителя нашего Господа Иисуса Христа омываются грехи всех поминавшихся за литургией. Это поминовение особенно важно в течение первых сорока дней после кончины, потому что в сороковой день определяется загробная участь души до Страшного суда. Поэтому и советуют служить и заказывать о скончавшихся сорокоусты. Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствована многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до наших дней.

Однажды великий подвижник преподобный Макарий Египетский, идя в пустыне, увидел на дороге человеческий череп. Он помолился, перекрестил череп и спросил у него:

— Кто ты?

Череп отозвался:

— Я был начальником языческих жрецов.

— Как вам, язычникам, на том свете? — спросил Макарий.

— Мы горим в огне, — ответил череп, — пламя охватывает нас с ног до головы, и мы не видим друг друга. Но когда ты молишься о нас, мы начинаем различать один другого в темноте, и это доставляет нам отраду.

* * *

Святой Григорий Двоеслов рассказывал такой случай. Один брат, живший в его монастыре, за нарушение обета, в назидание другим, был лишён после смерти церковного погребения и молитвы в продолжение тридцати дней, а потом из сострадания к его душе тридцать дней за него приносили Бескровную Жертву с молитвой. В последний из этих дней усопший явился в видении своему родному брату и сказал:

«До этого я сильно страдал, теперь же мне хорошо!»

Таким образом, через спасительную Бескровную Жертву усопший брат избежал наказания.

* * *

«Во время жизни преподобного Венедикта, — рассказывает святой Григорий Двоеслов, — недалеко от него жили две постницы, которые, славясь святостью жизни, имели несчастную страсть сплетничать и лгать. Святой старец умолял их удерживать свой язык и за непослушание угрожал им даже отлучением от Церкви. Но страсть ко лжи так укоренилась в них, что его угрозы не смогли их остановить. Через несколько дней они скоропостижно умерли.

Их погребли в церкви. Когда дьякон во время литургии возглашал: „Оглашеннии, изыдите“, они, как отлучённые, выходили вон из церкви, что видели некоторые благочестивые прихожане. Когда об этом сообщили преподобному Венедикту, святой муж послал в церковь, где они были погребены, просфору, приказав вынуть из неё часть за упокой их душ и поминать

их. После этого уже никто не видел, чтобы они выходили из церкви, и все поняли, что молитвы дошли до Бога и они получили от Него прощение».

* * *

В «Прологе» повествуется, что у блаженного Луки был родной брат, который и после вступления в монашеский чин мало заботился о своей душе. В состоянии такой беспечности его постигла смерть. Блаженный Лука, скорбя, что его брат не приготовился, как должно, к смерти, молил Бога открыть его загробную участь.

Однажды старец увидел душу своего брата во власти злых духов и тотчас после виде́ния послал осмотреть его келью. Посланные нашли там деньги и вещи, и старец понял, что душа его брата страдает за нарушение обета нестяжания. Всё найденное блаженный Лука раздал нищим за упокой его души. Через какое-то время во время молитвы старец увидел судилище: Ангелы света спорили с духами злобы о душе усопшего брата. Лука услышал вопли злых духов:

«Эта душа наша, она творила наши дела!»

Но Ангелы ответили им, что она избавляется от их власти милостыней. На это духи злобы возразили:

«Разве усопший раздал милостыню? Не этот ли старец?» — и указали на блаженного Луку.

Подвижник ответил: «Да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за эту душу».

Поруганные духи, услышав ответ старца, исчезли, и старец, успокоенный видением, перестал скорбеть об участи брата.

* * *

В житии преподобной игуменьи Афанасии есть следующее повествование. Перед смертью Афанасия завещала сёстрам своего монастыря кормить нищих в её намять до сорока дней. Между тем сёстры приглашали нищих лишь первые десять дней, а затем по нерадению не выполнили завещания своей бывшей начальницы. И что же? Игуменья Афанасия явилась сёстрам и сказала: «Да будет всем известно, что творимая до сорока дней за душу усопшего милостыня умилостивляет Бога. Если души усопших грешны, то через это они получают от Господа отпущение грехов, а если праведны, то благотворительность за них служит ко спасению благотворителям».

* * *

Много есть примеров, из которых видно, что усопшие ожидают молитв за себя, являясь во сне или наяву, просят о них, показывая это в различных знамениях или образах.

Так святой Григорий Двоеслов рассказывает, что некий пресвитер имел обычай мыться в бане. Однажды, придя туда, он увидел незнакомого мужчину, который стал ему помогать раздеться. Незнакомец снял с пресвитера сапоги и взял его одежду на хранение. Когда священник вышел из бани, то он подал ему полотно отереть пот, помог одеться, и всё это он делал с великим почтением.

Так повторялось несколько раз, то есть этот пресвитер приходил в баню, встречал незнакомого человека, который молча прислуживал ему. Желая выразить благодарность за усердие, пресвитер однажды взял с собой две просфоры, чтобы дать их незнакомцу, и, как обычно,

встретил его. Когда он выходил из бани, попросил принять просфоры в знак любви к нему.

Незнакомец с плачем сказал ему:

«Для чего ты даёшь их мне, отче? Это святой хлеб, я не могу вкушать его! Ты видишь перед собой бывшего владельца этого места, но за мои грехи я осуждён на служение здесь после смерти. Если же хочешь наградить меня, принеси этот хлеб за мои грехи в жертву Всемогущему Богу. И когда придёшь сюда мыться и не найдёшь меня, знай, что твоя молитва услышана Богом».

Сказав это, незнакомец мгновенно стал невидим.

Тогда пресвитер понял, что этот человек был дух. Пресвитер провёл целую неделю в слезах и молитвах о прощении его грехов, принося каждый день Бескровную Жертву. Когда через неделю он снова пришёл в баню, то не нашёл здесь незнакомца и потом никогда не встречал его.

Предупреждение о кончине

Генерал Степан Степанович Апраксин в молодости дружил с князем Василием Владимировичем Долгоруковым. Они вместе служили в одном полку: первый в чине полковника, второй — майора. Долгоруков умер в полной бедности, так что даже не было средств похоронить его. Его друг Степан Степанович устроил за свой счёт погребение и поминовение князя. Казалось, он отдал ему последний долг, как родному брату.

На третий день после похорон умерший Долгоруков явился к своему благодетелю. Таинственный гость предсказал сердобольному другу долгую и благополучную жизнь на земле и обещал прийти незадолго до его кончины. После этого Апраксин стал много внимания уделять нуждающимся и каждый раз радовался, когда ему представлялся случай для благотворительности.

Прошло сорок два года, и, верный своему обещанию, князь Долгоруков вторично посетил старца-генерала. Прежде всего князь напомнил о себе и о том благодеянии, которое ему было оказано много лет тому назад, потом сказал, чтобы его друг через двадцать дней готовился к смерти, обещал ещё раз посетить его за три дня до кончины и вышел из комнаты. Апраксин поверил словам загробного вестника: исповедовался, причастился и пособоровался. За три дня до смерти он пригласил к себе ночевать близкого друга. В одиннадцать часов ночи явился покойный Долгоруков и стал беседовать с Апраксиным. Присутствовавший друг потом рассказывал, что во время разговора Апраксина с Долгоруковым он ощущал невольный страх, хотя явившегося князя не видел, но слышал его голос. Через три дня Апраксин скончался.

Оставь нам священника!

Один батюшка с особенным усердием поминал за литургией усопших, так что, если кто однажды подавал ему записку о их поминовении, он выписывал их имена в свой синодик и, не говоря о том подавшему, поминал всю жизнь. При соблюдении этого правила его синодик собрал много тысяч имён, и батюшка был вынужден разделить его на части.

Однажды он совершил какую-то погрешность, так что ему угрожало устранение от прихода. Дело передали московскому митрополиту Филарету, и когда преосвященный уже собирался наложить резолюцию о его устранении, вдруг он почувствовал какую-то тяжесть в руке. Митрополит отложил подписание до следующего дня. Ночью он увидел сон: перед его окнами

собралась огромная толпа народа разного звания и возраста. Люди о чём-то громко говорили.

— Что вам от меня нужно, — спросил архипастырь, — и кто вы?

— Мы усопшие души и явились к тебе с просьбой: оставь нам священника и не отстраняй его от прихода!

Впечатление от этого сновидения было так велико, что Филарет не мог забыть его после пробуждения и велел позвать к себе этого священника. Когда тот пришёл, митрополит спросил его:

— Какие ты имеешь за собой добрые дела? Открой мне!

— Никаких, владыко, — ответил священник, — я достоин наказания.

— Поминаешь ли ты усопших? — спросил его митрополит.

— Как же, владыко, у меня правило: кто подаст однажды записку, я постоянно на проскомидии вынимаю частички о них, так что прихожане ропщут, что у меня проскомидия длиннее литургии, но я иначе уже не могу.

Преосвященный ограничился переводом священника в другой приход, объяснив ему, кто был ходатаем за него.

Явления умерших

Рассказы очевидцев

«Я была ещё маленькой девочкой, — рассказывает одна дама, — когда стала свидетельницей необыкновенного случая, который не смогу забыть никогда. Однажды вечером, когда я легла спать и погасила свечу, вдруг увидела, что перед камином сидит какой-то священник и греет руки. Внешне он был очень похож на моего дядю, протоиерея, жившего недалеко от нас. Я сказала об этом сестре, которая спала вместе со мной. Она тоже узнала нашего дядю.

Тогда нами овладел невыразимый ужас, мы стали изо всех сил звать на помощь. Наш отец, спавший в соседней комнате, вскочил с постели и прибежал к нам со свечой в руке. Призрак сразу исчез. На следующее утро мы получили письмо, из которого узнали, что наш дядюшка-протоиерей скончался в тот самый день и час, когда мы его видели».

* * *

«Несколько лет тому назад мы с товарищами сидели у меня дома. Вдруг раздался громкий стук в дверь. Мать тоже его услышала и крикнула, чтобы я пошёл отворить. Не успел я сбежать с лестницы, как дверь открылась сама и в сени вошла моя тётка, старшая сестра моей матери. Она направилась прямо в гостиную.

— Почему это тётя не поздоровалась и прошла в гостиную? — удивились мы и пошли за ней.

Но там, к нашему изумлению, мы никого не нашли.

— Наверное, мы услышим о её смерти, — сказал отец, записывая день и час этого явления.

В тот же день вечером мы получили телеграмму, извещавшую нас о смерти тётки. Она

скончалась именно в тот час, когда мы видели её призрак».

* * *

«У помещика Нефедова был брат, давно болевший туберкулёзом. Когда у него гостили друзья, он получил письмо от жены своего брата. Она сообщала, что болезнь её мужа приняла угрожающий характер, и просила немедленно приехать к умирающему. Это письмо он показал гостям и сказал, что завтра же утром едет в Петербург.

Выйдя из гостиной в переднюю, чтобы отдать нужные приказания прислуге, он с удивлением увидел там своего брата, который снимал пальто.

— Что это значит?! — воскликнул он и вернулся в комнату, чтобы объявить своим домашним о приезде брата и показать ему только что полученное письмо.

Через минуту он вернулся в переднюю, но брата там не было. Нефедов спросил у прислуги и гостей, не видели ли они его. Оказалось, что несколько человек совершенно ясно видели брата в передней, но объяснить, куда он мог исчезнуть, они не смогли.

На следующий день утром Нефедов получил телеграмму о кончине брата, которая последовала накануне в одиннадцать часов вечера, как раз в то время, когда он явился».

* * *

«Однажды во время дежурства — это было минувшей зимой — я прилёг поспать, так как устал после срочной операции. Вдруг в дверь постучали. Это был фельдшер:

— Ваше благородие, в пятой палате больной очень плох!

— Хорошо, — сказал я, — сейчас иду.

Я поднялся по лестнице и увидел, что этот больной стоит в халате.

— Почему ты не спишь? — сказал я, и вдруг он исчез.

Мне стало не по себе. Я пришёл к нему в палату, а фельдшер сказал:

— Он только что умер!

Я пощупал его пульс — не бьётся, положил руку на сердце — всё тихо. Я никому не рассказывал об этом случае, только записал его в свой дневник. Вернувшись в кабинет, я долго не мог уснуть...»

* * *

«В год кончины моей матушки я получил от неё письмо, в котором она извещала меня, что собирается на всё лето приехать ко мне. Это было в конце зимы. Я ответил, что буду очень рад и приготовлю всё для её отдыха.

Зная, как она любит цветы, я сделал ремонт в большой половине дома, обращённой в сад и прилегавшей к оранжерее, а себе оставил половину, выходившую окнами во двор. Однажды, лёжа в спальне, я вдруг увидел, что дверь моей комнаты открылась и вошла матушка. Я вскочил с постели и, запахнув халат, бросился к ней навстречу, говоря:

— Матушка, как я рад, что вы приехали! В этот момент я совершенно забыл, что до её приезда осталось несколько месяцев. Она пристально посмотрела на меня и исчезла. Я был поражён и не знал, что думать…

Спустя две недели после этого случая я получил письмо от своей сестры, которая извещала, что матушка умерла как раз в тот день и час, когда она явилась мне».

* * *

Этот случай произошёл в Филадельфии. Там был «неспокойный» дом, в котором никто не решался жить. Однажды в этот город приехали две сестры. Они стали искать квартиру, и кто-то указал им на этот дом. Хозяин согласился пустить их бесплатно, не скрывая, однако, причины, по которой он давно остаётся без жильцов. Сёстры переехали в этот страшный дом.

В первые два-три дня ничего особенного не происходило. Но вот однажды ночью, когда они уже легли спать, в доме поднялся какой-то непонятный шум, так что они испугались. Встав с постели, одна из них спросила:

— Кто здесь и что нужно?

Вдруг, как будто из-под земли, появился незнакомый мужчина и сказал:

— Если бы кто-нибудь раньше спросил меня об этом! Поэтому я и давал о себе знать разными способами. Я прошу вас помочь мне! Несколько лет тому назад я был хозяином этого дома. Однажды ко мне приехал мой племянник-сирота, которому я предложил жить у меня. Он был бедным человеком. Я хотел оставить ему всё своё состояние, так как, кроме него, у меня никого не было. Я полюбил его и ничего от него не скрывал, так что он знал, что у меня были большие деньги. Однажды ночью он зарезал меня и скрыл мой труп в этой комнате под полом, а деньги, сто тысяч долларов, украл и в ту же злосчастную ночь уехал из этого города по железной дороге, а теперь живёт под чужим именем вдали отсюда.

Прошу вас заявить об этом полиции, которая найдёт мой труп под полом и предаст надлежащему погребению, и я тогда успокоюсь!

На следующий день сёстры заявили об этом в полицию, и действительно она нашла под полом скелет человека, которого предали земле по христианскому обряду. С тех пор в доме стало спокойно.

* * *

«В моей жизни, — писал митрополит Платон, — есть один интересный случай. Это было в тридцатых годах, когда я был инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. У нас учился некий Иван Крылов, прибывший из Орловской семинарии. Учился он отлично, имел тихий нрав и благообразный вид. Однажды он пришёл ко мне и попросил, чтобы я позволил ему лечь в больницу. Я благословил его. Прошёл месяц. Как-то я отдыхал в своей келье и вдруг увидел Крылова. Он стоял рядом и грустно смотрел на меня. В этот момент раздался стук в дверь. Крылов сразу исчез. Пока я раздумывал, что это значит, вошёл больничный сторож и сказал:

— Студент Крылов преставился!

— Давно ли? — спросил я, потрясённый.

— Да минут пять назад!

Всё это, — заключил владыка, — несомненно доказывает нам какую-то таинственную связь между нами и душами умерших».

* * *

«Я зашёл к болящему Иоанну, послушнику покойного схимонаха Моисея. Он был при смерти. В этот день он сподобился пособороваться. Увидев его в благодушном состоянии, я спросил:

— Что, отец Иоанн, видно, в путь собираешься?

— Да, батюшка, помолись, да пошлёт мне, грешному, Господь Свою милость!

— Кланяйся от меня своему старцу Моисею.

— Я сегодня виделся с ним, он был у меня и читал акафист Божией Матери, а меня, как и раньше, заставил петь припевы. И так он всё правило у меня совершил. Старец сказал мне с радостью: „Мы с тобой и там вместе будем жить, мне разрешили проводить тебя туда“. Мы с ним ещё помолились, он перекрестил меня и отошёл. Поэтому я, батюшка, жду не дождусь, когда уйду отсюда. Отец Моисей сказал, что там несказанно хорошо».

* * *

«В одном селе жила почтенная чета: заштатный священник, отец Артемий, и его супруга, матушка Домна. Они прожили душа в душу многие годы. Батюшка был добрый и внимательный к своим чадам, его все очень любили. Но всему приходит конец: отец Артемий занемог, слёг в постель и, напутствованный христианскими Таинствами, тихо и мирно перешёл в вечность, оставив горько оплакивавшую его спутницу жизни…

Незаметно прошёл год. Старушка вдова после поминок прилегла отдохнуть. И вот она увидела во сне покойного мужа. С радостью бросилась она к нему и стала расспрашивать, что с ним и где он теперь находится.

Отец Артемий сказал:

— Так как при жизни у меня не было от тебя никаких тайн, то скажу, что, по милости Божией, я не в аду. Скоро и ты последуешь за мной, готовься к смерти через три недели после этого дня!

Покойник медленно ушёл, как бы не желая с ней расстаться, а матушка Домна, проснувшись, радостно стала всем рассказывать о своём свидании с покойным мужем. И действительно, ровно через три недели она мирно скончалась».

* * *

«Мой отец знал о своей кончине за несколько лет, и вот как это ему было открыто. Накануне своих именин он увидел во сне своего отца, который объявил ему об их скором свидании в лучшем мире.

— Ты умрёшь, — сказал мой дедушка, — второго января, в день моей смерти.

— Как? — вскричал мой отец. — Так скоро?

— Нет, ты умрёшь в среду.

И действительно, спустя несколько лет, в первую случившуюся среду, которая совпадала со вторым днём января, мой отец умер».

* * *

Этот случай произошёл в семье одного помещика. Великим постом он неожиданно тяжело заболел. Ему становилось всё хуже, и врачи отказались его лечить. Убитая горем жена оплакивала больного мужа, думая, что он безнадёжен. Видя это, больной стал мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока он пристроит старших сыновей и таким образом оставит на их попечение своих младших детей. После этой молитвы он крепко уснул.

Проснувшись, он позвал жену и радостно сообщил ей, что видел во сне святителя Иоасафа Белгородского, которого знал ещё при жизни. В сонном видении архипастырь сказал ему, что по милосердию Божию, ради невинных малюток, ему даётся ещё двадцать лет жизни. Но через двадцать лет, ровно в этот день, Господь призовёт его к Себе.

Рассказав своё сновидение, больной попросил жену всё это записать в молитвенник, что и было исполнено. И безнадёжный больной, к удивлению семьи и лечивших его врачей, стал быстро поправляться и вскоре совсем выздоровел.

Ровно через двадцать лет, в назначенный день, он почил вечным сном на руках своих сыновей и дочерей, уже пристроенных и обеспеченных, с благодарной молитвой на устах. Его молитвенник с этой записью до сих пор хранится у его потомков как семейная ценность.

* * *

«Наши родители жили в своём имении и так любили друг друга, что пережили один другого ненадолго. Вскоре после их кончины наступил храмовый праздник в нашем селе. Мы с сёстрами уже были замужем, но к этому дню мы собирались всей семьёй в наше имение, чтобы вместе помолиться о наших дорогих родителях. Это было летом. У всех были хорошие голоса, и мы пели на клиросе.

Накануне праздника, после обеда, все мы сидели в большом зале. Дверь из него выходила на террасу, а с террасы — в сад. Сёстры репетировали, готовясь петь на следующий день за обедней. Я же была не совсем здорова и в спевке не участвовала, а сидела в конце зала, напротив стеклянной двери, разговаривая с братом. Сёстры пели очень хорошо. Слушая их, я подумала: „Вот если бы наши родители были живы, как они были бы довольны!“ Вдруг я посмотрела на дверь, выходящую на террасу, и — о ужас! — в дверях стояла моя мать в простом белом платье, как была похоронена, и пристально смотрела на меня. Не веря своим глазам и думая, что это игра воображения, я отвернулась. Через минуту подняла глаза и увидела, что она тихо приближается ко мне. Я встала и пошла к ней навстречу. Как только я встала, она стала отступать к двери, лицом ко мне, не оборачиваясь. Я приблизилась к ней, а она всё ещё отступала, продолжая пристально смотреть на меня. Так она спустилась с террасы в сад, я — за ней. В аллее она остановилась. Я также остановилась и хотела взять её за руку. Но она отчётливо сказала:

— Не прикасайся ко мне, тебе ещё не время!

Затем мама улыбнулась, её лицо точно просветлело отчего-то, и она стала тихо отделяться от земли, подниматься вверх и исчезла в пространстве».

* * *

«Мою знакомую Марию выдали замуж в двадцать лет. Через год после свадьбы её мужа забрали в солдаты, и бедная молодая женщина, прожив после этого года четыре скромно и честно, повела разгульную жизнь. Духовный отец Марии часто призывал её раскаяться и перестать грешить, но всегда получал один и тот же ответ:

— Постараюсь, батюшка, исправиться, постараюсь!

Но, несмотря на обещания исправиться, поток искушений снова увлекал её в грехи. Таким образом, бедная женщина провела много лет то в грехе, то в раскаянии, то опять в грехе. Но вот однажды к ней позвали духовника для её напутствования.

— Давно ли Мария больна? — спросил батюшка и узнал, что она уже три месяца страдает водянкой и часто о чём-то плачет.

Во время исповеди духовник увидел, что Мария сокрушается и надеется на милосердие Божие. Она рассказала, что за эти три месяца болезни она много страдала от угрызений совести при воспоминании о своих грехах и при мысли, что не воспользовалась в своё время наставлениями духовника. Часто она начинала унывать и предаваться отчаянию, но в то же время чувствовала, что какой-то голос говорил в её сердце: „Ты лучше поплачь о своих грехах, и Господь простит тебя, ведь у Него милости больше, чем капель в море“.

Это был голос Божий, призывающий душу к покаянию и дающий надежду на милосердие Спасителя к грешникам. И Мария плакала от глубокого покаянного чувства дни и ночи, она молила Господа даровать ей целое море слёз. И после этого ей становилось легко на душе.

— Прошлой ночью, — прибавила она, — мне было особенно тяжело. Враг силился отнять у меня всякую надежду на спасение. Я томилась и уже не знала, что делать, как вдруг (не знаю — в сонном ли забытьи или наяву) ко мне явился старец, которого я приняла у себя год назад. Он тогда был больным и измождённым, я заботилась о нём, как о родном отце. А когда он поправился, обшила его, подарила свою шубу и проводила, слушая его мудрые наставления и прося его молиться обо мне, грешной. Этот старец вдруг явился мне и сказал строгим голосом:

„Мария, ты грешишь ещё и против Божьего милосердия! Пострадавший за наши грехи разве может радоваться о погибели бедных грешников? Или ты не знаешь, как милостиво Он принимал и прощал великих грешников, прибегавших к Его милосердию? Молись и надейся! Посмотри на меня. Вот и я ходатайствую за тебя! Ты успокоила мою старость, вылечила меня, отдала последнюю шубу, которая для меня дороже царских одежд. Узнаешь ли ты её? Она одна у тебя и была, но ты пожертвовала её ради Христа Спасителя и ради любви к ближнему. Мир тебе, дочь моя“, — сказал старец и скрылся…

С тех пор, батюшка, я чувствую какое-то дивное, необъяснимое спокойствие, а поскольку жить мне осталось немного, хочу исповедаться во многих тяжких грехах и получить ваше прощение в том, что я не слушалась ваших советов и наставлений. Простите, батюшка, меня, Бога ради…

Мария вечером того же дня скончалась. Вскоре после ухода духовника она простилась со всеми и уже не говорила ни с кем ни слова. Некто из святых сказал: „Смирение и любовь — это два великих крыла, на которых возносятся на Небеса“».

* * *

«Вернувшись домой после Светлой заутрени, я легла спать. Как только я забылась, услышала

чей-то горький плач. Боясь открыть глаза, я робко спросила:

— Надя, это ты, моя родная?

Я боялась услышать ответ, потому что думала, что это явилась моя умершая сестра. Но на мой вопрос грустный девичий голос ответил:

— Нет, я не Надя!

— Кто же вы? — спросила я. — Скажите, что вам нужно? Я всё сделаю.

Тогда она ответила:

— Меня зовут Варвара. Ради Бога, помолитесь обо мне, помяните меня за литургией!

Я пообещала, и рыдания утихли. После этого я открыла глаза, в комнате никого не было. Когда через несколько дней к нам приехали родственники, я спросила зятя моего мужа, как звали его сестру, скончавшуюся недавно в Москве. Он ответил:

— Варвара Николаевна.

Тогда я рассказала ему о моём видении. Он был поражён рассказом и немедленно стал поминать свою сестру».

* * *

«Моя племянница Юленька живёт у нас уже семь лет. Я взяла её трёхлетним ребёнком после смерти её матери, моей сестры. Теперь ей исполнилось десять лет. Однажды утром она мне сказала:

— Тётя, я видела во сне мою маму, она обещала прийти ко мне наяву и сказала, чтобы я не боялась её!

Через три дня, утром, Юля учила географию. Вдруг она встала и пошла к двери, как бы к кому-то навстречу, сказав при этом:

— Мама пришла!

Затем она протянула руку и подняла голову, как бы для получения поцелуя, села на стул рядом с кем-то невидимым, сказав, что с ней присела её мать. Юля сказала, что мама велела передать мне то-то и то-то. При этом она говорила о таких вещах, которые ей были неизвестны, а главное — недоступны в её годы. Например, она рассказала факты из прошлого, известные только покойной сестре и мне, и передавала такие рассуждения от её имени, каких ни один десятилетний ребёнок не только не мог бы придумать, но даже и передать толком. Эти явления часто повторялись, и мы уже привыкли к ним.

— Скажи тёте, — сказала она однажды, — что я могла бы стать видимой и для неё, но она не вынесет и может заболеть, поэтому я говорю с ней через тебя. Дети меньше нас боятся, чем взрослые.

Очень часто она просила молиться о ней, как-то раз даже заказала отслужить по ней заупокойную обедню и панихиду. Мы все тогда пошли в храм. Батюшка уже привык к нашим рассказам и перестал им удивляться. Как только началась обедня, Юленька сказала:

— Вот и мама пришла со своей подругой, они встали на колени перед Царскими вратами.

В начале панихиды Юленька сообщила:

— Мама сказала, что ей не такую надо панихиду, а сугубую.

Я подошла к священнику и повторила ему просьбу покойницы, причём спросила, действительно ли существует сугубая панихида.

— Она не так называется, — сказал батюшка, — но всё равно я понимаю, что вам нужно. Это длинная заупокойная служба, отправляемая чаще в монастырях. Хорошо, я отслужу её.

Когда запели: „Со святыми упокой“, Юленька сказала:

— Мама плачет, молится и говорит: „Куда уж мне со святыми! Хотя бы немного успокоиться!“

В одно из своих явлений она сказала Юленьке:

— Твой отец скоро женится, но ты не пугайся, твоя мачеха будет доброй и очень тебя полюбит, даже оставит тебе в наследство всё своё состояние.

Это предсказание полностью исполнилось. Через полгода она сказала, что она больше не будет приходить. Сестра постоянно просила меня молиться за неё, хотя до той поры мы, откровенно сказать, были не особенно богомольны, а после посещений сестры стали часто ходить в церковь».

* * *

К преосвященному Мартиниану, епископу Таврическому и Симферопольскому, пришли настоятель Петропавловской церкви, отец Димитрий, и учитель местной гимназии. Вот что они рассказали владыке.

Недавно ночью учителю приснился сон, что к нему подошёл какой-то офицер с окровавленной повязкой на голове и попросил его задать священнику Петропавловской церкви вопрос: почему тот не молится за него? И почему он не молится тем угодникам Божиим, мощи которых находятся в пожертвованной им иконе, причём прибавил, что 2 августа, на Илию-пророка, этой иконе исполнится двести лет. Видевший сон немедленно пошёл к настоятелю Петропавловской церкви и рассказал ему о своём сне. На это отец Димитрий заметил, что в церкви нет двухсотлетней иконы, так как сама церковь существует меньше ста лет, также в ней нет икон с частицами мощей. Но вскоре он вспомнил, что в храме есть одна икона. Её во время Крымской кампании привёз какой-то офицер и оставил в церкви с условием, что если он вернётся из Севастополя, то заберёт её обратно. Если же не вернётся, то жертвует её храму. Об этом отцу Димитрию рассказал его предшественник, покойный отец Богдан.

Неизвестный офицер не вернулся, и икона осталась в церкви. Это совпадение побудило отца Димитрия осмотреть эту святыню, причём батюшка сказал, что, четырнадцать лет служа в этом храме, он ни разу не открывал этот образ. Они немедленно пошли в церковь.

Икона была написана на кипарисовой доске. На ней были изображены Пресвятая Троица, а также лики нескольких угодников. В особом углублении помещался серебряный крест. Когда его с большим трудом достали, то оказалось, что он раздвигается и в нём находятся частицы мощей святого Лазаря, святого великомученика Феодора Стратилата, святого апостола и евангелиста Луки и святого первомученика и архидьякона Стефана.

Надписи указывали, что тут ещё были другие частицы мощей. Но как они удивились, когда увидели, что внизу креста чуть заметной вязью стояла надпись: «1652 год»! Следовательно, иконе исполнилось двести лет. Когда об этом доложили преосвященному Мартиниану, владыка сделал распоряжение, чтобы в этой церкви ежедневно совершали заупокойные ектеньи о воинах, павших на поле брани за веру, царя и Отечество.

* * *

«Мой брат, офицер гусарского полка, как-то возвращался со своим товарищем домой с вечерней пирушки. Он вышел из экипажа около своего дома, а его товарищ поехал дальше. Брат вошёл в кабинет вместе с денщиком и увидел, что за письменным столом, к ним спиной, сидит его товарищ, с которым он только что расстался. Денщик сказал:

— Я и не заметил, как он вошёл!

Брат посмотрел на сидящего и увидел, что у него искажённое лицо. В ту же минуту слуга товарища прибежал доложить, что его барин только что вернулся домой и неожиданно умер».

«Находясь на службе в Москве, я в начале февраля был командирован в Архангельск. Перед отъездом я написал письмо моей матушке, жившей в Петербурге, прося её заочно благословить меня в путь-дорогу. После этого я спешно уехал. Остановившись на одной станции отдохнуть и не успев прилечь на диван, я, к моему крайнему удивлению, вдруг увидел перед собой мою матушку. Она стояла вместе с моей усопшей сестрой. Поражённый этим удивительным видением, я не мог пошевельнуться, но пристально и, признаюсь, с каким-то непонятным страхом смотрел на них. Матушка перекрестила меня. Я взял спичку, зажёг свечу, и в светлой комнате никого не стало!

Это произошло с 12 на 13 февраля, в третьем часу утра. Прибыв в Архангельск, я получил письмо от зятя с известием, что в ту самую ночь моя матушка скончалась».

* * *

Когда Ломоносов плыл морем из-за границы в своё Отечество, с ним произошло происшествие, которое он не мог забыть. Михаил Васильевич увидел во сне своего отца, выброшенного кораблекрушением на остров в Белом море. Этот остров Ломоносов помнил с детства, потому что они с отцом приплывали к нему.

Лишь только он приехал в Санкт-Петербург, как поспешил узнать об отце у своих земляков. Ему сказали, что он ещё прошлой осенью отправился на рыбную ловлю и с тех пор не вернулся, поэтому считают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов был так поражён этим известием, что дал себе слово отправиться на родину, найти тело несчастного отца на том самом острове, на котором он ему приснился, и похоронить его. Но так как занятия в Санкт-Петербурге не позволяли Ломоносову осуществить это, то он с купцами, возвращавшимися из Санкт-Петербурга на его родину, послал письмо к своим родным.

Его желание было исполнено тем же летом: холмогорские рыбаки, пристав к указанному острову, действительно нашли мёртвое тело Василия Ломоносова, которое и предали земле.

* * *

Графиня Елизавета Ивановна, супруга Владимира Григорьевича Орлова, до замужества была фрейлиной императрицы Екатерины II. Как-то к Елизавете Ивановне пришли её молодые подруги.

Весёлые шутки и смех оживляли их беседу. Елизавета Ивановна случайно устремила свой взор к окну, вскочила с кресла и сказала:

— Батюшка приехал! Он подошёл к окну!

Все побежали в сад, но графа нигде не было. Тогда глубокая печаль поселилась в сердце нежной дочери. Напрасно подруги старались разубедить её, что это ей только привиделось. Молодая графиня повторяла, что она три раза видела своего отца, что сначала сама не хотела верить своим глазам, и продолжала тосковать.

За обеденным столом у императрицы фрейлины подшучивали над легковерной подругой. Когда государыня узнала, над чем они смеются, утешила Елизавету Ивановну:

— Успокойся, твоего отца нет в Петербурге. Он не мог бы приехать сюда без моего позволения. Тебе это показалось. Советую, однако, записать это видение.

Через несколько дней пришло известие из Риги о кончине отца Елизаветы Ивановны. Оказалось, что он умер в тот самый день и час, когда явился дочери.

* * *

«Мой дядя погиб во время войны с турками. Он явился своей матери в минуту смерти. Как-то после обеда она прилегла отдохнуть. Вскоре она выбежала из своей спальни и стала спрашивать у домашних:

— Где он?

— Кто? — спросили её.

— Как кто? Мой сын! Я стала засыпать, вдруг услышала шорох, открыла глаза и увидела, что он тихо проходит мимо дверей моей спальни, чтобы не разбудить меня. Где он? Не прячьте его!

Её уверили, что он не приезжал и что ей это пригрезилось. Вскоре в комнату вошёл её зять. Узнав о случившемся, он призадумался и, достав из кармана записную книжку, записал день и час этого случая. Через две недели было получено письмо, подтверждающее, что мой дядя скончался именно в тот момент, когда он явился своей матери».

Сила покаяния

При греческом императоре Маврикии во Фракии жил один свирепый и жестокий разбойник. Его никак не могли поймать. Император, услышав об этом, послал разбойнику свой крест и велел ему передать, чтобы он не боялся. Если он покается и станет исправляться, то будет прощён. Разбойник умилился, пришёл к царю и припал к его ногам, раскаиваясь в своих преступлениях. Вскоре он заболел, и его поместили в лазарет. Во время сна разбойнику было видение Страшного суда.

Пробудившись и чувствуя приближение своей кончины, он с плачем обратился к Богу:

«Господи, яви и на мне милость Твою! Прими мой плач на смертном одре, прости мои прегрешения!»

Так исповедуясь в течение нескольких часов и вытирая слёзы платком, разбойник умер.

В это время врачу, лечившему разбойника, приснился сон. Он видел, что к постели разбойника пришли чёрные люди с хартиями, на которых были написаны его многочисленные грехи. Потом два прекрасных юноши принесли весы. Чёрные люди положили на одну чашу весов хартии. Эта чаша сильно перетянула, а противоположная поднялась вверх. Святые Ангелы сказали:

— Что мы можем положить, когда он стольких убил? Впрочем, — прибавили они, — всё же поищем что-нибудь доброе!

Один из них нашёл платок разбойника, смоченный его слезами, и сказал:

— Этот платок наполнен его слезами! Положим его на другую чашу, а с ним человеколюбие Божие и посмотрим, что будет!

Как только они положили этот платок на чашу весов, она немедленно перетянула. Ангелы воскликнули:

— Поистине победило человеколюбие Божие!

Взяв душу разбойника, они повели её с собой, а бесы зарыдали и со стыдом убежали.

Проснувшись, врач пошёл в лазарет. Подойдя к постели разбойника, он нашёл его скончавшимся, а платок, наполненный слезами, лежал на его глазах. Те, кто ухаживал за больным, рассказали врачу о покаянии разбойника. Доктор взял этот платок, отнёс его императору и сказал:

— Государь, прославим Бога! И в твоё правление спасся разбойник!

Однако гораздо лучше заранее подготовить себя к смерти и предварить этот страшный час покаянием.

* * *

В Египте жила некая девица Таисия. Оставшись сиротой, она решила превратить свой дом в приют для странников и монашествующих. Так прошло много времени. Наконец её деньги закончились, и она стала терпеть нужду. Постепенно Таисия забыла о благочестии и встала на путь греха.

Отцы, услышав об этом, сильно расстроились. Они призвали старца Иоанна и сказали ему:

— Мы слышали о сестре Таисии, что она разорилась. Когда она была богата, то помогала нам, мы тоже должны ей помочь! Навести её, отец!

Старец Иоанн пришёл к ней и сказал старице, стоявшей на страже у ворот, чтобы она доложила о нём госпоже.

Она ответила:

— Вы, монахи, съели всё её имение!

Старец ответил:

— Скажи, что я буду ей полезен!

Старица доложила о нём.

Юная госпожа ответила:

— Эти иноки, странствуя при Чёрном море, находят жемчуг и драгоценные камни. Приведи его ко мне!

Иоанн пришёл, сел около неё и стал горько плакать.

Она спросила его:

— Почему ты плачешь?

Он ответил:

— Я вижу, что сатана играет на твоём лице, как мне не плакать? Почему ты отошла от Господа и встала на путь греха?

Она, услышав это, затрепетала и сказала ему:

— Отец! Могу ли я покаяться?

Он ответил:

— Да!

— Отведи меня, куда хочешь, — сказала она и, встав, пошла вслед за ним.

Иоанн, заметив, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о своём доме, очень удивился. Когда они дошли до пустыни, уже смеркалось. Он сделал для неё возглавие из песка и такое же другое, па некотором расстоянии, для себя. Оградив её возглавие крестным знамением, старец сказал:

— Спи здесь!

А сам, прочитав свои молитвы, тоже прилёг отдохнуть. В полночь Иоанн неожиданно проснулся и увидел, что образовался некий путь от места, где почивала Таисия, до неба и Ангелы Божии возносят её душу. Тогда он стал будить её, но она уже скончалась. Иоанн упал на землю и услышал голос: «Один час её покаяния больше, чем долгое раскаяние многих, не оказывающих при этом такого самоотвержения».

Церковное поминовение

Рассказ протоиерея

Одна благочестивая старица по имени Параскева рассказала мне следующее событие из своей жизни:

«Мой отец, к несчастью, умер внезапной смертью без исповеди и причастия. Зная, что покойный был человеком грешным, как и все мы, подверженным разного рода немощам, особенно нетрезвости, я в течение сорока дней с особенным усердием молилась об упокоении его души. Я каждый день подавала посильную милостыню нищим, в особенности просила священников вынимать частицы за его упокоение при совершении литургии, а служба у нас,

как знаете, совершается ежедневно. На сороковой день я увидела во сне какую-то большую тёмную комнату, в углу стоял мой отец, только почему-то маленького роста. Он сказал мне:

— Паша, ведь я жив!

— А почему ты такой маленький? — спросила я.

— Мал я за мои грехи, — ответил он, — только ты продолжай молиться Богу за меня, корми голодных, особенно не забывай проскомидию, и я вырасту.

Он говорил что-то ещё, но я не могу вспомнить».

Нужно ли к этому что-нибудь добавить? Ничего, кроме того, что мы обязаны молиться о всех наших усопших, да помилует их Господь по Своей великой милости…

Участие умерших в судьбе живых

«Один архиепископ, страдавший приступами необъяснимой тоски, усердно просил себе помощи у Бога. Однажды во время вечерней молитвы он заметил, что в его комнате появился свет. Вскоре он увидел в нём силуэт своей покойной матери.

— Почему ты так горько плачешь, сын мой? — спросила она. — Понимаешь ли ты, чего просишь у Господа? Богу нетрудно исполнить твоё прошение, но знаешь ли, чего через это ты лишаешь себя? Ты и сам не знаешь, чего себе просишь!

И, дав ему несколько наставлений, она стала невидима».

* * *

«Недавно в Троице-Сергиевой лавре умер иеромонах Симеон, его похоронили с подобающей честью. На следующий день, рано утром, один из его духовных детей сидел у себя на кровати и размышлял о том, что ему надо уйти из монастыря. Но вдруг он почувствовал, что около него кто-то стоит. Подняв голову, он увидел отца Симеона, который, подойдя к нему с весёлым лицом, покачал головой и сказал:

— Хватит тебе греховным помыслам предаваться, борись и сопротивляйся им, а обители обеими руками держись!»

* * *

«Это было давно, когда я ещё учился в коммерческом училище. Я жил на квартире недалеко от училища, а мои родные жили на Васильевском острове. Мой отец служил чиновником на таможне и занимал казённую квартиру около Биржи. Занятый службой, он редко посещал меня. Однажды ночью, когда я ещё не ложился спать и читал учебник, увидел, что дверь в комнату открылась и в неё вошёл мой отец, бледный и печальный. Я совсем не удивился его приходу. Он подошёл ко мне и сказал:

— Сынок, я пришёл тебя благословить… Живи хорошо и не забывай Бога!

Сказав это, отец благословил меня и скрылся, то есть вышел в эту же дверь. Его посещение не удивило меня. Но через час после его ухода ко мне постучали. Открыв дверь, я увидел кучера, приехавшего за мной. Он сказал, что мой отец только что скончался. И действительно, как оказалось, он умер чуть больше часа тому назад, почти в то самое время, когда я видел его у

себя в комнате. Тогда я понял, что меня благословил умерший отец!»

Рассказ государя

«Однажды вечером или, пожалуй, уже ночью, — рассказывал император Павел I, — я в сопровождении князя Куракина и двух слуг шёл по петербургским улицам. Мы провели вечер во дворце и решили прогуляться инкогнито ночью при луне.

Куракин шутил, лунный свет был так ярок, что при нём можно было бы читать письмо, и, следовательно, тени были очень густы.

При повороте на одну из улиц я вдруг увидел в глубине подъезда высокую худую фигуру, закутанную в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он будто ждал кого-то. Как только я миновал его, он пошёл около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Я не мог разглядеть ни одной черты его лица. Мне казалось, что его ноги, ступая на плиты тротуара, производят громкий шум, как будто камень ударялся о камень. Я был изумлён, и охватившее меня чувство стало ещё сильнее, когда я почувствовал ледяной холод в моём левом боку, со стороны незнакомца.

Обратившись к Куракину, я сказал:

— Судьба нам послала странного спутника.

— Какого спутника? — спросил он.

— Господина, идущего слева от меня, которого, кажется, можно заметить по шуму, который он производит!

Куракин изумился и сказал, что около меня никого нет.

— Как? Ты не видишь человека, идущего между мной и стеной дома?

— Ваше высочество, вы идёте очень близко от стены, и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и стеной!

Я протянул руку и нащупал камень. Но всё-таки незнакомец был тут, он шёл рядом, и звуки его шагов, как удары молота, раздавались по тротуару. Я внимательно посмотрел на него. Под шляпой сверкнули блестящие глаза.

— Ах, — сказал я Куракину, — я не могу тебе передать, что чувствую, но только со мной происходит что-то особенное!

Я дрожал не от страха, а от холода. Мне казалось, что кровь стынет в моих жилах. Вдруг раздался глухой и грустный голос:

— Павел!

Я был во власти какой-то неведомой силы и машинально ответил:

— Что вам нужно?

— Павел! — повторил он с ещё большим оттенком грусти.

Я не мог сказать ни слова.

Вдруг незнакомец остановился:

— Павел! Бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился.

— Слышишь? — спросил я его.

— Ничего не слышу, — ответил тот, — решительно ничего.

А я до сих пор помню этот голос! Я сделал отчаянное усилие над собой и спросил незнакомца, кто он и что ему нужно.

— Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе, кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что тебе недолго оставаться в нём. Живи по законам справедливости, и твоя кончина будет спокойной. Бойся укоров совести — для благородной души нет более чувствительного наказания.

Он опять пошёл вперёд, я — тоже. Призрак молчал. Это продолжалось около часа. Где мы шли, я не знаю. Наконец мы оказались на большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. Он пошёл прямо к одному, как бы заранее отмеченному месту площади, где в то время воздвигался монумент Петру Великому. Я, конечно, следовал за ним. Вдруг он остановился.

— Прощай, Павел! — сказал он. — Ты ещё увидишь меня!

При этом его шляпа поднялась как бы сама собой, и я увидел орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку моего прадеда Петра Великого. Когда я пришёл в себя от страха, его уже не было предо мной».

Император и митрополит

Митрополит Платон рассказал следующий случай из своей жизни:

«Когда я служил на Дону, мне явился император Николай Павлович, это было в конце сорокоуста по скончавшемуся государю. Я сидел у себя дома и читал проповедь одного священника. Время приближалось к полуночи. Справа от моего стола была дверь в приёмную, и она была, как всегда, открыта настежь. Вдруг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Я поднял глаза. В дверях во всём своём царском величии стоял государь Николай Павлович, устремив на меня свой орлиный взор. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явление, нет! Я увидел незабвенного государя как живого и затрепетал.

Император проницательно, величественно и вместе с тем добродушно смотрел на меня. Невольно у меня возник вопрос: надо ли мне встать и поклониться? Но как кланяться привидению? А с другой стороны, как не поклониться царю? Я встал, и в этот момент ясный, дивный образ великого царя стал исчезать. До сих пор я не могу вспоминать об этом без слёз».

Предупреждение во сне

Это рассказ наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония:

«17 сентября я пришёл с докладом к митрополиту Филарету. После этого владыка сказал мне:

— Я сегодня видел сон, мне было сказано: „Берегись девятнадцатого числа“.

На это я ему сказал:

— Владыко, разве можно верить сновидениям? К тому же как можно обращать внимание на такое неопределённое указание? Девятнадцатых чисел в году бывает двенадцать!

Выслушав это, он произнёс:

— Это был не простой сон! Мне явился мой отец и сказал эти слова. Я думаю, с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Христовых Тайн.

Через два дня после этого, 19 сентября, на литургии в домовой церкви он причастился Святых Тайн. В октябре он был в Москве и девятнадцатого числа, в четверг, причастился в своей домовой церкви. Вскоре наступил ноябрь, в котором роковое девятнадцатое число приходилось на воскресенье.

Владыка чувствовал себя хорошо, принимал посетителей, занимался делами, иногда выезжал из дому. На неделе перед девятнадцатым числом он принимал одного из своих почитателей, который, прощаясь, передал ему просьбу одной почтенной дамы взять у него благословение.

Владыка сказал:

— Пусть приедет, только до девятнадцатого числа!

Так глубоко засела в нём мысль об этом числе. И вот 18 ноября, в субботу, владыка сказал своему келейнику, что завтра он будет служить литургию в своей домовой церкви, чтобы всё было приготовлено к служению. Старик-келейник заметил старцу-митрополиту, что тот утомится от службы и поэтому, скорее всего, не сможет служить в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Владыка ответил ему:

— Это не твоё дело, скажи, что я завтра служу!

Он отслужил литургию и в тот же день, девятнадцатого числа, скончался».

Затворник

После смерти одного затворника в его бумагах нашли эту запись:

«Глухой ночью, когда всё покоилось в мирной тишине и моя мать почивала на своём ложе, её комната вдруг озарилась ярким светом. Открылась дверь, в неё вошёл духовник моей матери, который умер несколько лет назад. Он нёс большую икону. Батюшка тихо приблизился к постели матери, благословил образом свою духовную дочь и возвестил ей: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Бог даст тебе сына Георгия. Вот тебе образ святого великомученика Георгия!“

Несказанно обрадованная Божиим благословением, она приложилась к иконе и, взяв её в руки, поставила в божницу. На этом видение кончилось».

Этот дивный сон сбылся: у неё родился сын Георгий. Историю чудного сновидения затворник Георгий оканчивает словами: «Всё это я имел счастье слышать от моей матери».

Адские мучения

В одном греческом городе жили два друга. Один из них поступил в монастырь, где проводил жизнь в слезах покаяния. Другой остался в миру, жил беспечно и постепенно пришёл в такое ожесточение, что стал дерзко насмехаться над Евангелием. Вскоре он умер.

Узнав о его смерти, монах стал молить Бога, чтобы ему открылась загробная участь почившего. Через некоторое время в тонком сне иноку явился его друг.

— Хорошо ли тебе? — спросил его монах.

— Горе мне, грешному! Меня пожирает неусыпающий червь, и нет конца мучениям!

— А что это за мучение? — продолжал спрашивать монах.

— Оно невыносимо! — воскликнул умерший. — Нет возможности избежать гнева Божьего! Ради твоих молитв мне дана свобода, и, если хочешь, я покажу тебе моё мучение. Ты бы не смог вынести, если бы я показал его полностью! Можешь увидеть его отчасти…

При этих словах почивший приподнял свою одежду до колена. О ужас! — вся его нога была покрыта страшным червём, съедавшим её! От ран исходил такой зловонный запах, что потрясённый монах в ту же минуту проснулся. Но адский смрад наполнил всю келью, и монах в испуге выскочил из неё, забыв закрыть за собой дверь. Поэтому смрад проник дальше и разлился по монастырю, все кельи наполнились им. Смрад не выветривался, и иноки были вынуждены оставить монастырь и переселиться в другое место. А монах, видевший адского узника и его ужасную муку, всю жизнь не мог до конца избавиться от прилепившегося к нему смрада.

Из области таинственного

Рассказы очевидцев

Этот случай произошёл с прихожанином нашего сельского храма Павлом Васильевичем. У него была большая семья, он еле-еле сводил концы с концами. В Самаре жил его родной брат Сергей. На пятой неделе Великого поста он тяжело заболел и вскоре умер. Так как железной дороги в то время ещё не было, Павел не успел попасть на похороны к брату.

Наступила Пасха. В первый день праздника, около десяти вечера, Павел Васильевич пил чай у себя дома. Вдруг входная дверь открылась, и в комнату вошёл покойный Сергей Васильевич. Он перекрестился, подошёл к Павлу и сказал:

— Христос воскресе, Паша!

Тот очень испугался, но Сергей успокоил его:

— Не бойся меня!

Затем он сел рядом с братом на диван.

— Когда меня похоронили, сестра взяла себе моё имущество, а тебе ничего не оставила. Но она не знает про тайник — у меня в сундуке двойное дно, оно сделано незаметно, и его трудно найти. Возьми себе этот сундук, в нём лежат сто пятьдесят рублей и расписка князя Голицына

на девяносто рублей. Он тебе отдаст деньги.

После этого Сергей встал, попрощался с братом и пропал. А Павлу Васильевичу оставалось проверить правдивость слов брата. В воскресенье на Фоминой неделе он прибыл в Самару. Придя к сестре, Павел расспросил о последних днях брата, а также о том, в чём его похоронили. Она описала его одежду, и Павел понял, что брат явился ему в той одежде, в которой его положили в гроб. Он узнал, что Сергей сподобился причаститься и пособороваться перед кончиной и умер по-христиански.

Сестра сказала, что из имущества Сергея остался только пустой сундук. Павел попросил его себе на память, и сестра охотно отдала его. Когда он привёз сундук в гостиницу и стал осматривать его дно, то действительно обнаружил тайник. Оказалось, что тонкая дощечка сверху дна привинчивалась к настоящему дну и поднималась, а под ней оказались ассигнации на сумму сто пятьдесят рублей и расписка князя Голицына на девяносто рублей. С этой распиской он пришёл к князю, и тот, не сказав ни слова, выдал ему деньги.

* * *

Это рассказ поручика гвардейского полка Николая Рогозина:

«За полтора года до кончины Алексея Петровича Ермолова я приехал в Москву к нему в гости. Погостив несколько дней, я стал собираться в обратный путь к месту моей службы. Прощаясь, я не мог удержаться от слёз при мысли, что, скорее всего, мы с ним видимся в последний раз. Он был уже очень стар, а я должен был вернуться в Москву не раньше чем через год. Заметив мои слёзы, Алексей Петрович сказал:

— Полно, я не умру до твоего возвращения сюда!

— Это знает только Бог, — ответил я ему.

— Я тебе точно говорю, что не умру через год!

Видимо, на моём лице отразилось сильное изумление, даже страх за нормальное состояние всегда светлой головы Алексея Петровича.

— Я тебе сейчас докажу, что я ещё не сошёл с ума!

С этими словами он отвёл меня в свой кабинет, достал из ящика исписанный лист бумаги и поднёс его к моим глазам.

— Чьей рукой написано? — спросил он меня.

— Вашей, — ответил я.

— Читай!

Это было похоже на краткую биографию Алексея Петровича. Там были указаны даты, когда произошли основные события его жизни. Он следил за мной и, когда я заканчивал чтение, закрыл рукой последние строки.

— Этого читать тебе не следует, — сказал он, — тут стоит точная дата моей смерти. Всё, что ты прочёл, написано давно, и всё сбылось до мельчайших подробностей. Вот как это случилось. Когда я был ещё подполковником, меня отправили в маленький уездный городок. Там мне

пришлось много работать. Моя квартира состояла из двух комнат: в первой расположились писарь и денщик, во второй — я. Войти в мою комнату можно было только через соседнюю. Однажды я засиделся за работой до ночи. Закончив писать, я закурил трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Когда я поднял глаза, увидел какого-то неизвестного человека. Прежде чем я успел спросить, кто он и что ему нужно, незнакомец сказал:

— Возьми лист бумаги, перо и пиши!

Я так растерялся, что выполнил его приказание. Тогда он продиктовал мне всё, что должно было произойти в течение моей жизни, а закончил днём моей смерти.

После этого он исчез, но как и куда — я не понял. Прошло несколько минут, прежде чем я опомнился. Я подумал, что надо мной подшутили. Вскочив, я бросился в соседнюю комнату, миновать которую незнакомец не мог. Там я увидел, что писарь сидит за столом, а денщик крепко спит на полу, у самой входной двери, которая оказалась закрытой на ключ. На мой вопрос: кто сейчас отсюда выходил? — удивлённый писарь ответил, что он никого не видел.

— До сих пор я никому не рассказывал об этом, — сказал Алексей Петрович, — зная наперёд, что одни подумают, что я выдумал это, а другие сочтут меня ненормальным. Но для меня это факт, не подлежащий сомнению, видимым доказательством которого служит вот эта бумага. Теперь, надеюсь, ты не будешь сомневаться в том, что мы ещё раз увидимся.

Действительно, через год мы опять встретились. После его смерти я нашёл эту таинственную рукопись и увидел, что дата кончины Алексея Петровича совпала с той датой, которую ему предсказал таинственный незнакомец…»

* * *

В Севастополе служили два офицера, они были очень дружны, многие даже считали их родными братьями. Как-то один из них, отправляясь в очередную военную экспедицию, пришёл к своему товарищу попрощаться и сказал:

— Послушай, я отправляюсь в море. Мало ли что может случиться. Дай мне слово выполнить то, о чём я тебя попрошу!

— Можешь ли ты сомневаться во мне? — ответил ему друг. — Скажи, что ты хочешь?

— В случае моей смерти женись на моей вдове и стань отцом моему сыну!

— Помилуй! Ты, наверное, бредишь! Экспедиция твоя короткая, ты скоро вернёшься!

— Давай не будем спорить, я прошу тебя, и ты должен дать мне слово!

— Хорошо, если тебе это так важно для твоего спокойствия…

Друзья расстались. Через несколько месяцев офицеру приснился сон, в котором его уехавший друг сказал ему:

— Ты должен выполнить своё обещание и жениться!

Проснувшись, он не обратил внимания на этот сон. Между тем об экспедиции ничего не было слышно. Вскоре ему опять приснился такой же сон, в котором друг напоминал ему об обещании. Через несколько дней в Адмиралтейство пришло сообщение, что его друг утонул.

* * *

Этот случай произошёл в небольшой деревеньке на юге Украины. Там жил зажиточный крестьянин Иван Сердюк. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, он сильно заболел и вскоре умер. У него остались жена и двадцатилетний сын Антон.

Через два месяца после смерти мужа однажды ночью его вдова проснулась и услышала, что в избе кто-то плачет. Кроме неё и сына, там никого не было. Прислушавшись, она узнала голос покойного мужа. Женщина встала, зажгла лучину и действительно увидела Ивана. Он стоял около спавшего сына и горько плакал. Она, несмотря на сильный испуг, всё же собралась с духом и спросила его:

— Иван, зачем ты пришёл и почему рыдаешь над сыном?

— Как мне не плакать, ведь ты за ним не смотришь!

— Как так?

— А так! Антон полюбил католичку и хочет с ней обвенчаться!

— Это, Иван, неправда!

— Мне ведь всё известно, поэтому ты лучше не спорь со мной, а поговори с сыном! Может быть, ты, как мать, урезонишь его. Если же ты не успеешь его отговорить, то через десять дней я возьму его к себе!

Она зарыдала, и проснулся сын. Видение сразу исчезло. Мать стала расспрашивать Антона, правда ли, что он полюбил ту девицу. Он сначала отказывался, а потом признался. Её родители ни за что не разрешили бы ей выйти замуж за православного, поэтому они решили тайно сбежать в Галицию и обвенчаться в католическом храме. Бежать они задумали через десять дней.

Наконец наступил роковой день. Рано утром, пока мать спала, Антон тихо вышел из избы. Невеста уже поджидала его за рекой. Когда он выводил лошадь, она вдруг сильно лягнула его. Антон потерял сознание, а вечером скончался…

* * *

Это произошло в Филадельфии. К одному врачу как-то вечером, когда он уже закончил приём, пришла худенькая, бледная девочка. Она была одета в старое пальто и закутана большим платком. Девочка обратилась к доктору:

— Пожалуйста, навестите мою мать, она очень больна!

Врач записал их адрес и хотел сразу пойти туда. Когда он поднял голову, девочки в комнате уже не было. Быстро открыв дверь, он выбежал на улицу, но там её тоже не было.

Удивлённый её быстрым исчезновением, он отправился к больной. Скоро он нашёл их дом и постучал в дверь. Её открыла женщина.

— Я врач, — сказал он, — вы посылали за мной?

— Нет, не посылала, — ответила она.

Доктор подумал, что он ошибся адресом, и спросил:

— У вас есть дочь?

На этот вопрос женщина ответила не сразу, в её глазах блеснули слёзы.

— У меня была дочь, но она умерла сегодня утром.

— Как умерла? Где же лежит её тело? — спросил доктор.

— В соседней комнате.

Сын больной отвёл туда доктора, и он узнал в умершей девочку, которая звала его к больной матери…

* * *

«Однажды моя шестнадцатилетняя сестра Ирина поехала в гости к своей подруге Анне, дочери священника. Анна жила в небольшом городке под Москвой. Через две недели мы с отцом поехали за сестрой.

В село мы попали вечером, около десяти часов, батюшки не было дома. Я прошёлся по их красивому, тенистому саду и присел на лавочку около дома. Вскоре я увидел высокую, стройную женщину, идущую к дому по аллее. Поравнявшись со мной, она посмотрела на меня с улыбкой и вошла в дом через крыльцо, которое выходило в сад. Это было около одиннадцати часов вечера. Через несколько минут я побежал к веранде, где сидели мой отец и девушки.

— Какая-то дама вошла в дом через садовое крыльцо! — сказал я.

Сестра и её подруга переглянулись и как будто встревожились, поэтому отец спросил их, почему они беспокоятся. Девушки ответили, что, судя по моему описанию и по одежде, эта женщина — покойная матушка, которая приходит ежедневно в дом и все её видят. Так как мой отец не верил в такие явления, то он лишь посмеялся над ними.

Батюшка долго не возвращался домой, и мы сели пить чай без него. Мы расположились в гостиной, а сестра Ирина заваривала чай в соседней комнате, так что мы её видели из гостиной. Вдруг она вскрикнула и уронила горячий чайник. Отец встревожено спросил её:

— Что случилось?

Сестра ответила, что только что мимо неё прошла матушка. Напившись чаю, мы не стали дожидаться хозяина дома и легли спать. Я лёг в одной комнате с отцом, рядом с кабинетом священника, а девушки — в соседней комнате. Около двух часов ночи я проснулся, сам не знаю отчего, и услышал голоса из кабинета батюшки. Мужской голос сказал:

— Почему ты сегодня так поздно пришла?

— Я была здесь раньше, — ответил женский голос, — видела наших гостей, но побоялась их испугать. Потом я хотела поблагодарить Ирину за её дружбу с нашей Аннушкой, но она так испугалась, когда я прошла мимо неё, что уронила чайник и наделала много шума. Нам строго запрещено являться тем, кто нас боится, иначе могут запретить дальнейшие свидания с живыми!

Услышав это, я очень испугался, потому что понял, что батюшка разговаривал со своей

покойной супругой! Поэтому я подбежал к постели отца, но он сказал, что не спит и всё слышит.

На следующий день за утренним чаем мой отец стал спрашивать батюшку, что было вчера ночью в его кабинете.

— Я, как честный человек и служитель святого алтаря, свидетельствую перед вами, что нахожусь в духовном общении со многими умершими, в том числе и с моей женой. Усопшие часто обращаются ко мне с просьбами молиться за них, потом лично благодарят меня. Моя покойная жена почти каждый день посещает мой дом и интересуется всем, как живой человек. Когда я спрашиваю её о загробной жизни, она каждый раз уклоняется от прямых ответов, говоря, что им, умершим, запрещено отвечать на вопросы живых, особенно на праздные».

Рассказ вдовы

В наш век безверия часто можно услышать, что некоторые лишают себя жизни. Это происходит оттого, что перестали молиться, поститься, иссякла вера в Бога, появились мысли, что после смерти всему придёт конец: и горю, и бедности, и разным бедам, — а о будущей жизни и не помышляют. Для вразумления некоторых хочу рассказать этот случай.

Мой муж скончался после непродолжительной болезни. От горя я слегла. Первые три дня его гроб стоял в соседней комнате. Когда служились панихиды, я просила открывать дверь в мою комнату, чтобы слышать слова молитв. На третий день вечером певчие забыли ко мне прийти и открыть дверь. Вдруг я услышала голос моего мужа:

— Дорогая, привстань, помолись за меня, панихида уже началась!

Я так обрадовалась, услышав голос мужа, что ответила ему, как живому:

— Сейчас я буду за тебя молиться, но где же ты?

Посмотрев направо, откуда был слышен голос, я никого не увидела. Тогда я стала вслушиваться: действительно, шла панихида, — и я стала усердно молиться. Мне стало легче на душе, когда я поняла, что муж рядом.

Это чудо настолько меня поразило, что я до сих пор не могу вспоминать о нём без слёз… Вдруг услышать голос умершего человека! При жизни муж много читал о явлении усопших, говорил, что, если будет возможно, он мне докажет, что душа бессмертна. Если мой добрый муж, который сподобился христианской кончины: он несколько раз перед смертью причащался, пособоровался, просил молитв, — то что же будет с людьми, погубившими себя насильственной смертью?! Об этом страшно подумать. Может быть, мой правдивый рассказ коснётся сердец заблудших, которые в искушениях прибегнут к Господу с молитвой и желанием всё терпеть, чтобы получить блаженную вечную жизнь, где нет ни плача, ни печали, ни воздыхания. Помоги им, Господи!

Необыкновенные сны

Из писем сельского священника

Недавно одна крестьянка, Ксения Трофимова, рассказала мне свои сны, которые настолько поучительны, что я считаю нужным рассказать о них. Ксении сейчас тридцать семь лет, она замужем, имеет пятерых детей. Когда она была молодой девушкой, часто ходила в

паломничества, помогала в храме. Её родители перешли в раскол, к этому же принудили и Ксению. Но девушка не принимала их веру. Когда пришла пора выходить замуж, Ксения отказала раскольникам, а вышла за православного вдовца. Перед свадьбой к ним на посиделки пришёл один из отвергнутых ею женихов и, пройдя мимо неё, злобно сказал:

— Что? Не захотела выйти за раскольника, пошла за православного? Как выйдешь, так и будешь всё время болеть!

После его ухода Ксения стала искать иголку для вышивания, но нигде не могла её найти. Когда она стала ложиться спать, почувствовала, что что-то колет ей голову, позвала подругу, и та вытащила из её волос потерянную иглу. Надо сказать, что говоривший с ней раскольник даже близко не подходил к столу, где лежала игла…

Выйдя замуж, Ксения действительно стала постоянно болеть. Её возили к разным врачам, но она не получила от них никакой помощи. Тогда ей сказали, что её болезнь на неё наслал тот человек, который приходил к ней на посиделки перед свадьбой. Якобы по его приказанию нечистый засунул иголку ей в косу. После этого Ксения ездила к уфимскому страдальцу Михаилу Ивановичу Безрукову, которому она жаловалась на свою боль, но он, как только увидел её, сказал:

— Как тебя Господь-то любит, как Он, милостивый, тебя любит! — И не велел ей лечиться.

Несколько лет назад Ксения видела во сне своего умершего отца.

— Хорошо ли тебе? — спросила она его.

— Мне неплохо, — ответил он.

— А тебя не мучают за твою веру? — удивилась Ксения.

— Я же не отрекался от Христа, — ответил отец.

— А за сквернословие?

— Я в этом покаялся, но мне плохо за мелкие грехи, которые я и грехами-то не считал!

Затем он добавил:

— Мы все с трепетом ждём Страшного суда…

Сон, о котором я ещё хочу рассказать, касается снохи Ксении — Агафьи… Муж Агафьи был горьким пьяницей, он и её приучил к этому. К сожалению, она редко ходила в храм, не соблюдала супружеской верности, обижала сирот. Умерла Агафья в возрасте сорока пяти лет. За три года до смерти она заболела: у неё на ногах открылись гнойные раны, и она сильно мучилась. Перед смертью её соборовали.

И через пять лет после смерти Агафья неожиданно приснилась Ксении. Вот что она мне рассказала:

«Я увидела себя в церкви. Мне показалось, что она стоит алтарём на запад, иконы были какие-то тусклые, народ незнакомый. Вдруг я увидела в углу мою сноху Агафью, по-праздничному одетую. Я подошла к ней и хотела поздороваться, но вспомнила, что она умерла, поэтому сказала:

— Простите меня, я ошиблась. Я думала, что вы моя сноха, а теперь вспомнила, что она умерла!

— Нет, ты не ошиблась, — сказала мне она, — я и есть Агафья, твоя сноха.

— Но ведь ты умерла!

— Да, я давно умерла!

— А как же ты сюда-то попала?

— А я на работах была, нас ведь на работу гоняют.

— А разве покойники работают?

— Конечно, это кто что заслужит! Вон праведники заслужили себе Царство Небесное, поэтому и не работают, а мы находимся под властью князя тьмы, нас заставляют работать. Это невыносимо трудно, а когда мы отдыхаем, нас сажают в тёмный угол.

— Неужели Господь тебя так и не простит, так ты и будешь тут находиться?!

— Так и буду здесь, наша молитва Богом не слышна, не слышит Господь загробной молитвы!

— А как тебе можно помочь?

После этого вопроса Агафья показала ей небольшую корочку ржаного хлеба, чёрного-чёрного, и сказала:

— Если ты возьмёшь хотя бы такую корочку хлеба, разломишь её и раздашь нищим с просьбой, чтобы они помянули меня, то и тогда мне будет большая отрада!

Ксения, увидев хлеб в руках у Агафьи, удивилась, откуда он у неё взялся, и спросила:

— А вас и хлебом кормят?

— Да, кормят, только не такой пищей, что у вас. Нам и спать дают, и мы отдыхаем. Только трудно под их властью-то быть!

— Если я подам за тебя милостыньку, то ты можешь от него уйти?

— Нет, не сразу!

— А как же тебя освободить?

— Вам тяжело будет.

— Как?!

— Надо отслужить обедню и панихиду, тогда я буду свободна. А если не отслужите, то я останусь навечно здесь…

Помолчав немного, она жалобно сказала:

— Отслужи обедню-то, пожалуйста! Спасибо, что меня соборовали, мне большая помощь была, а если бы не соборовали, то я была бы в геенне.

— Разве есть другие муки?

— Да, эти места расположены ниже нашего. Одно — геенна, а другое — тартар.

— А Иван, кум твой, с вами?

— Разве он умер?

— Умер!

— А я про него и не слышала.

— А разве вы можете знать о других?

— Конечно! Когда идёт блаженная душа, мы её видим, завидуем, а когда к нам идёт такая же, как мы, встречаем её и скорбим. А о тех, которые находятся ниже нас, мы ничего не знаем».

На этом Ксения проснулась…

Удивительный случай

«Лет пятнадцать назад я заведовал складом военных припасов в окрестностях Петербурга. Неожиданно со склада пропали вещи на довольно значительную сумму. Самые тщательные розыски, произведённые по горячим следам, ничего не дали.

Моё положение было катастрофическим. Даже если бы я занял у кого-нибудь деньги на покрытие пропажи, то мне пришлось бы их отдавать в течение нескольких лет. А у меня на руках после смерти жены остались малолетние дети. Я не знал, что предпринять…

Одна из наших знакомых, набожная старушка, посоветовала моей супруге (я был женат вторично) отслужить молебен в часовне, находящейся при Вознесенской церкви под Петербургом, в которой, по её словам, находится икона святого, молитва которому помогает в поисках пропавших вещей. Утопающий, как говорится, и за соломинку хватается, а мы с женой были верующими, поэтому совет старушки пришёлся нам по душе.

На следующий день супруга поехала в храм, а я с детьми и тёщей, матерью моей второй жены, остался дома.

Дело было летом, ночи были довольно светлые, и я долго сидел в гостиной, размышляя, что мне делать. Наконец, утомившись, я пошёл в детскую, проверить детей. После этого я отправился к себе в комнату и уже хотел лечь спать, как вдруг сквозь неплотно прикрытую дверь увидел в гостиной какой-то свет.

Думая, что я забыл потушить свечу, хотел пойти в гостиную, но в этот момент неслышно открылась дверь, и на пороге с горящей свечой появилась моя покойная жена. Странно — я не только не испугался её, но даже и не удивился этому, как будто это был совершенно естественный факт.

— Здравствуй! — сказала она и подошла ко мне, держа свечу в руке.

Я с горечью произнёс:

— Ты знаешь, что у меня случилось?

— Знаю, — ответила она, — но не беспокойся, я помогу тебе!

Когда я стал умолять открыть мне имя вора, она отказалась это сделать, говоря, что поможет мне перенести это горе.

— Ты не сердишься, — спросил я, — что я так скоро женился?

— О, нет, напротив, это ты хорошо сделал, детям нужна мать, а твоя жена — хорошая, добрая женщина!

Ещё она очень благодарила нас за молитвы о ней.

— Вы, живущие, — сказала она, — не можете понять, что мы чувствуем, когда вы за нас молитесь!

Я забыл сказать, что во время этого разговора она поставила свечу на мой стол и вокруг неё накапал воск. Потом мы стали говорить о детях. Я спросил её, почему она не хочет на них посмотреть.

— А я их часто навещаю, — ответила она.

В это время раздался голос моей тёщи:

— С кем ты разговариваешь?

— Прощай, — сказала жена, — никто не должен видеть меня с тобой!

Я хотел задержать её, но шаги тёщи уже приближались, и когда я снова обернулся назад, то ни жены, ни света уже не было, и в комнате царила полутьма летней ночи.

Тёща была удивлена, что слышала голоса, но никого не застала, кроме меня. Что это было, я до сих пор не могу объяснить. Конечно, могут сказать, что это простое видение, но вот что странно: осмотрев стол, на котором стояла свеча, я заметил следы воска… Ещё я вспомнил слова жены о том, что она часто навещает детей.

Недели за три до этого таинственного случая нянька рассказала мне, что она уже два раза, входя в комнату спящих детей, была испугана присутствием какой-то женщины. Она стояла около кроваток детей и при появлении няньки сразу исчезала. Эта женщина работала у нас недавно, она не знала мою покойную жену. Когда я попросил её описать внешность являвшейся женщины, то оказалось, что она полностью совпадает с портретом моей первой жены».

Клад

У Спиридона, епископа Тримифунтского, была дочь Ирина. Один их родственник отдал ей на сохранение драгоценное украшение. Чтобы вещь не потерялась, Ирина закопала его в землю. Через некоторое время девица умерла.

После смерти Ирины этот родственник стал просить свою вещь у святителя Спиридона. Старец, сочувствуя ему, пошёл на могилу дочери и там со слезами умолял её указать, где она спрятала данное ей на хранение драгоценное украшение. Девица тотчас же явилась отцу и указала место, где было закопано украшение, и опять стала невидима.

Печальный призрак

Граф и графиня Разумовские владели большим имением в Псковской губернии, которое досталось им по наследству. Несколько лет тому назад, когда они в первый раз приехали в своё новое имение, их предупредили, что дом со времени смерти старого графа каждый день посещает призрак. Эти рассказы их не смутили, и они спокойно поселились в этом доме. В их спальне было две двери: одна вела в длинный коридор, а другая — в нежилую комнату, которая тоже выходила в этот коридор.

Вскоре после того, как одна из этих дверей была заперта на ключ, графиня услышала какой-то шорох возле неё. Когда она прислушалась, то поняла, что кто-то пытается открыть её. Графиня зажгла свечу, и они с мужем увидели, что дверная ручка шевелится. Граф со свечой в руке вышел во вторую дверь. В коридоре он увидел, что возле двери стоит какая-то человеческая фигура. Подойдя ближе, он узнал своего покойного дядю. Он был одет так же, как и при жизни. Граф невольно воскликнул:

— Дядя, откуда вы здесь?!

Призрак печально посмотрел на него и исчез. Только тогда граф вспомнил, что дяди нет в живых...

Игумен Власий

Во время ночной молитвы игумен Власий был внезапно восхищен в рай. Он оказался в дивном цветущем саду. Там он увидел монаха своего монастыря Евфросина, сидящего под деревом на золотом престоле. Власий подошёл к нему и спросил:

— Это ты, Евфросин? Что ты здесь делаешь?

— Я поставлен тут от Бога сторожем, — ответил он.

— А ты можешь дать мне что-нибудь, если я у тебя попрошу? — спросил старец.

— Могу!

Тогда Власий, показав рукой на яблоню, сказал:

— Дай мне, пожалуйста, три яблока.

Евфросин сорвал три яблока и подал их игумену. Старец принял их в мантию и тотчас пришёл в себя — он опять оказался в келье, а в мантии лежали три яблока.

Скоро зазвонили к утрене. После богослужения игумен сказал братии, чтобы никто не выходил из церкви.

Позвав Евфросина, он спросил его:

— Сын мой, где ты был этой ночью?

Евфросин смиренно молчал. Игумен не переставал его допрашивать, тогда Евфросин ответил:

— Там, авва, где ты меня видел.

— А где я видел тебя? — опять спросил старец.

Евфросин ответил:

— Где просил у меня три яблока, в раю. И я тебе их дал, а ты принял.

— Вот эти три яблока, полученные мной в Божием раю, — продолжал игумен, показывая их братии. — Этой ночью Бог сподобил меня быть там!

Яблоки были разделены между братией, и те, кто был болен, после вкушения райских плодов выздоровели.

Предсмертное видение

Рассказ диакона

В нашем Петровском храме более двадцати лет служил старостой Пётр Иванович Белов. Когда он в очередной раз заболел простудой, не обратил на это внимания, но болезнь сама не проходила, и скоро он слёг. Его состояние быстро ухудшалось, и он впал в бессознательное состояние. В таком положении он пробыл четыре часа. Потом он неожиданно очнулся и спросил:

— Где икона «Знамения» Божией Матери?

Его жена, перекрестив больного, сказала:

— Пётр Иванович, что с тобой?

Помолчав немного, он ответил:

— Послушайте, что я вам расскажу.

И, перекрестившись, начал говорить:

— Я ещё жив! Слава Тебе, Господи, что я ещё жив! Я видел, как моё грешное тело перенесли в гробу в нашу Преображенскую церковь и отпели. Потом из церкви меня понесли на городское кладбище. Когда стали подходить к могиле, ко мне навстречу вышли покойные родители и наши умершие дети. Они закричали: «Папенька! Мы здесь давно вас ждём!» Когда же мой гроб хотели опустить в могилу, вдруг появился какой-то монах и сказал: «Остановитесь! Он должен умереть через десять дней, 14 ноября, на праздник Космы и Дамиана, в четыре часа дня». Как только он закончил свою речь, я увидел над собой икону Божией Матери «Знамение» с распростёртыми надо мной руками. Я хотел поцеловать образ и вдруг ожил.

Рассказ больного поразил многих, все хотели узнать, сбудутся ли слова монаха. На следующий день больной причастился и пособоровался. Через пять дней он во второй раз причастился. За день до его кончины родные, не спросив больного, хотели пригласить священника, но Пётр Иванович умолял отложить это до утра. Так и сделали. После ранней литургии он в день своей кончины в третий раз был удостоен причащения Святых Тайн, причём над ним прочитали и отходную молитву. Затем больной благословил детей, попрощался с родными и мирно отошёл ко Господу в час, предсказанный ему в видении.

Гость из загробного мира

Из записной книжки умершего инока

«В восьмидесятых годах прошлого века я был в числе братии Троице-Сергиевой лавры. Вместе со мной здесь же жил и смиренный, неграмотный монах Смарагд, из крестьян Рязанской губернии. Он проходил послушание при свечном ящике Троицкого собора. Единственным его собеседником был иеромонах Григорий, по просьбе Смарагда писавший иногда письма его родному брату, крестьянину. Смарагд помогал своему брату чем мог и считал это своей обязанностью. Однажды отец Смарагд в течение нескольких дней не показывался в церкви. Когда я спросил, почему его так долго не видно, мне ответили, что он мирно предал свой дух Господу, напутствованный Таинствами Святой Церкви.

Отца Смарагда похоронили на лаврском братском кладбище и понемногу стали забывать о нём. Прошло уже более сорока дней после его кончины. Однажды, в холодный зимний вечер, после вечернего богослужения, мы сидели вдвоём с отцом Григорием в его тёплой, уютной келье, разбирая только что полученные им журналы и беседуя о помещённых в них статьях. В одиннадцать часов вечера я пожелал ему спокойной ночи и удалился в свою келью.

Утром отец Григорий сказал мне:

— А я вчера ночью чуть было не побежал к тебе, и только Господь укрепил меня в решимости остаться в своей келье.

— Почему? — спросил я.

— Когда ты ушёл, — продолжал он, — я прилёг отдохнуть, оставив в зале на столе горящую лампу. Вдруг инстинктивно почувствовал, что в комнате есть кто-то посторонний. Поднял глаза и увидел в дверях стоящего в мантии и клобуке покойного отца Смарагда. Он молчал, молчал и я, не чувствуя ни страха, ни смущения.

— А я к тебе, отец Григорий, — сказал он.

— Ведь ты же, отец Смарагд, умер, каким же образом оказался здесь?

— Умер я телом, — ответил он, — а душой, по милости Божией, жив.

— Как ты себя чувствуешь там?

— Слава Богу, хорошо. Потрудись, отец Григорий, написать брату о моей кончине, пусть помолится с домашними обо мне!

— С радостью исполнил бы твоё желание, отец, но письмо с адресом давно потерял.

— Это письмо лежит в нижнем ящике твоего письменного стола, под бумагами. Найди его, пожалуйста!

— Хорошо, обязательно найду, — пообещал я. — А видел ли ты кого-либо из святых Божиих?

— Был я у святителя Димитрия Ростовского и получил его благословение.

— А видел ли ты Бога?

— Видел и поклонился Ему.

— Умоляю тебя: скажи, есть Бог?

Но, очевидно, мой вопрос был настолько дерзок, что отец Смарагд или не мог, или не хотел ответить на него. Приложив палец к устам, он безмолвствовал. И в этот момент он стал невидим.

Только теперь я почувствовал сильный страх. Был момент, когда я чуть не побежал в твою келью, но, устыдившись своего малодушия и осенив себя крестным знамением, остался у себя. Желая проверить слова отца Смарагда о письме, я заглянул в ящик стола и действительно нашёл там письмо: оно спокойно лежало под бумагами, давно мною забытое…»

Мне рано умирать!

«На Светлой неделе я заболела дифтеритом и была отправлена в городскую больницу. На следующий день, когда я лежала в постели и стала засыпать, ко мне неожиданно явился покойный отец. Он подошёл, взял меня за руку и повёл за собой. Очень скоро мы оказались на кладбище. Отец сказал мне:

— Ты скоро умрёшь, дочка!

— Я не хочу умирать! — ответила я.

— Почему?

— Я ещё молодая, хочу жить.

— Хорошо, я возьму дедушку, если на это будет воля Господня.

— А скоро дедушку возьмёшь? — спросила я.

— Я тебе потом скажу.

— Но скоро ли? — опять спросила я.

— Нет, не скоро. — После этого отец с любовью посмотрел на меня и сказал: — Хорошо ты делаешь, Анюта, что зажигаешь лампаду перед святыми иконами. А вот о моей могиле никто из вас не позаботился, хотя бы ячмень на ней посеяли…

— Я скажу маме, и мы обязательно посеем!

После этого отец взял меня за руку, и мы с ним пошли вперёд. Сначала дорога была каменистая, потом началась тропинка, покрытая красным блестящим песком. Скоро мы оказались перед большими, высокими воротами, на них было много икон, а сбоку стояли два монаха. Я вошла вместе с отцом в эти ворота. Тут нас встретило очень много детей, среди них я увидела своих братьев и сестёр, умерших в разное время. Все они поцеловались со мной. Мы пришли к большой белой церкви. Иконостас блестел, в нём было много икон, Царские врата были раскрыты. На клиросах стояло много Ангелов. Все пели „Христос воскресе из мертвых“. Кроме Ангелов и монахов, в храме никого не было. Я стала молиться перед иконой Божией Матери. Потом отец взял меня за руку, и мы вышли из церкви. Тут я увидела яркий свет, не похожий на солнечный. В это время отец велел мне поклониться. Я поклонилась.

— Почему мне велели поклониться?

— Тебя Господь благословил, — ответил отец.

Тут нас опять встретили дети, и мы пошли дальше. Деревьев вокруг было очень много. Дети срывали с них плоды и давали мне.

Я спросила их:

— Что вы здесь делаете?

— Богу молимся, в церковь ходим, поем, звоним на колокольне.

— А за кого вы молитесь? — спросила я. — За тех, кто за нас молится.

— Чем вы здесь питаетесь?

— Молитвами, когда нас поминают.

— Какими молитвами?

— Какие бывают на проскомидии.

— А когда вас не поминают, тогда чем питаетесь?

— Когда ты придёшь к нам, тогда всё узнаешь.

Тут все дети стали просить меня, чтобы я осталась у них, но я не хотела оставаться.

Отец позвал меня:

— Пойдём!

Я стала прощаться с детьми, брала их за руки, а они меня целовали.

Когда мы пошли дальше, я стала расспрашивать папу:

— А вы спите здесь?

— Зачем нам сон? Спит наше тело, а душа-то не спит!

— Разве ночей здесь не бывает?

— У нас всегда светло.

— А холодно бывает?

— Здесь нет ни холода, ни жары.

Через какое-то время мы вышли на мрачную каменистую дорогу. Чем дальше мы шли, тем темнее становилось, вокруг было сыро и холодно, нас окружал смрад. Тут я увидела много людей. Некоторые из них сидели за какими-то перегородками, и все они плакали. У многих женщин, склонивших головы, одежда была мокрая от слёз. Я узнала некоторых знакомых и свою крестную мать, умершую два года тому назад. Увидев меня, она хотела подойти ко мне, но кто-то невидимо удержал её и не пускал. Она опять села и заплакала. Я спросила:

— О чём ты плачешь?

— О том, что обо мне никто не молится!

— Хорошо ли тебе здесь?

— Нет, — ответила она.

Я хотела ещё с ней поговорить, но папа повёл меня дальше. Мы шли как будто под гору, всё время вниз. Там было темно, и вдруг я увидела впереди огонь, выходивший откуда-то снизу, и сильно испугалась. Отец сказал мне:

— Ничего не бойся!

Я спросила его:

— Что это за люди внизу?

— Грешники, — ответил он.

Вдруг я очнулась… Я лежала в постели, около меня никого не было».

Пожар

В городе Староконстантинове стояла войсковая часть. Неизвестно, по какой причине солдат разместили невдалеке от порохового погреба. Было ли это неосмотрительностью или необходимостью, неизвестно. В части располагалась кухня, печь в ней была устроена по-походному, в земле. Она примыкала к пороховому погребу. Случилось так, что искра из печки попала в погреб. Конечно, все, у кого хватило присутствия духа, бросились к погребу, чтобы предотвратить страшную беду.

Кто не знает храбрости нашего солдата, кто не знает его решимости пожертвовать своей жизнью ради выполнения долга? И в этот раз солдаты сделали многое, но не всё: им не удалось погасить пожар. Город запылал. Широкой рекой пламя потекло по улицам. Стояло жаркое лето, огонь пожирал хижины, деревянные дома и даже каменные строения.

В стороне от огненной реки стоял большой каменный дом, крытый железом. Его хозяин, гордый пан, спокойно сидел на балконе, насмешливо смотрел на несчастных погорельцев и говорил:

— Крыли бы крыши железом и были бы спокойны! Вот я…

Но вельможный пан не успел договорить… Громкий треск кровли прервал слова гордеца. С сильным шумом жестяные листы стали падать на землю, куски раскалённого железа отлетали на соседние участки. Ничего не успел спасти гордый пан из своего огромного имущества. А тут же, недалеко от его дома, в самом центре бушующего пожара, стояла бедная, почти пригнувшаяся к земле хатка. Её хозяйкой была бедная-бедная мусульманка. Когда рушились дома, крытые черепицей и железом, могла ли она подумать, что её ветхая хатка спасётся от разъярённой стихии! Кто знает, что испытала в эти страшные моменты бедная женщина! Может быть, она переходила от отчаяния к безумию, а может быть, она за несколько мгновений поняла то, что не всегда понимают и великие мудрецы. Вбежав в православный храм, она упала на колени и горячо молилась о спасении своего дома. Как некогда услышал Господь мольбу хананеянки, так теперь не оставил Он без ответа молитву бедной вдовы: её

домишко остался цел и невредим, тогда как все окрестные строения сгорели почти до основания. Говорили, что вдова не скрывала ни перед своими единоверцами, ни тем более перед христианами, что дом её спасён заступничеством христианского Бога. Не меняют старые люди своего исповедания, и старая мусульманка не приняла крещение. Но она не походила на тех прокажённых, которые оказались неблагодарными. До самой смерти она благодарила Бога и каждый год приносила в церковь несколько копеек.

Милосердие

После победы над турецкими войсками под Хотином запорожские казаки вторглись в турецкие земли. Разграбив много сёл и городов и наполнив богатой добычей свой корабль, запорожцы пустились по морю в обратный путь и уже приближались к своему отечеству. Но в это время поднялся сильный встречный ветер, и огромные морские волны с такой силой бились о борт, что в нём скоро образовалась течь и он стал наполняться водой. Видя свою неминуемую гибель, грабители-запорожцы со слезами обратились к Богу, чтобы Он избавил их молитвами Пречистой Богородицы и святого архистратига Михаила от угрожающей им опасности. При этом они дали обет потрудиться в обители Божией Матери. И когда они молились, совершилось великое чудо: внезапно перед ними появился юноша на белогривом коне и сказал им:

— Не бойтесь, мужи, но прилежно молите Бога, и Он избавит вас от смерти, для этого Он и послал меня!

И стал невидим.

Между тем ветер утих, море успокоилось, а корабль, который был уже наполовину наполнен водой, оказался совершенно сухим, как будто бы в нём никогда не было течи. Запорожцы, бывшие свидетелями такого чуда, от всего сердца прославили Бога, избавившего их от ужасной смерти, и благополучно вернулись на родину. Там они поспешили выполнить данный ими обет потрудиться в обители Божией Матери, в великой Киевской лавре.

Девочка в карете

(рассказ графа Бутурлина)

Этот случай произошёл в Петербурге. Как-то весной мой двоюродный брат генерал Давыдов был в гостях у своего знакомого. Они весело провели время до вечера. В городе начался фейерверк. Чтобы порадовать дочку своего друга, Давыдов предложил всем прокатиться в его карете. Так как она была двухместной, в неё смогли поместиться только мой брат и его друг, а девочке пришлось стоять перед ними. Вскоре генералу наскучила прогулка, и он вышел недалеко от своего дома, чтобы пройтись пешком. Но как только девочка уселась на его место, какой-то экипаж устремился им наперерез, потому что его кучер не смог удержать лошадей. Дышло этого экипажа врезалось в окно дверей их кареты. Оно пробило оконное стекло и вышло через противоположное окно. Случись это несколькими минутами раньше, когда генерал ещё сидел в карете, и стоявшая между дверями девочка была бы убита наповал.

Случай из жизни

В 1880 году в Москве умер поэт И.З. Суриков. Его произведения сравнивали со стихами Кольцова и Некрасова. Всю жизнь Суриков терпел крайнюю нужду. Однажды он чуть не покончил с собой, и только милосердие Божие спасло его от рокового исхода. Дело было так.

Отец Сурикова негодовал на сына, начавшего писать стихи ещё в детстве. Только мать радовалась за него и покровительствовала его литературной работе. Но она рано умерла, отец женился во второй раз, и юноше стало невозможно жить в доме отца. Поэтому он был вынужден его покинуть.

Суриков поселился в сыром подвале с женой и детьми. Жили они впроголодь, он долго не мог найти работу. Когда ему подвернулось в типографии место наборщика, он с радостью взялся за незнакомое дело. Вскоре, надышавшись типографской пыли, Суриков заболел и был вынужден покинуть типографию, не заработав ни копейки. Настали чёрные дни. Видеть каждый день полуголодных детей было невыносимо! Наконец бедняк дошёл до отчаяния.

«Самоубийство — вот исход», — однажды шепнул ему кто-то тёмной ночью, когда дождь хлестал в окно их подвала, где плакала жена и в бреду метался ребёнок.

«Ты всё равно бесполезен для них! — не умолкал тот же голос. — Пойди скорее и покончи с собой!»

Поэт переживал страшные минуты: в сердце как бы иссяк источник веры, а на устах не было молитвы. В отчаянии Суриков, подгоняемый неведомой силой, пошёл на мост, под которым бурлили мутные волны Москвы-реки.

«Сейчас можно, рядом никого нет!» — мелькнула мысль, и он был уже готов броситься с высокого моста, но вдруг услышал голос своей матери:

«Сынок, остановись!»

Вздрогнув, он обернулся и увидел свою покойную мать. Она строго смотрела на него. Суриков не мог вымолвить ни слова. А силуэт матери стал постепенно растворяться в воздухе…

Впоследствии поэт не мог без слёз рассказывать друзьям об этом случае. Всё, что он пережил в ту роковую ночь, Суриков передал в стихотворении «На мосту».

В темнице

Вот что рассказывала графиня Щербатова о своём прадеде, князе Николае Петровиче, сподвижнике Петра Великого, с которым он участвовал в Шведской войне:

«Всей душой преданный великому человеку, ослеплённый блеском нового мира, открывшегося во всём обольстительном очаровании науки, в распущенности нравов и в разгуле ума, мой прадед увлёкся духом времени или, лучше сказать, духом своего полувоенного кружка. Он унёсся, может быть, дальше других в открытую пучину вольнодумства, почти до отрицания Всемогущего Бога.

У нас остался его портрет. Смуглое лицо, умные карие глаза, стриженные по-европейски волосы, короткая борода, небольшие усы, немецкий костюм придают ему какое-то сходство с самим Петром I, но у прадеда нет открытого и смелого взгляда Петра. Слегка насмешливое выражение прищуренных глаз и улыбка носят отпечаток скептицизма и страстности. Но всё же было что-то привлекательное в этом лице. Видно, что это человек сильный, он неотлучно находился при Петре всю Шведскую кампанию, был с ним и на море, и на галерах, и на суше, и в битве под Полтавой. После кончины государя он не захотел больше служить, оплакивая своего полководца и царя, которому поклонялся и которого любил как гения и героя.

Когда это произошло, точно не знаю — в правление ли Меншикова или Долгоруковых. Князь Николай Петрович спокойно жил в отставке в своём семейном кругу, как вдруг его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Его совесть была спокойна, и он не мог понять, какую клевету на него возвели. Ему, разумеется, ничего не объяснили. Это, впрочем, было принято в то время. Тогда часто применяли пытки и смертную казнь.

И вот, оторванный от жены и детей, князь томился в безмолвном уединении каземата, в тревожном ожидании мучений и казни, но не искал утешения в забытой им, утраченной вере, опираясь лишь на горделивое сознание своей юридической невиновности. Оставленный всеми, без книг, без общения с людьми, он восстал против случайностей жизни и против человеческого коварства, вооружившись безнадёжным презрением к ударам слепой фортуны.

Время тянулось медленно, никаких изменений в его положении не предвиделось. Однажды, после длинного, бесконечного дня, проведённого в размышлениях и догадках о предстоящей роковой развязке, князь заснул. Уже давно ему не снилось ничего светлого и радостного, только мрачные стены каземата и предстоящая казнь… Так и на этот раз во сне князь Николай Петрович увидел себя в своей тесной, сырой тюремной камере, но мрак темницы вдруг стал редеть, как рассеивается темнота перед рассветом, и он стал свободнее дышать. Смутное, тревожное предчувствие охватило его, он ждал чего-то или кого-то, и волнение давно забытой надежды овладело им.

Он увидел, что дверь тихо открылась и вместо его единственного посетителя — очередного караульного — перед ним предстал некий старец. Его лицо сияло святостью и любовью, тихим светом и покоем. Князь смотрел на него в радостном изумлении и молчал.

— Князь, — сказал старец, — твоя судьба находится в твоих руках. Ты напрасно думаешь, что причиной твоего заточения являются недоброжелатели и враги! Люди — лишь слепое орудие. Твоя печаль не к смерти, а к славе Божией. Князь Николай, ты забыл Бога! Обратись, прибегни к молитве, и Тот, Кто разрешил узы святых апостолов и открыл их темницу, выведет и тебя отсюда и вернёт твоей семье!

Николай Петрович проснулся и вскочил с постели. Вокруг было по-прежнему темно, пусто и сыро. Перед ним стали всплывать образы из его далёкого детства… Он вспомнил молебны у них дома, освящение воды в „иордани“, вспомнил, как он стоял, полусонный, но радостный, около матери в их храме со свечой и вербой в руках…

„Это ребячество, — подумал он. — Неужели я так слаб и опустился в этой темноте и скорби, что стану верить снам и молиться на иконы святых? А моя бедная княгиня Анна Васильевна порадовалась бы этому! Она так часто уговаривала меня хоть „Отче наш“ прочесть с ней, когда она усердно клала земные поклоны перед иконами…“ Размышления о его сне преследовали князя весь день. Вспоминая чудный образ явившегося ему старца, он невольно искал сходства со знакомыми ликами, изображёнными на иконах в московских церквах… Так прошло немало времени, но гордость и упрямство взяли верх, и Николай Петрович не прочёл ни одной молитвы, даже не сказал про себя: „Господи, помилуй!“

Опять потянулись долгие, томительные дни. Воспоминания о необыкновенном сне уже стали стираться из памяти князя, как вдруг опять повторился тот же сон. Только сияющий лик старца как бы подёрнулся грустью, и он тихо упрекнул князя за его неверие.

Николай Петрович был потрясён. Много времени прошло после первого сновидения, воспоминания о нём уже изгладились из его памяти, поэтому повторение сна нельзя было приписать его воображению.

„Неужели тут есть что-нибудь сверхъестественное?“ — подумал князь.

Он постоянно думал о своём сновидении, но покориться, смирить себя и свою гордыню, обратиться к Богу он не хотел. Князь потерял душевный покой, и через несколько дней он опять увидел этот сон. Лучезарный старец по-прежнему предстал перед ним, но строгость его лица поразила князя.

— Князь Николай, твоё сердце окаменело, — сказал он, — а время идёт, срок близок! Кайся и молись! Ты мне не веришь, ты не веришь в Пославшего меня. Может быть, ты поверишь вещественному доказательству! Когда тебя поведут на ежедневную прогулку, идя по коридору, взгляни на третью дверь от твоего каземата. Над ней висит икона. Попроси офицера снять её и дать тебе. Это Казанский образ Божией Матери. Возьми его, молись, проси помощи у Пречистой Девы! И опять говорю тебе: веруй, молись, и просящему дастся, ты будешь освобождён и вернёшься домой, в семью, которая молится за тебя! Это моё последнее посещение, ты не увидишь меня больше. Твоя судьба в твоих руках. Выбирай: позорная смерть или свобода и долгая, мирная жизнь!

Князь проснулся и долго не мог прийти в себя. Его сердце смягчилось, слёзы полились из глаз. И как он ни боролся с самим собой, надежда и молитва воскресли в его сердце… На следующий день он шёл по коридору и увидел маленькую икону над дверью, как ему сказал старец. Князь не решился попросить дежурного офицера дать ему образ. Однако он думал об этом и днём и ночью. Наконец князь преодолел свою гордыню и попросил снять ему эту икону и позволить взять её к себе в камеру. Дежурный офицер позволил, и когда, оставшись один в своём каземате, он стал чистить образ, то увидел, что это Казанская икона Богородицы. И это вещественное доказательство истины слов старца, святое действие благодати любви Божией к грешнику согрело сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Он уверовал, как Фома, упал на колени со словами: „Господь мой и Бог мой!“, и из глубины его сердца полились горячая мольба и благодарение. Через несколько дней пришёл приказ о его возвращении на волю. Его освобождение последовало также без всяких объяснений, как и его арест…

Князь Николай Петрович взял икону с собой, сделал ей золотой оклад. Дома он поставил её в киот. И он стал молиться с такой же верой и усердием, как и его супруга, дочь благочестивого семейства».

Турчонок

Этот случай произошёл в Москве. Один из наших генералов, вернувшись из турецкого похода, привёз с собой турчонка, вероятно спасённого им в какой-нибудь схватке, и подарил его своему другу Дурново. Мальчик был умненький, ласковый и добрый. Дурново полюбил его и стал воспитывать как сына, но не хотел его крестить, пока тот сам не изучит христианскую веру. Мальчик подрастал, учился он очень хорошо и радовал сердце своего приёмного отца. Наконец Дурново стал говорить с ним о принятии христианства, о Святом Крещении.

Юноша с жаром говорил о Православии, ходил на службы, усердно молился, но всё время откладывал крещение и говорил своему приёмному отцу:

— Погоди, батюшка, я скажу тебе, когда придёт пора!

Так прошло ещё некоторое время, ему исполнилось шестнадцать лет. Неожиданно в нём заметили какую-то перемену. Он перестал смеяться и шутить, его живые глаза стали серьёзными.

— Я хочу принять Святое Крещение, батюшка! — сказал он однажды. — Уже наступила пора. Но прежде у меня есть к тебе просьба: прикажи купить краски, палитру, кисти, принеси мне лестницу, и в течение месяца пусть никто не входит ко мне!

Дурново уже давно привык ни в чём не отказывать своему приёмному сыну. Как он просил, так и сделали. Молодой турок весь день просиживал в своей комнате, а когда наступал вечер, приходил к Дурново, читал, занимался, разговаривал, но про занятия в своей комнате не говорил ни полслова. Он только похудел, в его чёрных глазах появилось какое-то благоговейное спокойствие. В конце месяца юноша попросил Дурново приготовить всё к его крещению и привёл его в свою комнату.

Палитра, краски и кисти лежали на окне. Лестница, служившая ему подмостками, была отодвинута от стены, занавешенной простыней. Юноша сдёрнул простыню, и Дурново увидел большую, во всю стену, икону Спаса Нерукотворного прекрасного письма. Святой убрус поддерживали два Ангела.

— Вот задача, которую я должен был выполнить, батюшка! Теперь я хочу креститься, я мечтаю соединиться со Христом!

Обрадованный и растроганный, Дурново поспешил всё приготовить, и его воспитанник с благоговейной радостью крестился на следующий день. Когда он причащался, все присутствующие были поражены неземной красотой, которой сияло его лицо. В тихой радости он провёл весь этот день и беспрестанно благодарил Дурново за все его благодеяния и за величайшее из всех — за познание истины и принятие христианства. Он говорил, что Дурново для него больше чем родной отец! Вечером юноша простился со своим названым отцом, опять поблагодарил его за всё и попросил благословения. Домашние видели, что он долго молился в своей комнате перед написанной им иконой, потом тихо заснул… Утром его нашли мёртвым. Он лежал с закрытыми глазами, со сложенными на груди руками, на его устах была тихая улыбка.

Кто проникнет в тайну молодой души? Какой неземной голос призвал его в вечную жизнь? Кто может объяснить дивное действие благодати, призывающей к Небесному Отцу неведомым, таинственным путём? Дурново с родительской любовью оплакивал приёмного сына, хотя и упрекал себя за слёзы при такой святой, блаженной кончине.

В комнате, где скончался юноша, Дурново сделал иконостас и молился там со своей семьёй. В 1812 году его дом сгорел, но стена с образом уцелела, только изображение было сильно повреждено. Его реставрировали. Впоследствии там была основана богадельня на сорок престарелых вдов и девиц, а комнату молодого турка превратили в прекрасную домовую церковь, открытую весь день. Туда со всех концов Москвы и сейчас приходят, и служат молебны перед образом, написанном на стене. Богадельню называют Барыковской, по имени её основателя, а церковь — Спаса Нерукотворного образа на Остоженке.

Сам Господь хранит детей

В житии великого подвижника Божьего, Саровского чудотворца Серафима, есть поразительный случай Промысла Божия, охраняющего младенцев. Прохору, так звали отца Серафима в миру, было всего семь лет, когда его благочестивая мать, во исполнение завещания своего покойного мужа, усердно занималась строительством приходской Сергиевской церкви. Она сама следила за работами и нередко поднималась на самый верх здания. Однажды она взяла с собой и семилетнего отрока Прохора на верх строившейся колокольни. Занятая осмотром работ, мать не заметила, как мальчик отошёл от неё, оступился

и упал на землю.

В ужасе она сбежала с колокольни вниз, думая, что найдёт своего сына мёртвым, но какова же была её радость, когда она увидела его целым и невредимым! Дитя уже стояло на ногах! Все признали спасение мальчика особенным чудом Божиим и прославили Господа, охраняющего невинных детей в минуты смертельной опасности. Кто благоговейно внимает путям Промысла Божия, тот нередко может видеть подобные проявления Его милости к детям, Ангелы Хранители которых всегда видят лицо Отца Небесного и ограждают детей от опасности. Над юным Прохором сбылось слово Писания:

На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею[8].

Митрополит и царь

Смиренный, кающийся грешник в очах Божиих несравненно выше праведника, который много думает о своей праведности. Смирение, по слову святого Иоанна Лествичника, может и из бесов сделать ангелов. Из многочисленных примеров такого обращения погибающих грешников приведём одну поучительную и трогательную повесть, сохранившуюся со времён царя Иоанна Васильевича Грозного и святителя Христова Филиппа.

В то время во Владимире служил молодой священник по имени Тимофей. По действию врага он впал в такой тяжкий грех, за который его следовало предать смерти. В ужасе от собственного злодеяния он скрылся от жены и детей, переоделся воином, сел на коня и бежал к татарам, в их столицу — город Казань. Там в отчаянии он отрёкся от Христа, принял басурманскую веру и взял себе двух жён-татарок. И вот бывший служитель алтаря Божия стал мусульманином, православный русский человек стал лютым врагом своей родины! Казанский царь сделал его своим воеводой и часто посылал с набегами на Русскую землю.

Тридцать лет прожил в Казани Тимофей и стал богатым и знатным татарским вельможей. Но не мог он заглушить в своей душе голос совести: куда бы он ни пошёл, что бы ни делал, она томила его безысходной тоской. Ничто не могло его утешить, ни в чём он не находил себе отрады!

«Отступник, изменник, лучше бы тебе было понести казнь за твой грех, чем отрекаться от Христа!» — так звучал голос совести в его несчастной душе.

И кто знает? Может быть, он и плакал горько, как апостол Пётр после отречения от Господа, когда оставался наедине с самим собой. Может быть, и воздыхал с покаянием, робко возводя свой духовный взор к милосердию Небесного Отца… И Господь смилостивился над этим несчастным грешником.

Однажды он возвращался в Казань после удачного набега на Русскую землю. Отпустив войско вперёд, он ехал один на своём коне. Вдруг ему вспомнился его тяжкий грех, жаль ему стало родной страны, грусть сдавила его сердце. Не видя рядом с собой никого, он с сердечным умилением запел свой когда-то любимый стих: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь…» Вдруг ему навстречу из рощи выбежал русский юноша. Тимофей вздрогнул и по привычке схватился за меч, но юноша с горькими слезами упал перед ним на колени и просил пощады.

— Кто ты такой? — спросил его Тимофей.

— Меня зовут Василий, я бегу из татарского плена. Я тут скрывался, пока пройдут воины, а когда ты запел, то я подумал, что ты тоже русский, ведь этот стих на Руси любимый! У нас все

его поют, славят нашу Заступницу Богородицу. Вот я и вышел к тебе, думая, что ты русский человек...

Жалость коснулась жестокого сердца отступника, он горько заплакал, сошёл с коня и упал на землю. С удивлением и жалостью смотрел на него юноша. Уже стало смеркаться, когда Тимофей пришёл в себя. Тогда Василий спросил его, о чём он так горько плачет. И кающийся грешник, облегчив страждущее сердце слезами покаяния, рассказал юноше, кто он и как стал изменником своей веры и родной земли. Василий стал утешать его, как мог, надеждой на бесконечное милосердие Божие, не отвергающее кающегося грешника.

Тимофей сказал ему:

— Заклинаю тебя Богом вышним, Иисусом Христом, Который пришёл в мир спасти грешников: иди скорее в Москву, расскажи всё, что знаешь обо мне, грешном, митрополиту Филиппу и спроси его: есть ли для таких грешников прощение? Пусть он будет за меня печальником и перед великим князем, чтобы князь простил мне всё зло, которое я делал на Русской земле, опустошая её столько лет. И пусть бы они прислали мне с тобой на это самое место грамоту о моём прощении с двумя печатями: митрополичьей и великокняжеской. Я буду ждать тебя тут через три месяца. Потрудись же для меня, милый брат мой, ради Господа, тогда я с радостью вернусь в Москву и поселюсь в какой-нибудь обители, чтобы оплакивать мои тяжкие грехи! А тебя Бог не оставит за это Своей милостью. Юноша обещал всё исполнить. Они переночевали на том месте и рано утром расстались. Тимофей отправился в Казань, а Василий — в Москву. Здесь он пришёл к митрополиту Филиппу и всё рассказал ему о Тимофее. Святитель Христов обо всём доложил великому князю Иоанну Васильевичу, который пожелал выслушать рассказ от самого юноши, вернувшегося из плена. Василий повторил и великому князю историю отступника Тимофея. Митрополит и великий князь написали грамоту о его прощении, запечатали её двумя печатями и послали с юношей к Тимофею.

Василий успел на условленное место вовремя. Два дня он ждал Тимофея. На третий день вдали показался всадник. Василий узнал в нём Тимофея, но на всякий случай спрятался в кустарнике. Приехав на условленное место, Тимофей осмотрелся. Не увидев юноши, он спрыгнул с коня и стал горько плакать. Тогда Василий вышел к нему. Увидев его, Тимофей бросился ему навстречу, обнял его и сказал:

— Чем я отплачу тебе, мой верный друг, за твои великие труды, за то, что ты оказал истинно христианскую любовь мне, басурманину?

Тут Василий подал ему грамоту с двумя печатями. Тимофей быстро сорвал печати и стал читать её. Слёзы радости текли по его лицу, он прерывал чтение глубокими вздохами и молитвенными восклицаниями: «Боже, милостив буди мне, грешнику! Боже, очисти грехи мои и помилуй меня!» Окончив чтение, он упал на землю и сказал: «Благодарю Тебя, Человеколюбец, милостивый к грешникам, что сподобил Ты меня, окаянного, получить прощение в моих тяжких грехах от самого первосвятителя русского!» И с этими словами кающийся грешник испустил дух...

Долго стоял юноша в ужасе над бездыханным телом Тимофея. Ему не верилось, что он мог так быстро умереть. Однако ему пришлось копать могилу и хоронить своего друга. Усталый, он лёг ночевать около свежей могилы. И вот он увидел во сне усопшего Тимофея, который благодарил его за всё и сказал ему:

— Ради тебя Бог помиловал меня! Возьми себе моего коня и всё, что осталось после меня, ступай с Богом домой. Поминай меня, пока ты жив, милостыней и приношением в церкви

Божии.

Утром Василий проснулся, помолился у могилы своего умершего друга, взял его коня, к седлу которого были привязаны мешки с золотом и дорогими камнями, и отправился в Москву. Тут он подробно рассказал митрополиту и великому князю всё, что с ним случилось. Он показал им золото. И прославили Бога великий князь и митрополит, и рассудили, что, видимо, принял Господь покаяние грешника и его душа спасена от вечной муки слезным покаянием. Это было записано для пользы читающих, чтобы никто из самых последних грешников не отчаивался в милости Божией, принимающей искренно кающихся...

Муки совести

Преподобный Зосима проводил безмолвную жизнь в Синайской пустыне. Однажды к нему пришёл разбойник и, исповедав свои тяжкие преступления, просил преподобного принять его в иночество, чтобы слезами покаяния омыть свои грехи. После испытания совести разбойника преподобный Зосима облёк его в иноческий чин. Вскоре после этого он сказал ему, что в этом месте трудно будет укрыться, потому что многие сюда приходят и могут его узнать. Поэтому Зосима посоветовал ему уйти из монастыря и сам проводил его в уединённый скит аввы Дорофея.

Девять лет прожил в этом скиту кающийся разбойник, пребывал в постоянной молитве и смиренно выполнял все скитские послушания. После стольких лет иночества он неожиданно оставил скит и вернулся к преподобному Зосиме. Он просил, чтобы старец забрал его иноческую мантию и вернул ему мирскую одежду. Зосима в недоумении спросил, что заставляет его отречься от монашеского жития. Бывший разбойник поведал старцу следующее:

— Вот уже девять лет я, отче, пробыл в скиту и сколько возможно постился, пребывал в воздержании и трудах, повинуясь всем с кротостью и молчанием, надеясь на милосердие Божие о прощении моих тяжких грехов, но не нашёл себе мира и отрады.

Я каждый день вспоминаю убитого мной ребёнка, который спрашивает меня, за что я его убил! Он стоит перед моими глазами не только во сне, но и наяву: когда я стою в храме, когда куда-нибудь иду... Это дитя всё время передо мной! Поэтому я хочу, отче, — продолжал бывший разбойник, — пойти туда, где я творил беззакония, чтобы меня судили и предали смертной казни!

Преподобный Зосима, выслушав инока, отпустил его. Раскаявшийся разбойник предал себя в руки правосудия и был казнён. Он смыл своё страшное преступление кровью, потому что никакие слёзы не в силах были изгладить этого из его совести и сердца.

Обличение убийцы

Один молодой купец, продав в городе товар и собрав много золота, хотел ночью отправиться домой. Увидев его золото, один разбойник позавидовал ему и стал ждать, когда купец отправится в путь. Ранним утром ничего не подозревающий купец выехал домой. Разбойник, сидя в засаде, подкараулил его, внезапно напал и убил, присоединив к одному постыдному делу другое злодейство. Золото он забрал себе, а мёртвое тело бросил к дверям великого подвижника Палладия.

Когда наступил день и стало известно об убийстве, все торговцы всполошились и пришли к

келье Палладия. Они выломали его дверь и хотели наказать старца за убийство. С ними был и тот самый разбойник, который напал на купца. Блаженный муж, окружённый озверевшей толпой, подняв глаза к небу и устремив мысль к Богу, умолял Его открыть истину. Помолившись и взяв лежащего за правую руку, он сказал:

— Скажи, юноша, кто нанёс тебе смертельный удар, покажи виновника злодеяния и освободи невинного от такой страшной клеветы!

После его слов умерший сел и, осмотрев присутствующих, показал рукой на убийцу. Тут поднялся крик, всех изумило это чудо. Злодея обыскали и нашли у него нож, обагрённый кровью, и золото. Это чудо подтверждает, какое великое дерзновение имел преподобный Палладий к Богу.

Нет ничего тайного

Этот случай произошёл в одном украинском селе. Крестьянин Павел Янков пас с ребятами в поле скот. Разозлившись на одного из них, он ударил его кулаком по голове так сильно, что мальчик упал без сознания на землю. Павел испугался, что ребёнок умер, и, чтобы отвести от себя подозрения, схватил нож и перерезал мальчику горло до кости… Мёртвое тело ребёнка нашли на следующий день под кустом, около дороги, куда его отнёс преступник. Все подумали, что на мальчика напал разбойник.

Но так как место преступления находилось на том же поле, где пасли скот, то Янкова всё же взяли по подозрению под стражу. Однако на допросе он не сознавался, а улик против него не было.

Между тем тело мальчика отнесли в храм на отпевание. При прощании с телом к нему подвели и подозреваемого. Посмотрев покойнику в лицо, Янков поцеловал его. В этот момент у мёртвого изо рта и носа полилась кровь. Все восприняли это за знак свыше — за обличение убийцы. Дрогнуло сердце преступника: он перекрестился, подошёл к своему помещику, упал ему в ноги и сознался в злодеянии.

Так убитый при всех обличил убийцу! Покойный по воле Всемогущего Бога безмолвно, но красноречиво свидетельствовал о том, кто его убил… Вспомним слова Господа, сказанные братоубийце: *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли*[9].

Журавли

Это произошло в Германии. Разбойники, ограбив одного путешественника, решили его убить. Несчастный, тщетно умолявший о пощаде, увидел в свою последнюю минуту стаю летящих журавлей и заклинал их быть свидетелями этого злодейства и открыть его. Совершив убийство, злодеи поехали на ближайший постоялый двор. Вскоре на кровлю дома, где расположились преступники, прилетела стая журавлей и подняла сильный крик.

Тогда один из разбойников шутливо сказал своему товарищу:

— Вот, кажется, те самые журавли, которым убитый поручил обличить нас в преступлении! Но они напрасно сюда прилетели, их крики никто не сможет понять!

Однако, по устроению Промысла Божия, случилось так, что хозяин постоялого двора услышал эти слова. Он тотчас донёс властям, которые немедленно схватили всех разбойников. У них нашли множество дорогих вещей. Когда их стали допрашивать, они запинались и давали

сбивчивые показания. Между тем труп убитого был найден. На его одежде не хватало одной запонки. Вторую нашли у разбойников. Против этого они не смогли защищаться, поэтому были осуждены на смертную казнь. Перед смертью они признались во многих других преступлениях.

Наказанное кощунство

В Тверской губернии скоропостижно умер молодой крестьянин Илья Лебедев. Началось следствие. Брат покойного, Василий Лебедев, объяснил, что он вместе с умершим и товарищами шёл за покупками в село Завидово. Недалеко от села они заметили стоящий в поле деревянный крест. Когда они подошли к нему, все, кроме Ильи, обнажили головы и перекрестились. А Илья стал смеяться над ними и произнёс кощунственные слова. Не успели они отойти от креста, как Илья внезапно почувствовал сильную боль в ногах. Кое-как вместе с товарищами он дошёл до села, а затем едва смог добраться домой. Здесь Илья продолжал жаловаться на сильную боль в ногах и руках, так что с трудом вышел на работу на следующий день. Вскоре боль настолько усилилась, что он уже не мог двигаться и пролежал, не вставая, четыре дня. К нему позвали врача, но он не смог ему помочь. Видя тяжкий недуг, поразивший Илью, и полное бессилие медицины, его брат Василий решил отнести больного к селу Завидово и отслужить у кощунственно поруганного им креста молебен.

Железнодорожный смотритель достал подводу, и они втроём поехали на богомолье. К сожалению, священника в селе они не застали. Помолившись у креста, они поехали обратно. Но едва они прибыли на станцию Завидово, как Илья скоропостижно умер.

Вор

Однажды петербургская сыскная полиция задержала вора-рецидивиста Александра Павлова, совершившего шестнадцать дерзких краж. На вопрос, не он ли похитил ризу из одной квартиры, задержанный заявил, что он больше не ворует ризы с икон. После этого Александр рассказал такой случай. Однажды он забрался к кому-то в квартиру и прельстился ценной ризой на большой иконе, висевшей в углу зала. Он, подставив стул, открыл киот и только поддел ризу стамеской, как вдруг во всей квартире раздался сильный звон колокольчика. Александр поспешил оставить работу и бросился к двери, но оказалось, что в квартире никого нет. После этого он ещё несколько раз пытался взять ризу, но при этом раздавался сильный звон. Тогда на него напал страх, и он с ужасом убежал из квартиры, решив никогда больше не красть ризы с икон.

Похожий случай рассказал в полиции другой грабитель. Забравшись в запертую квартиру и набрав в узлы массу вещей, он стал снимать ризу с иконы. В этот момент вор увидел, что мимо него прошёл в соседнюю комнату какой-то офицер. Это видение было настолько реальным, что на вора напал дикий страх. В комнатах никого не было, так как оба выхода из квартиры были заперты на крючки. Вор в ужасе бежал из этой квартиры, оставив в ней и узлы с вещами.

Миссионеры

В окрестностях Телецкого озера жил известный в том краю шаман по имени Козак. Это был неглупый человек, он пользовался большим уважением у местных жителей. Козака чаще других шаманов приглашали к себе домой жители того края. Он часто видел, что многие его соотечественники-алтайцы, даже дети, принимают Святое Крещение. Они не боялись опасностей и препятствий, угроз и жестоких побоев своих родственников-язычников и самоотверженно, неудержимо стремились к Православию. Крестившись, они меняли свою жизнь, честно трудились и по сравнению с некрещёными жили в довольстве и достатке. Зная

всё это, Козак не редко задавал себе вопрос: что это значит, что это за христианская вера? Может быть, она в самом деле настоящая, истинная вера? Как-то Козак проезжал верхом по пустынной долине и рассуждал о Крещении и православной вере. Неожиданно яркий свет озарил всю вокруг. В этом свете шаман увидел какого-то прекрасного юношу, у него было сияющее лицо. Его вид настолько поразил Козака, что он упал на землю и стал громко рассказывать этому юноше о своей жизни, начиная с раннего детства. Он рассказал, как маленьким ребёнком остался сиротой, как его научили шаманить, как с годами он всё глубже и глубже входил в это бесовское дело и как, наконец, чёрная сила до того овладела им, что он уже не в состоянии был ей сопротивляться.

В это время Козак услышал слова чудесного юноши:

— Если ты хочешь быть счастливым на земле и спастись после смерти, то веруй в Иисуса Христа и прими Святое Крещение! Христианская вера — одна истинная вера. Скажи об этом своей жене и всем твоим родственникам.

Затем юноша рассказал ему о православной вере, и эти слова потрясли шамана. В этот момент перед духовными очами Козака открылось необозримое пространство Алтая, и ему показали, где будут возведены христианские церкви.

В заключение таинственный юноша сказал:

— Когда будут косить сено, тут проедет великий архиерей освящать воды Телецкого озера и укажет места, где воздвигнутся храмы единого Бога.

На этом видение закончилось. Козак пришёл в себя. Он сразу отправился к тем местам, которые были ему указаны Ангелом, и отметил их. Потом он поехал к себе домой. Там он рассказал о своём видении жене, которая с благоговейным ужасом слушала его рассказ. Через три дня Козак ехал по лесу. В этот момент он поднял глаза наверх и увидел в небе блистающий образ какого-то священника. Он был в светлой ризе, сияющей митре, его руки были подняты для благословения. Вернувшись домой, Козак опять рассказал о своём видении жене. В этот раз, приготовив богатый стол, он позвал к себе всех своих родственников, друзей и знакомых. Угостив собравшихся гостей, Козак стал говорить им об Иисусе Христе и православной вере. Он призвал всех креститься. Слушавшие эту проповедь язычники были потрясены. Одни с гневом, другие с насмешками оставили юрту своего шамана. Козак между тем приказал своим домашним сменить одежду на русскую, мужчинам велел обрезать косы и всех призвал молиться христианскому Богу.

Козак не сомневался в истине христианской веры и сознавал, что должен срочно креститься. Вскоре ему было третье видение: он увидел широкую дорогу от земли до неба, она была как радуга. Тогда ему вдруг тоже захотелось построить дорогу.

— Потружусь, — сказал он, — Бог Сам сделает её радужной и доведёт до неба!

Он тотчас принялся за работу, копал, выворачивал камни, трудился почти полтора месяца и проложил дорогу на довольно большое расстояние, к одному из тех мест, где ему было видение храма. Язычники стали смеяться над Козаком. Наконец они пришли к выводу, что он помешался, что в нём сидит бес, которого надо умолить, задарить, чтобы он вышел. Заботливые родственники позвали шаманов, закололи много скота для жертвоприношения. Козак с сожалением смотрел на действия своих родичей, противиться которым он не мог.

Он терпеливо ждал того часа, который, по его твёрдому убеждению, должен был положить конец его испытаниям, открыв путь к Крещению. Наконец Козак услышал, что архиерей, о

котором ему было возвещено в видении, действительно едет. Тогда он смело объявил родным о своём твёрдом намерении креститься. Но родственники, признавая Козака сумасшедшим, схватили его, связали и увезли за триста километров в пустынное место. Между тем преосвященный — это был Томский епископ Парфений — объезжал Алтай, освящал воды Телецкого озера, проезжал мимо отметин, которые оставил Козак в указанных ему в видении местах будущих церквей. Архипастырю передали происшедшее с Казаком. Он позвал его, но шамана нигде не могли найти, потому что родственники его не отпускали.

Но так как вести у кочевников переносятся с быстротой молнии, то и Козак узнал, что проезжавший архиерей искал его. Горько плакал и рыдал несчастный и наконец тяжело заболел. А его всё ещё продолжали сторожить и считать сумасшедшим. Так прошло два долгих года. Один из миссионеров, путешествуя с евангельской проповедью в окрестностях Телецкого озера, вспомнил, что тут где-то недалеко живёт шаман Козак. Так как стояла снежная зима, то до юрты шамана было очень трудно добраться: на пути лежали непроходимые сугробы.

Наконец нашёлся человек, согласившийся послать Козаку весточку. С ним миссионер отправил шаману приглашение прийти креститься, если он не передумал. Посланный добрался до Козака и всё ему рассказал. Тот, выслушав посланца, всё устроил так, что, несмотря на строгий надзор, сумел прийти к миссионеру вместе со своим двенадцатилетним сыном. Обрадованный батюшка сказал ему:

— Теперь Господь даровал тебе возможность для выполнения твоей мечты, ведь ты хотел креститься!

— Эх, монах, — ответил ему Козак, — очень и очень хотел я креститься два года назад, и какая тогда была у меня великая радость на сердце, а теперь уже нет этой радости — злой шайтан украл её у меня!

— Верь, — ответил инок, — что ты получишь эту радость, и ещё большую! Благ наш Господь и всесилен: Он и мёртвых воскрешает! Ему ли не воскресить твою радость? Против всемогущей силы Креста Христова не устоять шайтану со всеми его адскими силами!

При этих словах Козак внезапно стал рвать на себе одежду, мычать, свистеть, неистово хохотать, кататься по полу. Миссионер в ужасе накрыл его иконой, с молитвой окропил святой водой и осенил крестом. Козак сразу успокоился. Через некоторое время он, как бы очнувшись от тяжёлого, болезненного сна, быстро встал и решительно сказал иноку:

— Крести меня! Я во что бы то ни стало хочу креститься!

Они вошли в церковь. Там на иконе Спасителя Козак вдруг узнал явившегося ему некогда священника, только, по его словам, тогда у Него была другая одежда. Упав перед образом Спасителя на колени, Козак стал со слезами молиться.

Миссионер взял елей из теплившейся перед иконами лампады и крестообразно помазал им лоб и грудь рыдающего шамана.

— Монах! — вдруг воскликнул в каком-то необычайном восторге Козак. — Радость-то моя, моя прежняя радость опять входит ко мне в сердце!

Батюшка научил Козака молитвам и вскоре окрестил его с наречением имени Григорий. После этого мальчик, сын Козака, а теперь крещёного Григория, тоже изъявил желание креститься. Но лишь только он сказал об этом, как с ним мгновенно случился такой же припадок беснования, какой был перед крещением у его отца. Молитва и сила честного креста

уврачевали и этого ребёнка, и он был оглашен и просвещён Святым Крещением.

Вскоре племянница Григория пришла навестить его. Ей предложили принять Крещение. Как только девушка согласилась, сразу упала на пол, стала кричать, потом вскочила и побежала к дереву. Наконец она пришла в себя и рассказала, что какой-то всадник, проезжая мимо, приказал ей срочно креститься. Девица была крещена. Через несколько дней пришли другие родственники Григория и тоже приняли Святое Крещение, так что в самое короткое время покрестилось пятнадцать человек.

* * *

Когда в калмыцкие степи пришли миссионеры, чтобы просветить жителей светом Христовой веры, многие приняли Святое Крещение. В селении Улал жил калмык Гучин со своей женой Алтанай, им было более ста лет. Они не хотели креститься и уехали из своего селения в Кузнецкий округ. Но милосердие Божие нашло их и там. Для Гучина и Алтанай обстоятельства сложились так, что они были вынуждены вернуться в родной Улал.

Там все младшие члены семьи Гучина приняли крещение, но он со старухой-женой ещё оставался непреклонным, отвергая убеждения миссионеров и просьбы детей и внуков. Но однажды престарелому Гучину приснился его внук Константин, который читал Святое Евангелие. Книга сияла необыкновенным светом. Какой-то архиерей в белой блестящей одежде, подойдя к Гучину, сказал ему:

— Крестись, и ты будешь читать лучше его!

Гучин будто бы согласился и тут же был крещён этим архиереем, только без погружения в воду. Причём епископ надел на него сияющий как солнце золотой крест, дал ему книгу, которую читал его внук. И Гучин сам стал легко читать, а книга сияла светлыми лучами, и на сердце старика стало так отрадно, что он мог прийти в себя от восторга. Проснувшись, Гучин позвал жену и рассказал ей свой сон. Они тут же решили принять Крещение. Вскоре они были крещены в Улале с особенной торжественностью, при общем ликовании собравшихся на торжество калмыков.

Удалой полковник

Это произошло в то время, когда настоятелем Глинской общежительной пустыни был игумен Филарет. Он, проводя строгую подвижническую жизнь, духовно обновил пустынь и насадил в ней дух высокого благочестия. В то время в пустыни проживал отставной гвардейский полковник Милонов. Он был простым послушником, иночества не принимал, хотя про него говорили, что он имеет тайный постриг, явно же пребывает в прежнем звании. Милонов отличался строго подвижнической жизнью, был большим постником и молитвенником.

Милонов рассказывал о себе, что раньше он был неверующим человеком. Когда он служил в гвардейском корпусе в Петербурге, выделялся среди товарищей разнузданностью нравов: он кощунствовал над святынями, смеялся над всяким проявлением христианского благочестия, отрицал саму веру в Бога и вечную жизнь. По обычаю молодёжи того времени он любил кутежи и разврат. Напрасно старалась его вразумить старушка-мать, напрасно она просила его остепениться и стать христианином не только по названию. Он не слушал матери, а та усердно молилась за него, ибо она была женщиной глубоко верующей и благочестивой.

И вот её молитва, видно, дошла до Господа: дивный Промысл Божий коснулся каменного сердца удалого полковника Милонова, коснулся тогда, когда он этого совсем не ждал!

Однажды после очередной попойки в кругу товарищей Милонов с тяжёлой головой вернулся к себе на квартиру и прилёг отдохнуть. Но не успел он закрыть глаза, как услышал в своей комнате голос из-за печки:

— Милонов! Возьми пистолет и застрелись!

Это его несказанно изумило. Он подумал, что кто-либо над ним подшутил, осмотрел комнату, но никого не нашёл. Поэтому он решил, что это лишь игра воображения из-за винных паров вчерашней попойки. Но в тишине опять ясно прозвучал тот же голос. На этот раз он настоятельно требовал от него, чтобы Милонов взял пистолет и застрелился. Встревоженный полковник позвал денщика и рассказал ему, что он слышит какой-то странный голос из-за печки, который приказывает ему взять пистолет и застрелиться. Денщик был верующим человеком. Он сказал ему:

— Барин, помолитесь Богу, это явно бесовское наваждение!

Милонов, давно не молившийся, отругал денщика за такое предложение и лишь посмеялся над ним.

— Ни Бога, ни беса нет! — отрезал он и не хотел больше его слушать.

Но денщик умолял послушаться его совета и, когда ему опять послышится тот голос с советом застрелиться, осенить себя крестным знамением.

— Тогда увидите, барин, что и Бог и бес существуют: голос сразу умолкнет, ибо он явно бесовского происхождения и хочет привлечь вас к самоубийству, чтобы навеки погубить вашу душу!

Отпустив денщика и немного успокоившись, Милонов опять услышал прежний голос из-за печки и перекрестился. Голос мгновенно замолк. Это произвело на полковника сильное впечатление. Невольный ужас напал на него, и он решил изменить свою жизнь, навсегда покинуть мир и провести оставшиеся дни в покаянии и молитве…

Он тут же подал в отставку, снял блестящий гвардейский мундир, надел простой овчинный тулуп и в нём пешком пошёл в Киев с намерением поступить для покаяния в Киево-Печерскую лавру. Лаврское начальство, увидев полковника в простом тулупе, не захотело принять его в число своей братии и попросило Милонова лично явиться к Киевскому митрополиту с просьбой о его зачислении в монастырь. Митрополит очень удивился, увидев перед собой полковника в нищенской одежде. Но когда Милонов откровенно рассказал ему о том, что с ним случилось, и о своей прежней жизни, митрополит посоветовал ему не оставаться в Киево-Печерской лавре, обители шумной и городской, а лучше отправиться в пустынную Глинскую обитель к старцу игумену Филарету и под его опытным руководством подвизаться там в спасении своей души.

Милонов так и сделал. Он пришёл в Глинскую пустынь, рассказал игумену Филарету о себе и был принят им в число братии. Но так как его старушка-мать ещё была жива, и он отдал ей свою военную пенсию, то, чтобы не потерять её и не оставить свою мать в нужде, он не стал официально принимать монашество, но жизнь проводил строго подвижническую. Милонов пережил игумена Филарета и уже при его преемнике, игумене Евстратии, блаженно почил о Господе в той же Глинской пустыни, оставив после себя добрую память истинного подвижника и верного раба Христова.

Прозрение

(Рассказ графа М. Толстого)

«Я возвращался в Москву из Нижнего Новгорода. На железнодорожном вокзале какой-то маленькой станции я увидел монаха, внимательно читавшего книгу — по-видимому, молитвослов. Когда старец окончил чтение и закрыл книгу, я подсел к нему, познакомился и узнал, что он иеромонах Григорий, строитель одной общежительной пустыни, едет в Петербург по делам своей обители. Монашествует он уже более тридцати лет, а в прежней мирской жизни был офицером лейб-гвардии полка.

— Как это случилось, — спросил я его, — что вы решили принять монашество? Наверное, в вашей жизни произошло что-нибудь необыкновенное?

— Я охотно рассказал бы вам историю моей жизни, — ответил отец Григорий, — но этот рассказ о милости Божией, посетившей меня, грешного, будет длинным. Скоро прозвонит звонок, и нам придётся расстаться — мы ведь едем в разных вагонах.

Когда я пересел к нему в купе (по счастью, там не было никого, кроме нас), отец Григорий рассказал мне следующее.

— Мне грустно и стыдно вспомнить прошлое, — начал он, — я родился в знатном и богатом семействе. Мой отец был генералом, а мать — княжной. Когда отец умер от раны, полученной в Лейпцигском сражении, мне было всего семь лет. Мать умерла ещё раньше. Круглым сиротой я поступил на воспитание к моей бабушке, княгине. Там для меня нашли наставника-француза, бежавшего в Россию от смертной казни. Этот самозваный учитель не имел ни малейшего понятия о Боге, о бессмертии души, о нравственных обязанностях человека. Чему я мог научиться у такого наставника? Говорить по-французски с парижским произношением, мастерски танцевать, хорошо держать себя в обществе? А обо всём остальном страшно теперь и подумать!..

Бабушка, дама высшего света, и другие родные любовались ловким мальчиком, и никто из них не подозревал, сколько гнусного разврата и всякой мерзости скрывалось под моей красивой внешностью! Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я был уже юнкером в гвардейском полку и имел две тысячи душ под попечительством дяди, который был мастер проматывать деньги и меня обучил этому нетрудному искусству.

Скоро я стал корнетом в том же полку. Года через два я был помолвлен с княжной, одной из первых красавиц высшего света. Приближался день нашей свадьбы. Но Промысл Божий готовил мне другую участь — видно, что над моей бедной душой сжалился Господь!

За несколько дней до предполагаемого брака, 15 сентября, я возвращался домой из дворцового караула. День был прекрасный. Я отпустил своего рысака и пошёл пешком по Невскому проспекту. Мне было не по себе, какая-то необъяснимая тоска теснила грудь, мрачное предчувствие тяготило душу… Проходя мимо Казанского собора, я зашёл в него. Впервые мне захотелось помолиться в церкви!

Сам не знаю, как это случилось, но я усердно молился перед чудотворной иконой Божией Матери, просил избавить меня от какой-то неведомой опасности…

Когда я вышел из собора, меня остановила какая-то женщина в рубище, с грудным ребёнком на руках, и попросила подаяния. Раньше я был равнодушен к нищим, но на этот раз мне стало

жаль бедную женщину, я дал ей денег и произнёс:

— Помолись обо мне!

Идя дальше, я вдруг почувствовал себя плохо: меня бросало то в жар, то в холод, мысли путались. Едва дойдя до квартиры, я упал без памяти, к ужасу моего верного Степана, который находился при мне с детства и часто, но, увы, безуспешно предостерегал меня от многих дурных поступков. Что было потом, не знаю, только вспоминаю, как будто во сне, что около меня толпились врачи и ещё какие-то люди, что у меня очень болела голова и все вокруг меня кружилось. Наконец я впал в полное беспамятство. Через двенадцать суток я неожиданно пришёл в себя. Я не имел сил открыть глаза, не мог произнести ни слова, даже пошевелиться мне было невозможно. Вдруг надо мной раздался тихий голос: *Мужайся, и да укрепляется сердце твоё, и надейся на Господа!*[10].

А в соседней комнате разговаривали двое моих сослуживцев, я узнал их по голосам.

— Жаль бедного Андрея, — сказал один из них, — ещё рано бы ему… Какое состояние, связи, невеста-красавица!

— Ну насчёт невесты жалеть нечего! — ответил другой. — Я уверен, что она шла за него по расчёту. А Андрея очень жаль, теперь и занять не у кого, а у него всегда можно было перехватить сколько нужно и надолго…

— Надолго! Другие совсем не давали! А кстати, вероятно, его лошадей дёшево продадут. Хорошо бы купить Вихря! Это его лучший верховой конь…

„Что же это такое? — подумал я. — Неужели я умер? Неужели моя душа слышит, что происходит около меня, возле моего мёртвого тела? Значит, есть во мне бессмертная душа, отдельная от тела?! Нет, не может быть, чтобы я умер! Я чувствую, что мне жёстко лежать, чувствую, что мундир жмёт мне грудь! Значит, я жив! Полежу отдохну, соберусь с силами, открою глаза. Как все тогда перепугаются и удивятся!“

Прошло несколько часов. Я мог считать время по бою настенных часов, висевших в соседней комнате. Чтение Псалтири продолжалось. На вечернюю панихиду собралось множество родных и знакомых. Раньше всех приехала моя невеста со своим отцом, старым князем.

— Тебе нужно иметь печальный вид, постарайся заплакать, если можешь! — сказал ей отец.

— Не беспокойтесь, — ответила она, — кажется, я умею держать себя, но, извините, заставить себя плакать не могу! Вы знаете, я не любила Андрея и согласилась выйти за него только по вашему желанию. Я жертвовала собой ради семьи…

— Знаю, знаю, мой друг, — продолжал старик, — но что скажут, если увидят тебя такой равнодушной? Эта потеря для нас большое горе! Твоё замужество поправило бы наши дела. А теперь где найдёшь такую выгодную партию?

Разумеется, этот разговор происходил на французском языке, чтобы псаломщик и слуги не могли понять. Я один всё слышал и понимал…

После панихиды моя бывшая невеста подошла проститься со мной. Она крепко прильнула губами к моей похолодевшей руке и долго не могла оторваться. Её отвели насильно, уговаривая не убивать себя горем.

В этот момент послышались слова:

— Как это трогательно, как она любила его!

О мирские связи, как вы непрочны и обманчивы! Вот дружба товарищей, вот любовь невесты! А я, жалкий безумец, страстно любил её и в ней одной искал своё счастье!..

Когда все разъехались после панихиды, я услышал над собой плач доброго старика Степана.

— На кого ты нас покинул, голубчик мой! — причитал старик. — Что теперь с нами будет! Умолял я тебя — побереги себя, барин! А ты не хотел меня слушать. Погубили тебя приятели вином и всяким развратом! Теперь им до тебя и дела нет, только мы, твои слуги, над тобой рыдаем!

Вместе со Степаном плакали и мои крестьяне, жившие в Петербурге по паспортам.

Они любили меня искренно, потому что я их не притеснял и не увеличивал оброк. По совести признаюсь, что я поступал так единственно из-за своей беспечности: денег у меня было с избытком, хватало на всё, в том числе на всякие безобразия, какие приходили мне в голову. Так вот где я нашёл искреннюю любовь — в сердцах простых людей, своих слуг!

Наступила длинная, бесконечная ночь. Я стал вслушиваться в чтение Псалтири, для меня незнакомой. Никогда прежде я не раскрывал этой Божественной, сладостной книги. Глубоко врезались мне в сердце эти слова, я повторял их мысленно и горячо-горячо молился. Вся прошлая жизнь предстала передо мной, как будто холст, покрытый разными нечистотами. Что-то неведомое, святое, чистое влекло меня к себе. Я дал обет исправления и покаяния, обет посвятить свою жизнь на служение милосердному Богу, если только Он помилует меня. А что, если мне не суждено вернуться к жизни? Что, если меня — живого мертвеца — заживо зароют в землю? Не могу теперь высказать всего, что я испытал той ужасной ночью! На следующий день Степан увидел у меня на голове прядь седых волос. Даже спустя годы при воспоминании об этой ночи в гробу я вздрагивал...

Наступило утро, и мои душевные страдания ещё больше усилились. Мне было суждено выслушать слова о моей смерти! Около меня кто-то произнёс:

— Сегодня вечером вынос, завтра похороны в Невской лавре!

Во время утренней панихиды кто-то заметил капли пота на моём лице и указал на это доктору.

— Нет, — сказал доктор, — это холодное испарение от комнатного жара. — Он взял меня за руку и произнёс: — Пульса нет, без сомнения, он умер!

Невыносимая пытка — считаться мертвецом, ждать той минуты, когда закроют крышку гроба, в котором я лежу, когда на неё посыплется земля, и не иметь силы подать признаки жизни ни взглядом, ни звуком, ни движением! А между тем я чувствовал, что мои силы были ещё слабее, чем вчера... Нет надежды! Ужасное отчаяние овладело мной, мне казалось, что внутри у меня всё сжимается и содрогается... Но, видимо, мой Ангел-Хранитель был рядом: кто-то подсказал мне слова молитвы, которые я слышал, лёжа в гробу:

„Боже мой, помилуй меня, пощади меня, я гибну...“ Так взывал я из глубины души, обуреваемый предсмертной тоской.

Прошло ещё несколько мучительных, безотрадных часов, и я уже не молился о возвращении к

жизни, я просил себе тихой смерти как избавления от предстоящих мне страшных мук. Мало-помалу моя душа успокоилась в крепкой молитве. Ужасы медленной смерти в могиле представлялись мне заслуженной карой. Я всецело предал себя на волю Божию и хотел только одного — отпущения моих грехов.

Панихида окончилась, и какие-то люди подняли меня вместе с гробом. При этом они как-то встряхнули меня, и вдруг из моей груди бессознательно вырвался вздох. Один из них сказал другому:

— Покойник как будто бы вздохнул!

— Нет, — ответил другой, — тебе показалось!

Но моя грудь освободилась от стеснявших её спазмов, и я громко застонал. Все бросились ко мне, доктор быстро расстегнул мундир, положил руку мне на сердце и с удивлением сказал:

— Сердце бьётся, он дышит, он жив! Удивительный, потрясающий случай!

Меня быстро перенесли в спальню, раздели, положили на постель, стали растирать спиртом. Скоро я открыл глаза и сразу посмотрел на икону Спасителя, на ту самую икону, которая (как я узнал потом) лежала на аналое у изголовья моего гроба. Потоки слёз хлынули из моих глаз. Около кровати стоял Степан и плакал от радости. Рядом сидел доктор и уговаривал меня успокоиться. Он не понимал, что я испытывал. Помощь доктора была мне не нужна, молодые силы быстро восстановились. Впрочем, я благодарен ему за то, что он по моей просьбе запретил пускать ко мне посторонних, чтобы не беспокоить меня.

В полном одиночестве я провёл несколько дней, не видя ни одного чужого лица. Моим утешением были Божественные псалмы Давида. Я учился познавать Бога, любить Его и служить Ему.

Многие знакомые пытались проникнуть ко мне из любопытства. Они хотели посмотреть на ожившего мертвеца. Каждый день приезжал мой наречённый тесть. Он, видимо, старался не упустить выгодной партии. Но я никого не принимал.

После того как я немного окреп, стал готовиться к Таинствам Исповеди и Причастия. Отец Михаил был моим духовником. Он укрепил меня в решимости отречься от мира и от всех его привязанностей. Но я не скоро смог избавиться от житейских дел. Прежде всего я поспешил отказаться от чести быть зятем знатного князя и мужем прекрасной княжны. Потом я вышел в отставку, отпустил моих крестьян, распродал всё своё движимое имущество и отдал деньги нуждающимся. Прочие свои имения я передал законным наследникам. В этих хлопотах прошёл целый год. Наконец, свободный от земных попечений, я мог искать тихого пристанища и избрал себе благую часть.

Я побывал в нескольких монастырях и поселился в той пустыни, где теперь доживаю свой век. Своего верного Степана я отпустил на волю и предлагал ему денежное вознаграждение, достаточное для обеспечения его старости, но он не принял денег и со слезами просил не отсылать его. Он хотел умереть при мне, провёл остаток жизни в нашей обители и умер, не приняв пострижения.

— Куда мне, недостойному грешнику, быть монахом! — говорил он. — Довольно с меня и того, что сподобился жить с рабами Божиими.

Почтенный отец Григорий закончил свой рассказ следующими словами:

— Вот так Господь явил мне, недостойному, Свою великую милость! Чтобы пробудить мою душу от мрачного греховного сна, Благой Человеколюбец на гробовом ложе просветил мои очи, да не усну в смерть вечную!»

Сила покаяния

В «Московских ведомостях» помещена статья Сергея Нилуса под несколько странным заголовком: «О том, как православный был обращён в православную веру». В статье рассказывается об исповеди одного господина, как он от неверия и разных заблуждений пришёл к свету истины.

* * *

«Окончив курс Московского университета, я был заброшен в качестве кандидата на судебную должность при прокуроре Эриванского окружного суда. Однажды мне пришлось срочно выехать на обыск. Дорога — вернее, её подобие — шла по каменистому берегу Арпачая, сплошь усеянному острыми камнями. За мной ехал целый конвой: переводчик, два казака, два или три турка и сельский старшина. Захотелось ли мне выделиться перед ними или это вышло спонтанно, только я приударил нагайкой свою лошадь, гикнул и, пригнувшись, помчался с такой быстротой, что сразу на несколько десятков метров вырвался вперёд.

И тут случилось нечто невообразимое… Помню только, да и то смутно, что я взлетел вверх, передо мной промелькнули лошадиные копыта… я полетел куда-то в пропасть… Когда я очнулся и огляделся, не мог ничего понять.

Оказалось, что на всём скаку моя лошадь неожиданно споткнулась и перевернулась через голову. Я вылетел из седла и несколько раз кувыркнулся в воздухе. Казаки уже потом говорили мне, что только чудо спасло меня. Как бы то ни было, но после этого у меня несколько дней болела рука. На этом всё и закончилось бы, если бы я не вспомнил о своём невыполненном обете…

Давным-давно я обещал поехать к преподобному Сергию Радонежскому, но вскоре забыл о своих словах. И вот теперь, когда со мной произошёл этот случай, я подумал, что, наверное, Бог напоминает мне о моём грехе…

После этого случая опять прошли годы, а я вновь забыл о своём обещании поехать к угоднику Божию. Но на сердце у меня уже не было прежнего спокойствия. Всё чаще и чаще перед моим мысленным взором вставало страшное слово: „клятвопреступник“.

Со службы я уже давно ушёл и поселился в деревне. Меня даже выбрали церковным старостой. К моему стыду, я не причащался больше семи лет. Как-то на Страстной седмице я решил всё же попоститься, что называется, через пень-колоду. После Причастия я почувствовал себя каким-то обновлённым, жизнерадостным, моя душа испытала что-то давно знакомое, родное, что-то необъяснимое… Мне кажется, так птица, долго томившаяся в неволе, сперва лениво, нехотя, расправляет свои отяжелевшие крылья. Один неуверенный взмах, другой, третий… и вдруг дивная радость полузабытого свободного полёта в бескрайнее небо!

Тогда мне был дарован только первый, неуверенный взмах моих духовных крыльев. Что-то зрело в моей душе: меня чаще стала посещать жажда молитвы, неясно сознаваемая, иной раз насильственно заглушаемая повседневными заботами. Но всё неотступнее вспоминался мой невыполненный обет, и я наконец поехал в лавру…

Никогда не забуду того священного трепета, той духовной жажды, с которой я подъезжал к духовному оплоту моей родины. Вся многострадальная история Русской земли, казалось, разворачивалась передо мной. По святыням лавры меня водил молодой монах, которого я встретил у ворот обители. Это был благоговейный, тихий и смиренный инок, он же привёл меня и к раке, где покоятся нетленные мощи преподобного Сергия. Молящихся было довольно много. Общий для всех молебен служил очередной иеромонах.

Я встал на колени и в первый раз в своей жизни отдался дивному чувству молитвы. Слёзы невольно потекли по моим щекам, я просил преподобного простить мою духовную слабость, моё неверие и отступничество. Когда я подошёл к раке, вдруг увидел под схимой лик старца с грозно устремлённым на меня суровым взглядом. Не веря своим глазам, я отвернулся, продолжая ещё усерднее молиться. Но точно какая-то невидимая сила опять заставила меня посмотреть на то же место, и вновь я увидел суровые очи схимника.

Меня объял ужас, но я стоял перед этим суровым ликом, уже не отводя от него глаз и не переставая молиться. Я видел, как постепенно смягчался суровый взор, как всё легче и отраднее становилось моей потрясённой душе и как постепенно под схимой стало исчезать чудесное изображение…

Когда закончился молебен и все пошли прикладываться к мощам чудотворца, пошёл с ними и я, уже спокойный и радостный. Никогда до этого я не испытывал такой необыкновенной лёгкости. Точно какой-то гнёт, долго давивший мои плечи, был снят с меня всесильной рукой. С особым благоговением я приложился к мощам преподобного…

Эти часы, проведённые под кровом святой обители, этот выполненный обет, дивное молитвенное настроение, чудесное видение, дарованное мне, совершили громадный перелом в моей духовной жизни. Я уверовал.

Да, я уверовал, и, видит Бог, чувство, с которым я возвращался из Троице-Сергиевой лавры, было исполнено неземной теплоты, душевного смирения, любви к Богу и покорности Его святой воле. Казалось, моя душа оказалась на Небе.

В Петербург я приехал в дивном настроении. Но прошло несколько дней, как я уже был в руках лукавого! В городе я познакомился с плохой компанией. За всю мою жизнь я не предавался такому мрачному разгулу, именно мрачному, потому что даже в самый разгар неудержимых оргий, когда я оставался наедине сам с собой, меня буквально душили слёзы. Я видел бездну, раскрытую под моими ногами, видел зловещий мрак её бездонной пасти и ни секунды не забывал, что, подчиняясь какой-то грозной, зловещей силе, я стремглав лечу туда, откуда не бывает возврата. Такого ужаса нравственной смерти, охватившего мою душу, я не испытывал за всю мою жизнь.

К счастью, это искушение продолжалось недолго. Не прошло и недели, как я опомнился, ко мне вернулся дар молитвы. Я уже стал другим. Мир и его развлечения потеряли для меня былое значение, но в душе всё ещё оставалась некая пустота. Такое состояние продолжалось около года.

Стоял февраль, было очень холодно, завывали метели. Наступила вторая или третья неделя Великого поста. Меня по делам вызвали в Петербург. Я быстро собрался и сел в поезд. После второго звонка в купе зашёл батюшка и занял своё место. Я невольно поклонился ему — такое славное впечатление произвело на меня его открытое, милое лицо. Батюшка Игнатий оказался монахом-казначеем одного из монастырей Центральной России. Он рассказал мне кое-что из своего прошлого. Оказывается, он в течение пяти лет подвизался в Оптиной пустыни. Много

удивительного рассказал мне отец Игнатий.

Когда мы подъезжали к Кронштадту, я сказал батюшке, что хочу съездить к отцу Иоанну, но не надеюсь, что смогу попасть к великому кронштадтскому пастырю.

— Умоляю вас, мой дорогой, поезжайте к отцу Иоанну, остановитесь в его Доме трудолюбия, скажите псаломщику батюшки, что вас прислал к нему отец Игнатий из Иоанно-Богословского монастыря. Он меня знает! Поезжайте, не медлите!

Тут наш поезд подошёл к платформе Петербургского вокзала, и мы почти со слезами обнялись и попрощались. Да будет благословенна наша встреча! В Петербург я приехал в пятницу, это был приёмный день министра. До четырёх часов у меня было достаточно времени, чтобы найти гостиницу, умыться, привести себя в надлежащий вид.

К моему ужасу, чем ближе подходил час приёма у министра, тем хуже и хуже становился мой голос. Хрипота, слегка заметная при разговоре с отцом Игнатием, усиливалась, мой голос быстро пропадал. Я заболевал! К четырём часам я уже чувствовал себя настолько плохо, что с большим трудом сел на извозчика и поехал в министерство.

Домой я вернулся уже совсем больной, с сильным жаром, от которого голова, казалось, раскалывалась надвое. По самой простой человеческой логике мне надо было лечь в таком состоянии в постель и послать за доктором, но какая-то сила свыше увлекла меня в лютый мороз в Кронштадт.

В вагоне поезда, сидя у раскалённой печки, я дрожал в своём пальто с поднятым воротником, точно на лютом морозе, но уверенность, что со мной не случится ничего дурного, что я, вопреки кажущемуся безумию моего путешествия, буду здоров, не покидала меня ни на минуту. Однако мне становилось всё хуже и хуже.

Кое-как, скорее с помощью мимики, чем слов, я нанял на вокзале извозчика и как был — в лёгком пальто — пустился в путь по открытому всем ветрам ледяному взморью в Кронштадт, сиявший издали ярким электрическим светом своего маяка. Я велел отвезти меня в Дом трудолюбия.

Улицы Кронштадта были пустынны, когда мы ехали по их ухабам, но чем ближе я подъезжал к Андреевскому собору, тем оживлённее становился город. А уже у самого собора нас встретила людская волна не в одну тысячу человек, торжественно стоявшая на всех смежных с собором улицах и переулках.

— Все идут от батюшки после исповеди! — сказал мой возница, снимая шапку и крестясь на открытые двери храма.

Добрый помощник батюшки отвёл мне приготовленную у него комнату „для почётных посетителей“, велел подать мне самовар и чай и, пожелав здоровья, оставил меня одного.

Я попросил женщину, которая принесла самовар, разбудить меня к заутрене не позже трёх часов утра, заперся на ключ и стал молиться. Откуда снизошло на меня это молитвенное настроение? Казалось, вся долго скрываемая сила покаяния вырвалась наружу и пролилась в бессвязных словах горячей молитвы, в потоке невыплаканных, накопившихся слёз старого, наболевшего, неизжитого горя.

Я забыл обо всём в эти чудесные минуты: о времени, пространстве, сломавшем меня недуге. Во мне пылала та любовь, то чувство покаяния, которое не могут дать никакие духовные силы

человека и которое посылается только свыше, путём незримым и для неверующего непонятным.

Болезнь, как бы отступившая от меня во время молитвы, напала на меня с особенной яростью, когда часов в двенадцать ночи я прилёг отдохнуть до заутрени. Я чувствовал, что у меня начинается бред. Так я пролежал в полузабытьи до утра. Ровно в три часа утра в дверь постучали:

— Уже почти все ушли к заутрене, вставайте!

Я встал, надел пальто и вышел. В белом морозном сумраке зимней ночи завывала метель. Утопая в нанесённых за ночь сугробах, я еле доплёлся до собора. Народу около закрытых дверей было много. Люди всё подходили и подходили, всё росла и росла волна жаждущих Христова утешения. Я не дождался открытия собора… В полуобморочном состоянии меня довёз до Дома трудолюбия извозчик. Я еле добрался до своего номера — он был закрыт. Ни прислуги, ни квартирантов — весь дом точно вымер. В изнеможении я прилёг на каменную лестницу и лежал, пока чья-то милосердная душа, проходившая мимо меня, не отвела меня в незапертую общую комнату, где я и забылся болезненным сном на чьей-то неубранной кровати. Проснулся я, когда уже рассвело. Было около девяти часов. Вскоре стали собираться богомольцы из собора. Кратковременный сон подбодрил меня насколько, что я без посторонней помощи добрался до квартиры псаломщика. Его добрая жена с участием приняла меня, обласкала, напоила чаем и всё время соболезновала, как же это я так расхворался в чужом городе и как же я буду говорить с батюшкой, если с ним увижусь, с такой полной потерей голоса!

В десять часов пришёл псаломщик. Тепло и ласково он посочувствовал мне, а затем огорчил сообщением, что батюшка так плохо себя чувствует, у него так разболелась рука, что на вопрос, приедет ли он в Дом трудолюбия, ответил: „Когда приеду, тогда увидишь!“

Не прошло и часа после прихода из собора псаломщика, как снизу прибежала, запыхавшись, одна из служащих и сказала:

— Батюшка приехал!

Как меня отвёл вниз псаломщик, как он меня там устроил в номере, соседнем с тем, куда вошёл батюшка, я не помню. Помню только чувство ожидания, что вот-вот должно совершиться со мной что-то великое, что откроет мои духовные очи, что сделает меня другим человеком. И это великое действительно совершилось!

Быстрой, энергичной походкой вошёл в мой номер батюшка. За ним шёл псаломщик. Одним взглядом он окинул меня… и что же это был за взгляд! Пронзительный, как молния, прозревающий и всё моё прошлое, и язвы моего настоящего, проникавший, казалось, даже в моё будущее. Таким я себе показался обнажённым, так мне стало за себя, за свою наготу стыдно… Как я выстоял молебен, не помню.

Когда я подошёл к кресту, псаломщик сказал:

— Вот, батюшка, господин из Орловской губернии приехал к вам посоветоваться, да захворал и потерял голос.

— Как же ты голос потерял? Простудился, что ли?

С этими словами батюшка дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя

пальцами правой руки провёл три раза по горлу, и… совершилось чудо. Лихорадка меня в ту же минуту покинула, и мой голос сразу вернулся ко мне! Более получаса, стоя на коленях, припав к ногам желанного утешителя, я говорил ему о своих скорбях, открывал ему всю свою грешную душу и приносил ему покаяние во всём, что томило моё сердце.

Это было моё первое за всю мою жизнь истинное покаяние — покаяние не перед самим собой, но перед Богом! Впервые я узнал, постиг своим существом сладость этого покаяния и впервые всем сердцем принял, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря ниспослал мне Своё прощение, когда отец Иоанн сказал мне:

— У Бога милости для тебя много, Бог простит!

В этот момент я постиг всю тайну исповеди. Я понял это не умом, а воспринял эту тайну всем своим существом. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на моё видимое обращение у мощей преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди занялась во мне ярким пламенем. Я осознал себя верующим и православным. Для меня стало ясно всё великое значение исповеди у духовника. Прежде всего это отрешение от своей гордости, смиренное и благоговейное покаяние не перед лицом человека, а перед Самим Богом.

С этого времени я осознал себя обращённым в православную веру, и только с этого времени я понял, что вне Церкви и ею установленных Таинств нет спасения. Тогда наконец моя жизнь получила для меня и смысл, и значение».

Литература

1. *Монах Митрофан*. Как живут наши умершие. СПб., 1897.
2. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Репр.: Изд-е Введенской Оптиной пустыни. В 12 кн. 1993.
3. *Изергин В*. Чудеса Божии. О чудесных видениях, знамениях, о помощи Божией людям. М., 1907.
4. Собеседования Григория Двоеслова. Кн. 2, 4.
5. *Православный Молитвослов и Псалтирь*. Сретенский монастырь. М., 1997.
6. Пожар. Воскресное чтение, 1883, № 52.
7. *Новый Завет*. Издание Оптиной Пустыни, 1997.
8. *Протоиерей Григорий Дьяченко*. Духовный мир. М., 1901.
9. Вечные загробные тайны. Изд. Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне.
10. Пролог, 17 октября.
11. «Новое время», (1893).
12. «Монастырские письма».
13. «Письма святогорца».
14. «Русская старина» (1875).
15. Четьи Минеи, 5 апреля.
16. «Душеполезное чтение» (1838, 1860, 1884, 1886, 1888, 1903).
17. «Странник» (1860–1903).
18. «Курские епархиальные ведомости».
19. «Иркутские епархиальные ведомости» (1864).
20. «Могилевские епархиальные ведомости» (1883).
21. «Деловой корреспондент» (1895).
22. «Русское слово» (1895).
23. Священник Пётр Волосатовский («Странник», 1868).

24. Василий Петров («Душеполезное чтение», 1886).
25. Священник Ферапонт Виноградов («Странник», 1868).
26. Протоиерей Василий Розалиев («Странник», 1864, 1871).
27. Священник Пётр Грузинский («Странник», 1864).
28. Священник Димитрий Чакир («Странник», 1868).
29. Протоиерей Прокопий Громов («Странник», 1863).
30. Священник Николай Титов («Странник», 1865).
31. Священник Александр Преображенский («Странник», 1864).
32. Священник Павел Городецкий («Странник», 1865).
33. Священник Андрей Нечаев («Странник», 1867).
34. Священник Александр Преображенский («Странник», 1864).
35. Священник Феодор Исаенко («Странник», 1868).
36. Священник Стефан Дубровский («Странник», 1860)
37. Священник Иоанн Рождественский («Странник», 1868).
38. Евгений Поселянин («Душеполезное чтение», 1903).
39. Священник Михаил Юферев («Странник», 1866).
40. Священник Василий Кибардин («Странник», 1864).
41. Священник Пётр Силин («Странник», 1868).
42. Протоиерей Евфимий Остромысленский («Странник», 1861).
43. Священник Иоанн Миловский («Странник», 1868).
44. Протоиерей Павел Тимофеев («Странник», 1867).
45. Священник Евгений Лаговский («Странник», 1863).
46. Священник Феодор Попов («Душеполезное чтение», 1884).
47. Священник Гавриил Делицын («Странник», 1868).
48. Священник Алексий Преображенский («Странник», 1864).
49. Священник Василий Попов («Душеполезное чтение», 1888).
50. Дьякон Александр Лебедев («Странник», 1860).
51. Протоиерей Евфимий Лозинский («Странник», 1868).
52. Протоиерей Стефан Дубровский («Странник», 1860).
53. Священник Павел Ягодкин («Странник», 1864).
54. «Воскресное чтение» (1883).
55. Архив Юго-Западной России. Из собственноручных записок митрополита Петра Могилы. Т. 6. 1887.
56. *Погодин М*. Простая речь о мудрёных вещах. 1884.
57. *Маврицкий*. Добрый путь.
58. *Григорий Дьяченко, протоиерей*. Доброе слово. Гл. 3.
59. «Церковные ведомости». Изд. при Святейшем синоде, 1900, № 15–16.
60. «Кормчий», 1894.
61. «Троицкий листок», № 709.
62. Достоверные сказания о подвигах святых и блаженных отцов.
63. Блаженный Феодорит, епископ Кирр-ский. История боголюбцев. С. 92-93.
64. Правосудие Божие, чудесно открывающее тайные смертоубийства. Москва, 1829.
65. «Московский листок» (1899, 1900).
66. «Москвитянин», 1852.
67. «Вологодские епархиальные ведомости», 1884.

[1] Иак.5:15.

[2] Лк.12:19.

[3] Мф.11:25.

[4] Исх.20:2–3.

[5] Мк.16:18.

[6] Иак.5:15.

[7] Мф.8:22.

[8] Пс.90:12.

[9] Быт.4:10.

[10] Пс.26:14.